

6/2026

Путеводная звезда

12+

школьное
чтение

Ирина Краева

Дети неба, или Во всем виноваты бизоны

ГУМАНИТАРНЫЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
РЕКОМЕНДОВАН МИНИСТЕРСТВОМ
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
ДЛЯ ПРОГРАММНОГО
И ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАЛ ПИСАТЕЛЬ

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
в 1996 году

Главный редактор:
ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ

Редакционная коллегия:
ИРИНА АРЗАМАСЦЕВА,
критик, доктор филологических наук

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ,
писатель

ЛОЛА ЗВОНАРЕВА,
критик, доктор исторических наук

ИРИНА КРАЕВА,
писатель

ЕЛЕНА НЕСТЕРИНА,
писатель

Обложка, титул:
ПЕТР ЛЮБАЕВ
Художник:
АНАТОЛИЙ СЕМЕНОВ

Над номером работали:
ПОЛИНА МОРДОВИНА,
ИРИНА ЛЫСЦОВА

Корректор:
ОЛЬГА ЗАЙЦЕВА

Адрес редакции:
101990, Москва, Армянский пер., 11/2а.
Тел.: (495) 625-8200, 623-5868,
факс: (495) 624-2490.
pzy@defond.org

Отпечатано в ООО «Кировская областная
типография».
610004, г. Киров, ул. Ленина, 28.
www.freepik.com
Тираж 3000 экз.

Журнал зарегистрирован МПТР РФ.
Свидетельство ПИ № 77-5947
от 21.12.2000 г.

Журнал издается при финансовой
поддержке Министерства цифрового
развития, связи и массовых коммуникаций
Российской Федерации.

Рукописи, присланные в редакцию,
не возвращаются и не рецензируются.

При оформлении журнала использованы
иллюстрации с сайта www.pixabay.com

Учредитель:
Международная ассоциация детских
фондов, Д.А. ЛИХАНОВ
© «Путеводная звезда. Школьные чтения»,
2005

Почему я советую вам прочитать именно это

**Ирина
КРАЕВА**
писатель,
г. Москва

Скажи себе: «Убунту!»

Здравствуйте, дорогие читатели «Путеводки»! Недавно меня попросили назвать самую любимую цитату. И я сразу же вспомнила строчку Марины Цветаевой: «Закон протянутой руки, души распахнутой». Как было бы здорово, если бы именно по такому закону жили все люди и даже все страны! Но, увы, пока это невозможно...

Но, знаете, на свете есть южноафриканское племя зулусов, которые называют себя «детьми неба» и исповедуют интересную философию. В чем ее суть? Однажды один антрополог оказался в этом племени и решил провести эксперимент. В корзину он положил фрукты, поставил ее рядом с деревом и сказал окружившим его негритятам: «Тот, кто первым добежит до корзины, в награду получит все фрукты». Ребята взялись за руки и побежали к корзине, а потом поровну поделили вкусности и дружно их слопали. Антрополог спросил: «Почему вы так поступили?» И получил ответ: «Убунту!» Это слово можно перевести так: «Как один из нас может быть счастливым, если все остальные грустят?» Такую историю главному герою моей повести – мальчику Максу рассказывает его любимая учительница Нина Павловна. Она рассказывает ему и многое другое, что поддерживает его, когда ему кажется, что все в его жизни плохо. Нам так всегда кажется, когда не ладятся отношения в семье, когда не хочется рассказывать родителям о своей печали или даже радости, потому что боишься, что тебя не поймут, обидят... Мы чувствуем себя несчастными, если нам не хватает любви самых близких людей. Именно эта беда и мучает Макса и его сестру Анюту. Им приходится многое пережить, иногда, не справляясь с ситуацией, они совершают даже неправильные поступки.

Но никогда не стоит отчаиваться. Не потерять себя, не изменить самому лучшему в себе нам помогают замечательные люди – иногда своими поступками, а иногда мыслями, идеями, которые они оставили после себя в книгах. У каждого из вас в жизни обязательно будут такие «волшебные помощники». Станьте и вы для кого-то добрым волшебником. Убунту!

Ирина Краева

Дети неба, или Во всем виноваты бизоны

«Вот вам ориентир — Корявая Береза. Ее покажет любой, кого повстречаете на берегу нашего живописного озера. В прошлом году Березу дважды громила молния. Но весной она высунула тысячи зеленых язычков и засмеялась как ни в чем не бывало. Держите курс на Корявую. В любую субботу мы все там, в полном составе, печем на костре баклажаны и обсуждаем улетные успехи. Да, такие все в нашей семье — стопроцентные вегетарианцы и луску».

Умереть от занудства. Если уж врать, то веселее!

...А за окном шуршит дождь.

Под моими ресницами он тоже шуршит... Во мне идет дождь.

Сто тысяч капель падают и падают... Они могут падать миллион лет.

И еще это сочинение писать...

Если честно, я все хочу рассказать... Особенно Нинпалне. Но даже ей не все можно рассказать. Все рассказать — значит стать свинским бизоном...

«„Это не суп, а СУПЕР!“ — вопит папа Борис, лопаая грибовницу и заедая ее пончиками с малиной. Он мечет в себя все вперемешку. А как же иначе?! Ведь наша Ма — Мисс Оближи Пальчики, а папа Борис — Мистер Держись За Живот Покрепче, А То Лопнешь От Смеха!»

Я — инфузория туПелька, это понятно... Вряд ли мой юморец порадует Нинпалну. Но не надо было задавать такое сочинение, да еще и на лето.

«Мы души не чаем в наших домашних питомцах. Среди них таракан Вася с семейством,

моль Крошка и ее сестры, а также пес Конфуций — правда, это добродушное чучело живет в квартире напротив, но каждый вечер забегают к нам на огонек, чтобы в уютной компании поковылять на телевизор и получить порцию почесываний по животу».

Пес Конфуций. Таракан Вася. Бред. В нашей квартире появляется только моль, периодически. Хлоп — и готово.

В общем, я не знаю, о чем писать в сочинении на тему «Моя семья».

Что мне писать, если, как говорит Аня, во всем, что с нами произошло, виноваты бизоны? В Ма они давно поселились, не одно стадо... Сестру недавно выкрал из больницы ее собственный папаша и уволок в Индию... И когда они вчера вернулись. Аня вернулась сама не своя. Она сказала, что хочет уехать от Ма и меня... И в ней поселились эти рога-тые?.. А если уж говорить про моего отца... Он просто дельфин. Мой Дельфин...

Я вообще не люблю писать сочинения. События должны быть описаны по порядку и в одном стиле. А как можно все рассказать в одном стиле, если утром ты умный, а вечером поступаешь как круглый дурак? В моей голове сплошной кавардак. И еще я так же красноречив, как прописи для первоклассников. Нинпална объяснила мне: «Макс, это потому, что ты живешь чувствами, и пока их гораздо больше, чем слов»...

Дурацкое сочинение само пишется в моей голове. Я ни о чем другом не могу думать, только о нашей семье. Обстоятельства так сложились. Хотя я бы лучше помечтал о чем-нибудь более радостном.

О том, например, как здорово стать певцом. Огромный зал в сто тысяч глаз. Лучи про-

Ирина Краева

Российский писатель, журналист. Родилась в г. Кирове, окончила факультет журналистики Ленинградского университета. Защитила кандидатскую диссертацию по русскоязычным романам Владимира Набокова. Работала в газете «Труд» и «Российской газете». Является ис-

полнительным редактором журнала «Путеводная звезда. Школьное чтение». Написала несколько книг для детей и подростков. Лауреат премии города Москвы в области журналистики, ежегодного литературного конкурса издательства «РОСМЭН» «Новая детская книга»,

Международной детской литературной премии им. В. П. Крапивина, Российской литературной премии им. Александра Грина. Произведения Ирины Краевой переведены на французский, китайский, испанский, польский языки. Живет и работает в Москве.

жектеров на тебе — как два крыла. А в руках гитара. Пальцы касаются струн — и гитара взрывается самой лучшей на свете музыкой. И музыка — огромный светящийся шар, и ты раскручиваешь-раскручиваешь его и летишь вместе со всеми, с бешеной скоростью, и вокруг вращаются звезды.

И ты любишь всех, и все любят друг друга.

Поэтому я хочу стать певцом.

Но это вряд ли получится. Для таких людей, как я, которые родились глухими, это, наверное, невозможно, даже после кохлеарной имплантации.

Но под моими пальцами все равно поскрипывают струны. Я шепчу Стинга:

*Well, those who speak know nothing
And out to their cost
Like those who curse their luck in too many
places
And those who fear are lost.*

Я нашел в интернете несколько переводов песни. Этот, может, и похож на тупой марш, но он нравится мне больше других:

*А тот, кто много говорит,
На самом деле, ничего не знает
И все узнает по горькому опыту,
Как те, кто слишком часто проклинает
судьбу
И кто боится, что все шансы упущены.*

Стинга понимает даже тот, кто ничего не понимает в английском... Стинг печален, но он всегда нежный. А у кого есть нежность, есть и надежда. Ведь нежность не может существовать сама по себе. Она обязательно к кому-то. Значит, ты кого-то любишь. А любить — это всегда надеяться на лучшее. Хотя бы для тех, кого любишь.

Дождь шуршит за окном. Может, и стихнет к вечеру. И у нас будет все хорошо.

И когда-нибудь Мой Дельфин появится на горизонте, кто бы что ни говорил.

Пять лет назад я решил, что отец — Мой Дельфин.

— 2 —

Может, если бы я взаправду писал сочинение про нашу семью, я бы начал именно с того случая. Ведь, наверное, надо начинать с самого главного.

Это произошло уже после сложной операции, которая называется кохлеарная имплантация. Тогда я уже привык к штучкам-дрючкам за ухом и давно «завучал» — так говорят о тех, кто начинает говорить после этой самой сложной операции. Я выговаривал слова даже с «Ф», «Б», «В» и «Ш», и меня все отлично понимали. По крайней мере мне так казалось.

...Мы с Анютой сидели на скамеечке возле дома и ждали Бориса, болтали ногами. Для сестры Борис — отец, а я как-то сразу знал, что для меня он только Борис.

Он не шел и не шел.

Мы все равно ждали его утром возле дома на тощей скамеечке.

Борис мог прийти, а мог и не прийти, хотя и звонил накануне, предупреждал, чтобы ждали его у подъезда.

Мы болтали ногами и обсуждали, что попросим купить. Анюта мечтала о глобусе, а я — о леговской автозаправке. Борису надо привести веские доводы, почему нам нужна та или иная вещь. Если ему подробно объяснить тридцать раз — иногда он достает кошелек.

К нам подсел мой друг Мишка, с малиновым носом, весь коричневый, как бывалый солдат, и стал рассказывать о дельфинах. Он только что вернулся с родителями из Сочи, где есть дельфинарий. Там с ним подружился Флиппер. Мишка приходил в дельфинарий — и Флиппер сразу подплывал к нему, разевал клюв и улыбался. И Мишка тоже улыбался, когда говорил об этом. Когда он шел вокруг бассейна — дельфин плыл за ним в голубой воде и свистел. Как настоящий друг.

— Однажды дельфины спасли американских летчиков, — сказал Мишка так, будто сам спас летчиков. — Их самолет сбили над Тихим океаном. Они плыли на надувном плоту и могли утонуть. Но стая дельфинов несколько дней подряд выталкивала этот плот наверх, чтобы он был на плаву. И они дотолкали его до острова.

— Понятное дело — дельфины очень умные! — сказал я со знанием дела.

— Да ха-ха тебе, три раза! — сплюнул Мишка. Только он мог рассуждать о дельфинах, это было понятно. — У них просто родительский инстинкт. Родительский инстинкт — понимаешь? Дельфинчик рождается, и его сразу выталкивают на поверхность моря, чтобы дохнул воздуха. Поэтому дельфины все выталкивают. Даже какое-нибудь бревно. Все подряд, Макслопушок.

Во дворе замаячил Борис, всей своей самой спортивной на свете фигурой. И Анюта к нему побежала. Я бы тоже к нему побежал. Но рядом сидел Мишка в обнимку с Флиппером. А у сестры был Борис. Мне казалось, все знают: Борис — не мой отец. Так чего к нему нестись сломя голову... Мы с Мишкой продолжали разговаривать.

— Если дотронешься до дельфина, станешь счастливым, — сообщил он. — Я сто раз дотрагивался до Флиппера.

И закатил мне щелбан, наверное, для того, чтобы немного поделиться накопленным счастьем, он вообще-то добрый — мой друг Мишка.

Я смотрел на Бориса, как он шел по двору, а к нему бежала Анюта — со всех ног. Она бежала, а я изо всех сил болтал ногами, ведь мне тоже хотелось бежать к нему.

И вот тогда на тощей скамеечке я вспомнил, что недавно спросил у мамы: «Где мой папа? Он плохой, да?» У Ма тогда было хорошее настроение, и она со смехом ответила: «У плохого отца не мог бы родиться такой замечательный сын». Ма больше ничего не добавила, до сих пор не добавила. Но тогда я узнал: все-таки я — замечательный и мой отец — замечательный. И я, сидя на тощей скамейке и болтая ногами, подумал: пусть он тоже всех спасает.

Так у меня появился отец. Вначале он был, но его не было, а теперь его не было, но все-таки он был.

Я подумал: он хороший, мой отец. Почти как дельфин-спасатель. И я — тоже немного спасатель. Мне это понравилось — спасать всех, даже американских летчиков и бревна. Я улыбнулся и решил называть себя Спасателем.

Я улыбнулся и пожал руку Мишке, сдавил его тертую лапу изо всех сил. «Круто, Макс!» — кивнул Мишка. Он не удивился, что я ни с того ни с сего пожал ему руку, а просто заценил мою силу. И я перестал думать, что папа не захотел с нами жить потому, что я родился глухим. Он, конечно, еще захочет вернуться. Ведь теперь я все звуки отлично слышу. Имплантат мне вшили под кожу. А штучки-дрючки такие — речевой процессор с микрофоном и передатчиком сигналов (он всего размером с монету в пять рублей) — под моими лохматостями на голове не особо заметны.

Я подумал тогда: дотронусь до своего отца — и стану счастливым.

А потом Мишка притащил мне на день рождения плакат с дельфином. Он подарил его, чтобы меня осчастливить. Мишка он такой, смешной немного. Я очень обрадовался. Я был благодарен Мишке. Есть люди, которые приносят счастье, даже если вовсе не думают об этом. Мой друг после того, как сто раз дотронулся до Флиппера, стал именно таким. И я тоже хочу приносить людям счастье!

Мы с Анютой повесили плакат рядом с моей кроватью. Теперь можно было лежать-полеживать, закинув руки за голову, и думать, что я — Спасатель.

На плакате дельфин темной радугой вырвался из густых волн, а под животом у него горит желтое солнце.

Сразу же чувствуешь, какие дельфины теплые. Кожа у них гладкая и шелковистая, к ней какие-нибудь ракушки ни за что не прилипнут, не то что, например, к китовой шкуре. Дельфины могут выпрыгивать из воды на четыре метра. Их называют морскими ангелами.

Плакат еще долго висел над моим «гнездом». Я недавно его сорвал. И перестал думать, что я — Спасатель. Все получилось наоборот.

Но ведь еще раз может все повернуться? Можно все повернуть?

— 3 —

А может быть, если бы я решил писать честно про нашу семью, я бы начал с Анюты. Еще несколько лет назад, когда какие-нибудь уси-пусенные гости делали мне козу и сюсюкали: «Как зовут этого мальчика?», я спокойно объяснял: «Анюта». Я тайну им выдавал и свою радость. А всех это выбешивало. Меня недо-развитым даже считали... А мы с Анютой просто вместе всегда, и у нас все вперемешку.

Жирафы глаза — это главное в моей сестре, а вовсе не 180 сантиметров ее роста. Глаза у жирафов — черные мячики, налитые смехом, а краешки угольных век там, где реснички сходятся, загнуты вверх. Поэтому кажется, что жирафы всегда улыбаются, хотя попробуй-ка улыбнуться их травоядным ртом. И у Анюты глаза-улыбки. А когда она смеется, в них бегают оранжевые жирафята — по трое или даже вдесятером.

Но почему-то многие обращают внимание совсем на другое. Классная как-то брякнула сестре: «Состриги хоть косичку, она не подходит к твоему росту. Что за дитяшество?»

Анюта заявилась домой хмурая, прехмурейшая просто. А я хмыкнул:

— Твоя классная умеет плести из косички слона.

Ерунда, конечно, но мы полчаса валялись от смеха.

Слон!!!

Из косички!!!

Я в два счета могу рассмешить Анюту, хотя она перешла в одиннадцатый класс, а я только в шестой.

Когда я рассмешу ее, Анюта сочиняет стихи. Иногда смешные, а иногда те, которые мне как-то особенно нравятся. Такие, например:

Шел человек. И упал.

Запнулся и пал.

Он так мал.

А камень — большой и косой.

Умойся росой.

Ты не видел ее под ногой.

А теперь она на губах.

Пей ее,

Пей,

Пой!

А по правде косичка (у Анюты густо-красные волосы, почти до черноты) очень даже идет моей сестренке. Особенно когда она облачается в свой любимый рыжий комбинезон. Анюта сама его сшила. Комбез на широкой косой лямке, и разнокалиберных карманов на нем, пришпандоренных специально сикось-накось, — шесть: синий, аквамариновый, лазурно-голубой, мандариновый, а еще цвета жареного миндаля и люсистого зеленого. В таком одеянии Анюту гримировать под клоуна — зря тратить время: и без того любовью начинает веселиться, глядя на пеструю великаншу с косичкой. Все, глядя на Анюту, становятся абсолютно нескучными, какими-то детскими людьми.

Все, кроме Ма и классной Анюты.

А как называется цвет карманов — это я, кстати, просветил сестру. Просто различаю в десять раз больше оттенков, чем Анюта или кто-нибудь еще, например, из моего класса. Но пока не узнаешь их название, все равно думаешь: вот красный закат, вот зеленая травка... А когда знаешь, что у любого цвета сто оттенков и каждый еще, допустим, в старину имел прикольное название, кто-то не поленился пошутить, то все вокруг выглядит так, что самому хочется кого-нибудь рассме-

шить, удивить, обрадовать, что ли... Я целую таблицу цветов и оттенков составил — название и рядом соответствующая картинка. Двести пятьдесят семь позиций. Могло бы быть больше. Но наш монитор искажает цвета, поэтому приходится сильно потрудиться, чтобы максимально точно подобрать картинку к названию цвета. И все равно трудно бывает поклясться, какой это цвет: циан, тиффани или цвет яиц странствующего дрозда... Иногда на улице показываю Анюте на какого-нибудь дядьку и выдаю: «Паук, замышляющий преступление». Дяденька слышит, конечно, и просто остолбеневаает. Анюта говорит ему: «Да это же цвет такой! — И хохочет, говорит уже мне: — Максим, покажи!» И я достаю планшетник, тыкаю пальцем в своей таблице — и сразу понятно: так в старину называли темно-серый цвет, какого у дяденьки куртка. Он тоже хохочет — когда Анюта хохочет, то кто ж устоит, — и грозит мне толстым пальцем. А я говорю: «Блоха в обмороке». И они с Анютой начинают прикидывать, что за цвет такой, потом заглядывают в таблицу... Ведь просто так ни за что не догадаться. И дядька снимает кепку и кланяется какой-нибудь девушке: «Извините, у вас сумочка — блоха в обмороке, а берет — резвая пастушка. Здорово, а? — И уже мне: — Молодой человек, просветите барышню!» И я опять включаю планшетник...

Нам с Анютой нравится вот так запросто подойти к кому-нибудь на улице и вместе посмеяться.

Анюта давно могла бы заразиться рогатыми от Ма. В Ма всего 158 сантиметров, или 164, если вместе с кудряшками, которые распушены одуваном. Но иногда Ма разрастается до жутких размеров. Это когда в ней просыпаются эти самые. Тогда в нашей квартире все вянет и скукоживается. Даже Анюта.

Я будто в ухе чешу, а на самом деле незаметно для Ма выгребаю из-под своих лохм штучки-дрючки — процессор и передатчик сигналов, сжимаю их в кулаке. И начинаю ничего не слышать.

Мне повезло, что я родился глухим и могу стащить с уха свои штучки-дрючки и ничего не слышать.

Анюте приходится терпеть, как Ма кричит по 32 минуты подряд, иногда по несколько раз за день.

Надо потерпеть именно 32 минуты — засекал — и бизоны опустят рога и пойдут щипать

травку, а потом улягутся спать и незаметно исчезнут, исчезнут... В глазах Ма останутся только лужайки с зелененькой теплой травой, но надо продержаться и не отвечать Ма 32 минуты — все проверено, да. Останется только зеленая травка в глазах Ма... Но надо выдержать 32 минуты — это почти ничего и целая вечность. Иначе «Великий Крик» может длиться полтора часа. Сколько он продолжается — нам иногда с лестничной клетки через дверь сообщают соседи, когда грозятся вызвать полицию.

Я думаю, в Анюте все-таки никогда не проснут рогатые, которыми запросто заразиться от Ма; все-таки никогда. Потому что Анюту любила Ба-Вера, которая, наверное, заговорила ее от бизонов — еще в дитяшеском детстве и на всю оставшуюся жизнь.

У бабушки Веры тоже сияли жирафьи глаза, а еще пиратский зуб из чистого золота, я видел на фотографии.

Сестра мне рассказывает о Ба-Вере по ночам, когда заберется уже под одеяло, а я устроюсь над ней в своем «гнезде» — на втором этаже нашей двухъярусной кровати.

Даже если Анюта совсем тихо шепчет, я все равно слышу, потому что слышу, о чем она думает.

— Я в садик ходила без рева, представляешь? — шепчет Анюта снизу, как сказку рассказывает. — Потому что вот закончится тихий час, еще кровати не заправят, а Ба-Вера уже ждет меня с голубой шубой в руках. И не надо оставаться, пить мутный чай или кисель, застревающий в горле, и мы пойдем гулять. И мы шли и гуляли. По фиолетовым улицам, озаренным глазами великанов, заколдованных в фонари...

Анюта рассказывает это таким дитяшеским голосом, что мне хочется подушкой в нее запустить, чтобы она очухалась и все-таки вспомнила, сколько у нее сантиметров роста. Иногда это очень полезно. Особенно для меня — чтобы я не очень-то за нее волновался.

А сестра дальше рассказывает — как они с Ба-Верой гуляли на Патриарших прудах. И Анюта вещала «бронзовому дедушке Крылову» про ворону с лисицей — чтобы он «не кучал». Она тогда «с» не выговаривала. И вместо «сыра» вставляла «Иру». Была тогда у нее детсадовная противоза — Ира, которая все время ее щипала и дразнила. «Вороне где-то Бог послал кусочек Иры...» — скажет, например, или: «А Ир во рту держала». Ага, мно-

го таких вредных щипающихся Ир — целый букет! И подмигнет дедушке Крылову, чтобы тоже посмеялся. И Крылов ей тоже подмигивал, но это Анюта уже врет от вдохновения. И Ба-Вера посмеивалась, но так как-то странно посмеивалась. На следующий день Анюта притаскивала Ире конфету — в утешение за свой «букет», как будто та про него узнала и жутко обиделась. Ира стояла с оттопыренным бантом набекрень и не щипалась от удивления. Анюта тоже умела слушать, что Ба-Вера думает...

Вообще, они столько всего удумали, столько всего насочиняли... Этого хватило бы на 100 моих жизней и еще один год...

На даче у Ба-Веры имелась настоящая обсерватория. Она осталась от мужа Ба-Веры, который всю жизнь проработал в астрономическом институте имени Штернберга и никак не мог наглядеться на звезды. Каменную башню он сложил рядом с теплицей для огурцов. Когда день превращался в ночь, Ба-Вера с Анютой поднимались по круто завитой лестнице с настоящими сказочными треугольными ступеньками на площадку, где стоял телескоп. Потом надо было нажать на кнопку — и половина железной крыши с грохотом отъезжала. Анюта припадала глазом к окуляру телескопа... «И светились звезды и звездочки, глаза щекотали», — шепчет из-под одеяла Анюта и улыбается своему глазастому небу и Ба-Вере.

Иногда Ба-Вера раскладывала на обеденном столе карту Солнечной системы, оглядывала «космические владения» по-хозяйски и спрашивала:

— Ну, Анна Борисовна, и куда отправимся? На самую маленькую планету — Меркурий, на самую большую — Юпитер или на самую холодную — Уран?

— На самую большую, — Анюта растопыривала руки в разные стороны. И тут же тряслась ими, как будто она ветер вокруг себя поднимала. Сестра до сих пор так иногда забавно руками трясет. — Нет, на самую крохотулечку. Ой, нет, нет, Ба-Верушка, на Уран!

Ба-Вера заносила над картой карандаш-коротышку, привязанный разноцветной ниточкой к блокноту, с которым никогда не расставалась... И перед тем, как обвести ровным кружочком планету, серьезно переспрашивала:

— Анна Борисовна, не передумаете? На Уране зима длится 500 земных месяцев!

У Анюты голова шла сияющим кругом, по-

тому что тогда ей было ясно одно: все, что после 10, то «много» или «ну очень много-премного»... И она мотала бантиками — «не передумаю», восхищенно пыхтела:

— А мы вылечим Уран, и там лето станет жариться навсегда.

И Ба-Вера одним взмахом руки чертила прямую линию от Земли к Урану. У Анюты закладывало уши, как от гула ракеты, и захватывало дух. А Ба-Вера рассказывала, что Уран — «ледяной гигант», как и Нептун («Вот он, Нептун, видишь»), что верхний слой атмосферы Урана — это газ, под ним — вода, а недра («Анюшка, вспомни, что такое недра, вчера говорили!») состоят в основном из льда и горных пород. Они с Анютой согревали холодную планету всякой разной волшебной ерундой: то изобретали для уранцев особые зонтики, которые распускались над их головами солнечными лучами, то пекли им пончики с начинкой из «доброты», а иногда сочиняли согревательную сказку-заклиналку...

Недавно я предложил сестре выдумать что-нибудь более стоящее, ведь правда же интересно, можно ли как-нибудь поднять градус на Уране. Но у нас ничего не вышло. Не получилось никакой игры, и мы бросили это дело. Мы бросили играть на том месте, где, наверное, Ба-Вера могла бы развернуться. Она же все-таки до пенсии работала учительницей не только астрономии, но и физики.

— Вот было бы здорово встретиться с человеком, — недавно сказал я Анюте, — с человеком, которого уже нет на этом свете. Вот был бы такой уголок на земном шаре... Пусть бы он находился на краю обрыва самой высокой горы. Или в пещере с ядовитыми змеями... Или где-нибудь в океане, и добраться до него можно было бы, нырнув глубоко-глубоко, когда уже легкие лопаются от нехватки кислорода... Хоть через густой-прегустой туман увидеть того человека, ну, душу его голубую — хотя бы просто почувствовать ее каким-нибудь сквознячком. Только бы голос его услышать... И пусть разрешалось бы произнести только один вопрос. И потом так же — мыслью — услышать ответ. Хотя бы один за всю жизнь.

Я бы тоже с ней поговорил, хотя она бабушка только Анюте, а не мне. Особенно сейчас, после всего, что случилось.

А может, я не стал бы даже намекать про нашу дурацкую ситуацию.

Я бы так сказал: «Ба-Вера, как там тебе — между звезд?»

Когда я родился, Анюта уже была на свете. Почти шесть лет. Как ей удалось прожить столько без меня, даже не представляю. В одиночку с нашей Ма это не так-то просто, если честно. Правда, несколько лет Анюта жила с Ма и со своим отцом. Потом, когда Ма и Борис развелись, он приходил к Анюте по субботам — примерно раз в два месяца, приносил деньги и восточные сладости. Сестра больше всего любит пахлаву, до сих пор.

Она говорит, Ма и Борис вначале ввали, что у папы прибавилось работы и поэтому он стал жить отдельно, так лучше для «зарабатывания денежки». Анюта однажды вытащила из кармана 10 рублей (иногда Ма ей отдавала сдачу кассирши в магазине) и попросила Бориса: «Побудь со мной хотя бы один денек». Но Борис развел руками: «Десятюнчик — это слишком мало, на него не купишь даже самую крохотную звездочку над твоей кроваткой». В новой квартире, куда переехали Ма и Анюта, он налепил на потолок целое звездное небо, ага, любуйся, доченька, на него. И Анюта постоянно спрашивала: «Тебе удастся зарабатывать в день больше десятюнчика?» Борис кивал, и сестра вздыхала. Она сама так мне рассказывала.

У нас с Анютой мозги синхронно работают. Я что-нибудь додумать не успею, а Анюта вдруг ни с того ни с сего об этом же мне сообщает. Даже смешно! Или она что-нибудь расскажет о себе, что с ней стряслось давным-давно, или пускай утром, а мне кажется — я стоял рядом, или даже вместо нее. Анюта однажды сказала: «Поэтому у нас с тобой жизнь в формате Десять Дз и в два раза длиннее, чем могла бы быть». Но это, конечно, надо еще поточнее рассчитать: у Анюты всегда проблемы с вычислениями...

...Как-то Анюта с Ма выбрали вороненка. Летом, когда шли в детский сад. Он трепыхался во дворе на асфальте. Откуда взялся — неизвестно, ни одного дерева рядом. Переломанный скелетик в взлохмаченных перьях. Ма схватила птенца и Анюту, побежали в ветеринарку. Птенчику наложили гипс на лапку, полечили крыло, сказали:

— Требуется усиленное питание. Теперь ловите мух, червячков добывайте.

Это было, думаю, душераздирающее зрелище, как Ма и Анюта гонялись за мухами по всей квартире и — тряпками в них, газетами,

чем придется. А вороненок отказывался есть замурзанных насекомых и уже совсем помирал.

В ветеринарке врач спохватился:

— Так каркать же надо, иначе клюв не откроет. Инстинкт! По-другому не накормите.

На третий день Анюта позвонила Борису: «Покарай, пожалуйста, а то мы с мамой уже можем только мяукать! Я поднесу трубку Карлуше, чтобы он слушал, а мама будет запикивать ему муху. Каркай громче!»

Когда и Борис охрип, то примчался к Анюте с охотничьим манком для уток. Лишь бы его не отвлекали от простокваши, то есть от его молочного бизнеса. Дуть в манок и правда легче, чем живым голосом каркать по шесть раз на день. Вскоре Карлуша закричал стопроцентной уткой. Он кричал и лопал мух с аппетитом трехглавого дракона. И почти оклемался. Стал вылезать из коробки. И однажды доковылял, волоча крыло, до ванной... А там вызванный слесарь чинил потекший кран. «Хозяйка, принимай работу!» — позвал он Ма и со всей силы распахнул дверь... Птенчика вновь понесли в ветеринарку. А вечером Анюта позвонила Борису и принялась рассказывать этот триллер. А он даже ее не дослушал, как дело дошло до мастера... Раскрякался, расхохотался. Борис кричал как сумасшедший, хотя вообще шуток не понимает, по крайней мере моих.

Анюта бросила телефонную трубку и зажмурилась. Трубка кричала на полу — дура такая и страшная. А птенец продолжал страдать под гипсовым панцирем...

«Лучше тебе пока и носа к нам не совать», — Ма говорила Борису, поглядывая, как Анюта закрывала дверь в свою комнату, понимая, что звонит отец.

И Борис привык не совать носа к Анюте, ждал, «пока ребенок в себя придет». Думаю, он был очень рад лишний раз не заявляться к ним. Легче легкого было не совать к ним носа. И Анюта привыкла так жить, без Бориса. Привыкла — всем так казалось...

Однажды, несколько лет назад, как-то после «Великого Крика», который случился уж не помню по какому поводу, я сидел и раскрашивал картонный кругляш — откуда-то он взялся. Я сидел и старательно раскрашивал его черной краской — чтобы не сильно плакать. Тогда еще плакал от «Великих Криков». Я красил черным кругляш, а видел, что черными становятся стены, потолок, письменный стол... У всех предметов на самом деле был

черный цвет. Я уже весь кругляш закрасил, просто смотрел на него, стараясь не моргнуть, чтобы не капнуть.

Анюта ко мне подошла, обмакнула другую кисточку в желтую краску и нарисовала на моем кругляше загогулилку.

— Не порти! — прошептал я.

А сестра сказала:

— Так лучше. Поверь! — И нарисовала еще одну загогулилку чуть подальше от первой, а потом их соединила. — Это ты и я. И между нами лучик.

Я поводил рукой между собой и Анютой — и почувствовал тепло.

А потом она стала рисовать еще загогулилки и соединять их лучами — короткими и длинными, пока не закрасила весь кругляш.

И он стал как солнце.

— Что это? — пропыхтел я.

Анюта молча смотрела на кругляш, который высыхал и становился не таким уже ярким.

— Просто они не видны, да? Но они повсюду? Между людьми, — сказал я.

И Анюта кивнула. И теплый лучик между нами тоже мигнул-кивнул. Я осторожно сжал его в кулаке, чтобы он никуда не делся.

Так бывает: рвутся эти лучи, лучики между людьми. Раз — и все. Иногда навсегда. Даже между самыми родными они рвутся.

И все равно потом лучики зажигаются, отрастают, выпрямляются... Есть такие упертые лучи. Особенно они крепкие, если на одном их конце — такой чудной человек, как Анюта, которая умеет любить за двоих.

Какое-то время спустя сестра сама позвонила Борису:

— Это, наверное, не твой манок. Его надо вернуть. Приезжай, когда хочешь.

Борис пришел за манком через ужас-ужас сколько дней. Но все-таки пришел. А потом по-прежнему заявлялся с пахлавой раз в два месяца.

Здорово, когда человек может любить разных людей — разной особой любовью. Вот как Анюта.

А если разлюбил? Разлюбил одного человека и даже возненавидел. Вдруг и к другим любви поубавится? Вдруг от одной любви зависят сразу все?..

— 5 —

Когда Ма принесла меня из роддома в пеленках, я был толстый и очень довольный. Так

говорит Анюта. Ма надеялась: меня внесет на руках в наш дом мой отец. Но внесла меня Ма, толстого и довольного. И глухого.

Анюта говорит, она не помнит, что вообще когда-нибудь видела моего отца или Ма рассказывала бы о нем.

«Просто Ма его все еще ждет, понимаешь», — успокаивает меня сестра.

В общем, я родился глухой. Это выяснилось не сразу. Хотя со временем выяснилось, достаточно быстро. Так что отец вполне мог притащить кулек со мной из роддома в наш дом, вполне. Но почему-то не стал это делать. Если бы я мог, то родился бы не глухим, чтобы сразу всех только радовать, особенно Ма. Почему-то все выходит не так, как она рассчитывает.

Даже непонятно — почему у нее в жизни всегда все шиворот-навыворот, даже я.

Анюта говорит, что, когда врачи определили, что я ничего не слышу, Ма ходила из угла в угол и бормотала: «За что мне такое? В родне у всех стопроцентный музыкальный слух». Ма просто с ума сходила от горя...

Если начну вспоминать Ма — ту, из моего совсем малышового детства, то первым же делом вижу шприц, и резко запахнет спиртом от ватки. И Ма где-то рядом, а я в чем-то перед ней виноват... И мне сразу надо взглянуть на Анюту, увидеть, увидеть, увидеть ее жирафьи глаза — и сразу же рассмеюсь.

Анюта клала мою руку на свою щеку — она, как сметана, вкусная и нежная, — и широко раскрывала рот: ма-ма. Я, конечно, не слышал ни звука, но вкусная сметана вздыхала под моим пальцем, приятно. Анюта переключала мою ладонь на мою щеку и кивала. У меня получалось широко разевать рот. Почти как у Анюты. Но трудно же сообразить, что делать с воздухом, который во мне, и как сложить губы, чтобы его правильно выдуть. Моя щека не шевелилась, как у Анюты. Но потом у меня все-таки получалось правильно выдуть воздух, через специально сложенные губы. Почти получалось через несколько дней, нет, недель.

Я выдувал «Би!», как Анюта, — и машинка поехала, выдувал «А!» — и робот шагал, сверкая красными глазами, а если «У!» — вертелась юла. Красная, зеленая и синяя полоски на ней, золотой, чудесно сливались, превращаясь во вращающееся облачко. Казалось, ткни в него пальцем — и станет щекотно, и сам превратишься в разноцветное облачко, расщечешь все вокруг.

Нет, я не слышал ни «Би», ни «А» и ни «У». Но если по-разному выдуть воздух, то получалась отличная игра. Анюта — волшебница. И я с ней тоже почти волшебник.

Анюта кивала мне и широко зевала несколько раз. Она так говорила. Для меня. Я ее понимал. У меня в голове будто мысль ее возникала. Или не мысль. Но что-то возникало, какое-то, может, желание.

Я понимал Анюту. И тоже зевал в ответ, стараясь по-особому сложить губы и чтобы щеки так же шевельнулись, как у сестры.

Ма похаживала по комнате, наводила порядок, иногда выдергивала из рук сестры машинку или юлу, бросала их в ящик с игрушками и сердито зевала. Но ничего-ничего, ничего, я все равно подстерегал, когда Ма наклонялась, чтобы поднять ушагавшего под стол робота, и прыгал на Ма. Пусть она шлепнет, но потом все равно прижмет крепко-крепко. И Анюту тоже прижмет к себе. Вот для этого я и прыгал на уставшую Ма — чтобы она нас крепко к себе прижала и щекотала.

У Анюты в раннем детстве была Ба-Вера, а у меня Анюта.

До сих пор сестра была всегда со мной, почти каждый день.

Если она все-таки уедет, как пообещала вчера, вдруг ее жирафьи глаза перестанут улыбаться, навсегда? И что тогда станет с Анютой?

— 6 —

Нам с Ма надо было ложиться на кохлеарную имплантацию, подошла очередь. А потом через два месяца отправляться на реабилитацию. Это большая удача: бесплатная реабилитация в пансионате, расположенном в лесу, где воздух чист и полезен.

Непонятно только было, куда пристроить Анюту. Ба-Вера уже ушла на тот свет, а наша вторая бабушка, мать Ма, не захотела пожить с Анютой, потому что ей не на кого было бросить своих кур и гусей.

И Ма позвонила Борису. Ей другого ничего не оставалось, и ему пришлось взять Анюту к себе. Ну, и началась вся эта катавасия. Другие семьи как-то обходятся без нее. Я вот думаю и пока не решил, почему у нас-то всегда все наперекосяк?

Анюта переступила порог квартиры Бориса осторожно, чтобы не лопнуло ее огромное сердце из тоненького стекла, тогда оно было именно таким. Представляю, какие у нее еще

были черствые губы, — они всегда пересыхают, когда сестра разволнуется.

До этого Анюта никогда не появлялась у Бориса, то есть он никогда и не думал приглашать дочь к себе в гости.

Вот она и уселась на пол от нервного потрясения, перегородив ногами полкоридора, а из ее глаз зажурчали ручьи. Борис заходил возле нее кругами, переставляя с места на место гири по пять, семь и двенадцать кг, будто это могло уравновесить квартиру, закачавшуюся на волнах Анютиных диких слез.

— Прекрати! Прекрати немедленно! — ворчал он, не понимая, что происходит.

Борис до этого вообще не задумывался, что и как нормальные люди делают в таких замечательных ситуациях, когда к ним вдруг являются дочери.

— У меня болит живот, — пропищала Анюта, чтобы как-то успокоить Бориса.

Он и позвонил Ма за конкретным советом. А Ма сказала:

— Еще с утра никакого живота у твоей дочери не было! — Это она, как всегда, напустилась на Бориса. Хотя немножко, конечно, и на Анюту. Мы как раз заселялись в палату, и Ма трудно было разорваться сразу на нас вдвоем с сестрой, на Бориса и няньку, которая не хотела приносить второе одеяло. — Дай поесть — успокоится.

Пожалуй, это был единственный раз, когда Борис сварил Анюте пельмени. На нервной почве она в момент изничтожила пачку. Борис совсем приуныл от Анютиного аппетита, и не только от него, думаю. Но к вечеру Анюта выкопала у Бориса на книжных полках «Лучшие блюда по-быстрому» и занялась их освоением. Даже бегала за продуктами на базар, чтобы собрать все ингредиенты из рецептов. Фрикандо с чесноком и пряными травами. Слышал кто-нибудь о таком? А котлетки болгарские сочные кто пробовал? Или жаркое «Хвосты, ноги, ухо»? Заворот кишок может случиться только от одного названия, на мой вкус... Но Анюта мечтала радовать Бориса своим присутствием каждый день, начиная прямо с завтрака.

Анюта не только переехала к отцу, но и поступила в новую школу.

Она привыкла сидеть на последней парте. А куда еще было задвинуть мою великаншу сестру? Поэтому Анюта привычно направилась в конец ряда у окна, там как раз имелось свободное место. И то, что другое занимал парень,

Анюту даже порадовало. В сложной ситуации парень всегда лучше девчонки, если ты сама девчонка. А первый день в новой школе — это всегда уравнение с сорока неизвестными, или того больше — по количеству учеников в классе, плюс сплоченный педколлектив...

— Привет, — сказала сестра, качая рюкзак на лямке: дескать, если я брошу якорь, ты меня не укусишь?

А парень затрубил на весь класс:

— Я ждал тебя всю сознательную жизнь! Эй, Дюймовочка, только тебя мне и не хватало!

Анюта с опаской на него воззрилась: прикалывается? Но в базе Шрэка — а пацан был типичный Шрэк: лысый, то есть почти наголо стриженный, ушастый громила, только не зеленый, — горланили трубы восторга и лишь мелко-мелко дребезжали тарелочки прикольности. А куда ж без нее? Но эта прикольность только подчеркивала: в бурном гостеприимстве нового соседа есть доля гостеприимства. И это сообразила не только сестра.

— Шрэк, дай осмотреться человеку! — осадил его Ленка Россохина. Она постаралась его осадить, чтобы не очень-то тот ликовал по поводу новенькой. — Эй, Шрэк!

Парня и правда в классе так звали.

Анюту рассматривали пятнадцать девчонок 6 «Б». Наверное, она училась тогда в 6-м, а может, и в 5-м. Ну, и некоторые парни, конечно, смотрели. Но пятнадцать незнакомых девчонок... В этом мало приятного. Глаза Ленки Россохиной были ближе всего к Анюте — она просто повернулась к ней с предпоследней парты, — и в них, этих ее глазках, плавало, если пристально не всматриваться, еще больше радости, чем у Шрэка. Анюта, конечно, пристально не всмотрелась. Она никак не ожидала хлеба-соли на вышитом полотенце. Эта Ленка Россохина купила ее на раз-два. Ну и Шрэк, конечно, тоже купил. Дюймовочкой мою сестру никто никогда не называл — ни до и ни после...

А фишка в том, что Шрэк, капитан баскетбольной команды класса, мечтал стать капитаном школьного клуба «Крутой мяч». И ему были важны Анютины 180 сантиметров. Игрок с такими ростом, не то что какая-нибудь пигалица Россохина, добавлял шансы на победу команды. А их, этих побед, Шрэку требовалось немало, чтобы стать капитаном «Крутого мяча». Хотя вру, конечно. Тогда Анюта была еще ростом не 180 см, но все равно выше всех в классе. И Ленка Россохина сразу прикину-

ла, что Шрэк, чего доброго, может влюбиться в Анюту на почве спортивных побед. Это шло вразрез с ее планами, потому что ее планы были все сосредоточены на Шрэке. А сама-то Ленка Россохина из-за маломерного роста претендовала на роль «гаубицы», но ее дальние броски не тянули на «три очка».

Странно выходит: тебя просто определили в класс «Б», где имелось свободное место, но кому-то ты уже отравила жизнь. Записали бы в «А» или в «В» — и все были бы счастливы? Аня уже на третьей в своей жизни игре выступала в качестве «центральной» — откуда что и взялось! И чем больше «забивала колов» в корзины «ашек» и «вэшек», тем с большим энтузиазмом Россохина шипела Шрэку всякие гадости про мою сестрицу. «Отвянь», — тот отгонял ее своей длинной рукой, рисуя в тетрадке по алгебре комбинации для очередной игры. Шрэк, думаю, нормальный парень, такой — с баскетбольным мячом на плечах вместо головы.

Если вся школа помешана на баскетболе, трудно в открытую «гасить» восходящую звезду, которую, еще месяц тренировок — и точно возьмут в общешкольную команду, следом за Шрэком...

Ну и...

— 7 —

— Давай дружить по-настоящему, — на перемене «хорошая девочка» Лена Россохина протянула свою лапку Анюте. И моя сестрица почти удушила ее в объятиях. Дюймовочка была сама не своя от свалившегося на нее счастья, счастья по всем фронтам — от Бориса до баскетбола. И если эта «шипящая» протягивает свою лапку, отчего же ее не пожать? Все счастливые люди — щедрые на доброту. А если человек не щедрый, то он никогда не будет по-настоящему счастливым. Аня тогда была по-настоящему счастливой.

Про то, что дальше произошло, я ни за что не напишу в сочинении. Еще чего не хватало... Такая тупая получилась история, что только комедию надо снимать. Лирическую. Как у Чарли Чаплина, черно-белую, с титрами. Чарличаплинские «Огни большого города» у меня, кстати, в этом году стали любимым фильмом, после того как мы вместе с Нинпальной его посмотрели на заседании нашего клуба. Там жуткая путаница поначалу: слепая цветочница принимает бродягу за богача — и сразу в

него влюбляется. Потом пьяный миллионер «узнает» в нем лучшего друга — и дает ему уйму денег (те ему позарез нужны — на операцию для цветочницы), и тут возникают полицейские, которые думают, что он ворюга, и запикивают его в тюрьму. И еще много чего происходит... А кончается очень здорово, просто очень здорово, я скажу. Это вообще самые лучшие кадры самого лучшего фильма на свете. Мне кажется, все, когда их смотрят, становятся счастливыми.

Про историю, которая случилась после «дружбы» Анюты и Россохиной, я бы, правда, снял фильм, а назвал бы «Огни большой Анюты».

«ОГНИ БОЛЬШОЙ АНЮТЫ».

Сценарий

Титры: «День первый»

Аня топает по улице походкой «Чарли Чаплин» — слишком быстро, вихляясь, носки ее ботинок смотрят в разные стороны. (За кадрами звучит песня «Танец маленьких утят». Ее поют самые-самые малыши самыми-самыми малышковыми голосами:

*На шагающих утят быть похожими хотят,
Быть похожими хотят не зря, не зря.*

Можно хвостик отряхнуть и пуститься в дальний путь

И пуститься в дальний путь, крича «кря-кря...»)

Рядом с Аней семенит Ленка Россохина. Аня размахивает руками, что-то бурно рассказывая. **Титры: «Сейчас я проведу тебе экскурсию по дому-музею гения-гения! Гений-гений — мой папа, если ты еще не поняла!»**

Аня проводит Россохину в комнату, где находятся разные спортивные снаряды. Аня — тук-тук-тук по шведской лестнице вверх-вниз, вверх-вниз, дырк-дырк — тянет гири, но не может оторвать от пола, вжиу-вжиу — крутит педали велотренажера. Аня что-то говорит Ленке. **Титры: «Гений-гений — мужчина в самом расцвете спортивных сил».** Лицо Ленки делано восхищенное (*крупный план*), она показывает большой палец: **«Ооооооо!»**

Аня за руку заводит ее в кабинет. Письменный стол завален бумагой так, что почти не видно компьютера. Аня запускает две руки в бумажную грудку и взбивает ее, как мыльную пену. **Титры: «Мой папа может в уме**

сосчитать, сколько будет, если 1.234.567.890 умножить на 1.234.567.890». Восхищенное лицо Ленки (*крупный план*), она показывает большой палец. **Титры:** «Ооооооо!»

Подружки уже на кухне. Анюта распаковывает двухстворчатый холодильник от пола до потолка, на полках – сплошные ряды йогурта и сметаны с этикетками «От Бориса». Анюта показывает это Ленке. **Титры:** «Любишь простоквашу? Или предпочитаешь йогурт? Мой папа сам разрабатывает рецептуру». Ленка поварешкой пытается залезть в банку йогурта, потом откидывает поварешку и хлебает прямо из банки. Ленкино блаженное лицо все перемазано йогуртом (*крупный план*), она показывает большой палец. **Титры:** «Ооооооо!»

(*Темп смены кадров замедляется.*) Анюта улыбается от уха до уха, с умилением закрывает глаза, что-то шепчет. **Титры:** «Это все он, мой гений-гений». Ленка радостно хлопает в ладоши. *Из них выплывают титры, оформленные в виде облачка-мысли:* «Эта Анюта чокнутая в квадрате!» Россохина с хитрючей физиономией потирает руки, из них выплывают титры, оформленные в виде облачка-мысли: «Шрэк+Леночка Россохина = love)»

Титры: «День второй»

Школьный кабинет. У доски с географической картой России стоит учительница. Она строга, торжественна. (За кадром звучит припев песни «Школьные годы чудесные», его поют «пересахаренными» голосами:

*Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею,
Как они быстро летят!*

Их не воротить назад.

Разве они пролетят без следа?..)

Учительница взмахивает указкой – и ученики открывают учебники. Еще раз взмахивает – и ученики начинают писать в тетрадях.

Камера переезжает на Россохину. (*За кадрами звучит тревожная барабанная дробь.*) Ленка, высунув язык, пишет записку и кидает ее Анюте. Та разворачивает записку. **Титры:** «У моей сестры Ольги будет киндер-сюрприз!!!» Анюта поднимает от записки глаза, полные ужаса. Она пишет ответ и кидает Ленке, та разворачивает записку. **Титры:** «Кошмар!!! Ольга же учится в 11 классе». Ленка пишет записку, кидает Анюте, та читает. **Титры:** «Родители ее просто убьют». У Анюты на лице еще больше ужаса. Она пишет записку, кидает

Ленке. Та разворачивает записку и читает. **Титры:** «Может, только вначале убьют-убьют, а потом простят?» Ленка читает, пишет ответ, кидает Анюте. **Титры:** «Ты не знаешь моих предков». Анюта пишет записку, кидает. Ленка читает. **Титры:** «А кто отец?». Ленка пишет ответ. **Титры:** «Наркоман, нигде не работает. За наркомана предки дважды ее пригрохают».

Камера переезжает на учительницу. География важно и размеренно дубасит указкой по карте. Каждый удар сопровождается титрами: «Бабах!» На карте после удара, как на земле после землетрясения, появляются трещины и разломы, становясь все более разветвленными и глубокими. Невозмутимое лицо учительницы (*крупный план*), она говорит со строгим выражением лица. **Титры:** «Девочки, хватит безобразничать на уроке!»

Ленка и Аня послушно складывают руки на парте и делают супервнимательные лица. **Титры:** «Слушаем-слушаем». География отворачивается к карте. (*Смена кадров вновь убыстряется.*) Ленка пишет записку. **Титры:** «Если бы отец киндер-сюрприза был приличным человеком, предки обрадовались бы... А тут наркоман... Я и Ольга в полном трансе». Анюта читает записку, задумывается. Ленка снова пишет записку, кидает. Анюта читает. **Титры:** «Нужно срочно найти приличного человека, который бы согласился побыть отцом, хотя бы на месяц. Тогда есть шанс, что родители, может, и не убьют мать и дитя. Но все мужики сво...». Вдруг лицо Анюты просветляется от пришедшей в голову идеи. Он пишет записку и бросает ее Ленке. **Титры:** «Есть один приличный человек. Стопудово!» Ленка читает записку.

Камера переезжает на туфли учительницы географии. Смена кадров замедляется. Туфли грохочут по полу, приближаясь к парте Ленки. География хватает записку, рвет ее на мелкие кусочки и осыпает поникшие головы Анюты и Ленки.

Общий вид класса. Звенит звонок на перемену. Все срываются с места и бегут. Анюта вытаскивает Ленку Россохину из класса и с жаром ей шепчет в ухо. **Титры:** «Отцом киндер-сюрприза будет мой гений-гений! Мы ему все объясним – и он согласится побыть отцом. На месяц». Россохина вздыхает и отрицательно качает головой. **Титры:** «Не согласится твой "гений-гений"». Анюта возмущенно стучит кулаком по Ленкиной голове. **Титры:** «Он не согласится? Он? Ради спасения матери

и дитя гений-гений на все пойдет. Он, знаешь, как детей любит?» Россохина сдувает с лица челку и хмыкает. **Титры:** «Для правдоподобности нужны факты. Чтобы все поверили». Анюта трясет Россохину, как грушу. **Титры:** «Я все продумала. У гения-гения компьютер незапаролен!»

Титры: «День третий»

Россохина и Анюта в квартире Бориса, включают компьютер.

(*Кадры идут в ускоренном темпе.*) Анюта и Россохина открывают «ВКонтакте» и «Одноклассники», в каждой из соцсетей заходят на страницу Ольги Россохиной и от имени Бориса Конечного «лайкают» все посты, поздравляют открытками с Днем рождения, Днем Святого Валентина, ставят картинки с мудрыми изречениями известных людей и делают сноски на страницы сайтов «для будущих мам». (*По завершении работы в каждой из соцсети Анюта и Россохина ударяют по рукам.*)

(*Темп смены кадров снижается.*) Анюта тербит Ленку за плечо. **Титры:** «А точно ваши родители обрадуются приличному человеку?» Россохина хмыкает. **Титры:** «Ты говори с отцом быстрее, а то ведь Ольге скоро рожать...» Анюта гладит Россохину по головке, успокаивает. **Титры:** «Вечером с папой поговорю. Зуб даю, он согласится».

Титры: «День четвертый»

Борис приходит с работы, расшнуровывает ботинки. **Титры:** «Дзынь-дзынь». Борис оглядывается на дверь, идет открывать. **Титры** в виде облачка-мысли: «Кого несет на ночь глядя?» На пороге стоит толстый мужчина, одетый в куртку с надписью «Жилищно-коммунальная хозяйство». На голове у него каска. На плече – перекрученный железный трос, свернутый в три больших обруча.

Борис с удивлением смотрит на человека. Борис поворачивается к Анюте. **Титры:** «Анна, ты вызывала слесаря?» Анюта качает головой. **Титры:** «Нет, папа, я не вызывала слесаря».

Слесарь (*крупный план*) внимательно всматривается в Бориса. Видно, что слесарь недавно плакал. Но сейчас в глазах его ярость. Слесарь медленно шепчет. **Титры:** «Ты же старик для моей Олечки... Ну, Борис Конечный, сейчас я тебя...» Борис удивленно поднимает брови, обиженно выдвигает челюсть. Он тыкает себя

кулаком в грудь. **Титры:** «Я – старик?»

У слесаря тоже выдвигается челюсть. Он скидывает с плеча трос и угрожающе берет его двумя руками, будто собирается накинуть на шею Бориса.

Анюта в панике хватается за голову. **Титры**, оформленные в виде облачка-мысли: «Это Россохин-старший пришел познакомиться с будущим отцом его внука».

Анюта бросается к Борису и трясет его за грудки. **Титры:** «Папа! Папа! Скажи ему, что ты приличный человек!»

Приоткрытая входная дверь распахивается, на пороге возникает женщина, на которой кое-как напялена курточка Ленки. Аня с нарастающим ужасом смотрит на нее. **Титры** в виде облачка-мысли: «Это Россохина-мать. Сейчас она и слесарь вдвоем возьмутся за гения-гения».

(*Начинает звучать песня «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает».*) Анюта закрывает собой Бориса и героически кричит. **Титры:** «Борис – приличный человек!»

Россохины-старшие поражены мужеством Анюты. Они говорят хором. **Титры:** «Какая смелая девочка! Нам бы такую дочь!» Россохины-старшие возлагают цветы к ногам Аньки, которая, застыв памятником, по-прежнему героически заслоняет собой Бориса. Россохины-старшие благоговейно закрывают за собой дверь.

Титры: «День пятый»

Маленький Макс и Ма радостно возвращаются в свою квартиру, распаковывают чемоданы.

(*За кадрами звучит похоронный марш.*) На пороге появляются поникшая Анюта, а за ней сердитый и обиженный Борис. Он молча ставит Анютин чемодан, разворачивается, чтобы уйти. На его спине пульсирует (*три раза*) надпись: «С обманщицей жить не желаю». Надпись появляется вместе с неприятным сигналом «ПАБАМ!». За Борисом наконец-то закрывается дверь.

Анюта понуро сидит на чемодане. Потом достает айпад, открывает его и читает сообщение на своей странице «ВКонтакте»: «Ольга Россохина: Никакого наркомана я никогда не любила и никакого киндер-сюрприза я не жду. Это жуткая-жуткая муть. Как вы с Ленкой такое могли придумать?» Анюта с испугом при-

жимает руки к сердцу, будто получила письмо с того света, но потом на ее лице появляется радостная улыбка. И тут же улыбка исчезает, Аня явственно раскисает за содеянное. Аня просто в отчаянье.

Аня открывает страницу Ленки Россихиной. Титры в виде облачка-мысли: «Эх, Ленка, Ленка! Ты так и не поняла, что я люблю баскетбол, а не Шрэка. И Шрэк любит баскетбол, а не меня». Фотография Ленки оживает. Ленка рыдает, протягивает руки из айпада к Ане: «Я просто хотела пошутить. Я сама не знала, что из этого получится! Я больше никого не буду обманывать!» Аня вкладывает Ленке в протянутые руки баскетбольный мяч. Титры: «Отработаешь броски — и Шрэк тебя полюбит! Может быть...», и удаляет ее из своих друзей. Руки Ленки с мячом втягиваются в айпад. (Это сопровождается звуком как при втягивании в себя макароны.)

(Звучит «Танец с саблями». Кадры сменяются в бешеном темпе.) Появляется Ма. По ее виду ясно, что в ней проснулись бизоны. Она кричит и машет руками. Титры: «Этот Конченный! Этот Бориска!»

Аня (максимально крупный план) поднимает на Ма спокойные глаза (максимально крупный план), и говорит уже без всяких титров, живым голосом:

— Борис — самый лучший отец на свете.

Камера застывает на лице Ани. Тишина. Тишина живая — слышно, как капает кран на кухне, за окном чирикают воробьи, кто-то спускается по лестнице.

Из комнаты выходит Макс. Теперь он ничего не пугается.

— Сестра, я тебя люблю, — говорит Макс. Голос Макса похож на голос сломанного робота. Он очень старается четко выговаривать слова. Макс долго учился говорить эту фразу с Ма в пансионате, где проходил реабилитацию после кохлеарной имплантации, — сразу после завтрака и до обеда, а потом после ужина. Каждый день.

Аня во все глаза смотрит на Макса. Макс рассказывает перед ней детской, «чарличаплиновской» походкой, демонстрируя классный аппаратик в правом ухе.

— Теперь ты хорошо слышишь все-все? Ты научился говорить? Как тебя зовут? — спрашивает Аня.

— Меня зовут Макс. Тебя зовут Аня, — говорит Макс голосом сломанного робота. — Теперь я всегда буду тебя слышать.

Тишина снова становится живой, наполненной звуками, и гулкой, как если бы не в коридоре маленькой квартиры, а в большом пространстве. И эхо едва различимо повторяет голосом сломанного робота: «Я всегда буду тебя слышать».

Такой бы я фильм снял. Почти чарличаплиновский. Просто о некоторых вещах нельзя писать сочинение, а надо снимать смешные фильмы. В сочинении всякие пакости остаются только пакостями, и ничем больше, и когда ты о них пишешь, их как будто становится больше. И зачем это?

И я думаю, я думаю, что это даже к лучшему, что после того, как Борис в наказание за ту дурацкую историю с Ленкой Россихиной выгнал Аню, она вернулась в свою школу. Вот как бы она все уроки вытерпела, любясь спиной Ленки? Ведь та только в моем фильме прощения попросила, а не в жизни. Не то что Аня... Она сто тысяч писем написала на электронную почту Бориса и миллиард SMS на его телефон... Хотя это он должен просить у нее прощения за то, что она не сомневалась в его желании помочь «матери и дитя»... Пусть хотя бы в моем фильме просит прощения эта несчастная Ленка Россихина. А вообще, пусть она хоть чарличаплиновский фильм когда-нибудь досмотрит до конца и поймет кое-что. В финале бродяга вновь встречается с цветочницей. Она прозрела после операции, и у нее свой магазин. Из жалости она хочет дать бродяге монетку и цветок. А он стыдится своих отрепьев и собирается улизнуть. Но девушка касается его руки и узнает в нем того «богача», который дал ей денег на операцию. «Так это вы?» — спрашивает она. Он кивает: «Теперь вы видите?»

Вот и все.

И не все.

Ведь Чарли Чаплин будет всегда любить свою цветочницу, и она — его. Когда любишь, жизнь нескончаемая, во все стороны, и у нее тысяча цветов и оттенков, а может быть, более того. И от этого всем только счастье.

И я буду всегда тебя слышать, сестра.

Только поверь мне, Аня.

— 8 —

Сестра уже сто раз сказала: «И зачем я толь-

ко брякнула, что Борис — самый лучший?» Она прикусила язык. Ведь Ма ужасно обиделась на Анюту за те слова про Бориса, вот просто ужасно обиделась. Но на Бориса она еще больше обиделась, хотя и не он сказал те слова. Но так бывает, особенно с Ма.

Если можно было бы выбирать свою внешность: нос, брови, руки-ноги всякие, я бы, конечно, выбрал как у Бориса. Я-то — полная ему противоположность. На Бориса посмотришь и подумаешь: классный чел. Мощный, отшлифованный фитнесом, и взгляд — резкий. Он похож на актера Киану Ривза. Всегда ходит в джинсах и белой рубашке поло, а выглядит — точно на нем смокинг и сейчас ему вручат четыре «Оскара». В голову никогда не придет, как его называет Ма: «Бориска», «жеванная формула» и «Конченный», то есть не по фамилии — Конечный, а именно «Конченный». Они никак не могут дозлиться друг на друга.

— Вообще-то Борис мог бы запускать космические ракеты, — Анюта иногда напоминает об этом Ма, когда та начинает ругать «Конченого». Сестра говорит вежливо, так будто чихнула, будто не к Ма обращаясь.

— Формула этот Бориска, жеванная формула, — отзывается Ма. Она не устает это повторять каждый день, хотя Анюта не каждый день напоминает про то, что Борис мог бы запускать космические ракеты (даже не каждый месяц).

Анюта уже миллиард раз мне объяснила, что Борис — математический гений, так многие считают, кто понимает. Он в детстве уже был гением, даже жил не дома, а в специальной школе-интернате для особо одаренных умников. И с золотой медалью ее окончил, а институт — с красным дипломом. Ну и что, что вместо космоса занялся «молочкой», то есть молочным бизнесом. Зато раскрутил его будь здоров: в нашем микрорайоне еще недавно все только и гонялись за простоквашей и йогуртами «От Бориса». А бизнес грохнулся — потому что Бориса, талдычит Анюта, подставили злые, завистливые и во всех смыслах отвратительные монстры-партнеры.

Я слушаю и не киваю. Слушаю, потому что у нас уговор с Анютой: никогда не плевать на мечту. Тогда она сбудется. Анюта до недавнего времени мечтала, чтобы ее потрясающий отец всегда был с нею рядом.

А теперь видеть его не хочет. Как Ма и меня. Когда она это сказала вчера, я чуть не умер.

А вот прошлым летом чуть не умерла Анюта.

Дело в том, что бизоны сделали удивитель-

ный вывод из этой истории с изгнанием Дюймовочки из дома отца. В их рогатые бошки взбрело, что моя сестра «свихнулась на мальчиках», они всегда делают странные «страшные выводы». Бизоны были этим возмущены и каждый день рычали, что девочка из приличной семьи не должна думать о мальчиках, пока не получит профессию, лучше всего — стоматолога.

Ма вечно что-нибудь себе нафантазирует, напаникует — и это сбывается. Я имею в виду, конечно, не профессию стоматолога.

На самом деле Анюта еще долго продержалась, не «свихиваясь»... Но после слов Ма это было почти неизбежно. Прошлым летом, когда сестра окончила 9-й класс, а я 4-й, мы поехали на море к дяде Феде и тете Томе. Ма столько раз повторила, как ей пришлось уработаться, копя деньги на нашу поездку, что мы с Анютой успели порадоваться только в первую минуту, когда Ма помахала билетами на поезд.

— Если их сдать, деньги вернут почти полностью, — сказала Анюта и подула на одуван, распушенный на голове Ма. — Мы и здесь найдем чем заняться.

— Ты издеваешься надо мной? — Ма махнула расческой по волосам, будто вычесывая дыхание Анюты, и усмехнулась.

Сестра закусила губу, да, закусила черствую губу, они сразу же стали черствыми после слов Ма. Я тоже сказал:

— Да правда же, раз такие дела, потерпим мы еще без моря, подумаешь, ну, подумаешь, еще потерпим.

— И ты хочешь все испортить? — всхлипнула Ма. — Никогда не дождешься от вас благодарности!

— Да нет же, Ма! — заголосили мы с Анютой.

Но Ма уже хлопнула дверь своей комнаты и весь вечер по телефону прожаловалась подружке Аллочке на свою жизнь. После этого разговора она выглядела еще больше уставшей.

И мы с Анютой не шевелились в своей комнате, а на кухне зря пахла медовая коврижка, которую испекла сестра. Пахла сама для себя.

Но в конце концов мы задвинули наши чемоданы в «южный» поезд, один — под полкулежанку, другой на верхнюю, багажную.

ном многоквартирном доме, таких немного в поселке. Ма ворчала: имелся бы у них свой дом с участком, тогда не пришлось бы покупать абрикосы на базаре, а можно было бы рвать их в саду, сколько захочешь.

А я радовался, что квартира оказалась на втором этаже. Из окна нашей комнаты я мог каждую минуту посматривать на море — не появились ли дельфины. Море синело через ветки двух растущих под окнами «тополеидальных пирамодолей». У нас у всех пузырилось веселое настроение. Мы над всем шутили, даже над пирамидальными тополями. А когда мы топали на пляж, Ма смешно грызла персик, брызгая соком, и говорила, например: «Мышкоты». И Анюта хохотала и спрашивала у Ма: «Мышка, ты?», потом у меня: «Мышка, ты?» А я орал: «Мы ж — коты!» Мы только и делали, что пузырились смехом, как три стакана газировки из холодильника в жаркий день.

Я просыпался раньше всех, откидывал пустой, без одеяла, пододеяльник и шлепал к этажерке. Рядом с книгами стоял бронзовый бинокль. Не какой-нибудь плюшевый — театральный, а военный, старинный. Ободки его окуляров были чуть погнуты, в кусачих зазубринах. Палец, скользя по лунно-сияющим бокам, чувствовал кое-где боевые царапины. Есть такие вещи, которые, когда берешь их в руки, придают тебе уверенности. Я двумя руками брал бинокль и ложился животом на подоконник. В такой ранний час дельфины могут близко подплывать к берегу, чтобы поприветствовать рыбаков, своих давних знакомцев. Мы с биноклем терпеливо ждали, когда голубую воду прорежут быстрые гребни...

Я не цеплял свою штучку-дрючку за ухо. Мне нравилось слушать море глазами.

Розовое, в дымке, утро пахло солью и яблоками, и мои плечи становились мятными. Я прикладывал к глазам окуляры и смотрел на молодое поутру море. В палитре Пантон (ага, есть такая здоровская палитра) у синего цвета 180 тонов. Вначале я решил, что для голубизны утреннего моря подходит название «цвет синей тени». Но нет, волны пели еще звонче, «цветом сойки». Волны пели. Ближе к горизонту они густели, подмороженные сосредоточенностью глубины, наливались тайной дремучего дна, где водоросли не прекращают танцевать, мечтая о солнце, и тоскуют огромные рыбы — может, это непростенные души, обреченные на скитание в холодной немоте.

Там, у самого горизонта, море, конечно, имело «цвет кипрского бриза». А ближе к берегу оно шалило, набегало на песок и отбегало, пробуя его на вкус и на твердость. Так вкусно можно лопать мороженое. И я выбрал в палитре название «синий цвет маленького мальчика». У берега море превращалось в какого-то шестилетку. Волны покусывали песок и барабанили по нему ладошками, а я посматривал на них, как на младших братьев... Самое чудное было — просто тогда замирал, — когда в благородном ультрамарине ранних волн растворялся жемчуг кудлатого облака, а небо вдыхало голубой голос моря, набираясь сил и светлея. И вот этому соленому дыханию, отраженному в небе, я никак не мог подобрать название цвета из палитры Пантон.

Иногда Ма рано просыпалась и приникала ко мне, ерзавшему на подоконнике. Обнимала меня за плечи, дышала в макушку. Я ей взаллеб объяснял, какой оттенок моря как называется, тыкая в воздух пальцем. Но она только смотрела, прищурившись, вдаль.

Однажды я спросил ее: «Ма, где мой отец?» Я специально спросил, ведь она знала, что ответ мне не услышать без штучек-дрючек, которые лежали в коробочке на столе. Просто спросил, чтобы она знала: я тоже думаю о нем. Как, наверное, и она. Ей, наверное, хочется про него рассказать хоть кому-то, может быть, особенно мне, но она не знает, с чего начать.

Дыхание Ма толкнулось в загривок. Она ничего конкретного не ответила. Но я отчетливо услышал свою мысль, так, будто громко ее произнес: «Ма, я люблю тебя...» Само по себе внутри меня так сказалось. И тогда я решил, что цвет огромного неба, которое светлеет, набирается добрых сил от соленого дыхания моря, я буду называть «Ма, наша Ма».

Я вдруг так велико почувствовал Ма — как небо и море. Только она была еще в сто тысяч раз лучше них.

Тетя Тома звала в большую комнату завтракать, похлопывая меня по плечу. Анюта только потягивалась, а я уже сидел за столом, гонял по тарелке вилкой дольки помидора, дожидаясь, пока все соберутся.

— Сегодня придут ремонтировать балкон, — однажды сказал дядя Федор, насмешливо разглядывая кусок жареной трески. — Балконы! — И он погрозил в окно длинной косточкой, которую выловил из рыбы ловкими пальцами — только они были у него

не старыми. — При чем тут балконы, когда трещина идет от первого подъезда до третьего в аккурат по нашему этажу?!

— А ласточкино гнездо не повредят? — озадачилась Анюта.

К низу соседского балкона лепился кулачок из сероватой глины с травинками. Из него то и дело вылетали ласточки и вновь ныряли обратно, они кормили птенцов. Анюта тоже охотилась для них за мухами и жучками, выкладывала трофеи на карнизе окна так, чтобы не сдул ветер.

— Дому бы устоять после ремонта, — пошутил дядя Федор. — От этих умников только и жди кандибобера!

И все посмотрели на открытый балкон, задернутый тюлевой шторой. Она умиротворенно колыхалась, словно до отвала наелась жареной рыбы и напилась чая с бергамотом.

А потом мы пошли на пляж. Я — в одних плавках — черных, с красной стрелкой, Анюта накрутила на купальник синее с белыми цветами парео, а Ма была в шортах и розовой майке. Приятно не таскать на себе лишнюю одежду. Чувствуешь себя зверски ловким, особенно если на ногах сандалии с мягкой подошвой.

Я уже не боялся доплывать до буйка — огромного шара апельсинового цвета. Но мне хотелось дальше, в вольное море. Я сделал два гребка за «апельсин» и оглянулся на Ма, которая, конечно, смотрела на меня с берега. Она шутливо погрозила кулаком, и я повернул назад, решив, что стоит приучать ее к дальним заплывам постепенно. И лучше всего это делать, когда на море штиль, а не так, как сегодня — волна за волной с курчавым вихром.

Ма помогала Анюте закалывать косичку, а сестра искоса наблюдала за пятью волосатыми парнями. Они сидели кружком возле арбуза и руками добывали из него алую мякоть, как из котла, запивали колой из банок.

— Они слишком для тебя юны, старушка, — Ма насмешливо постучала указательным пальцем по носу Анюты. — Догоняй!

Но Анюта хотела для начала позагорать, поэтому мы с ней достали «Эрудит», Ма набрала кучу «развивающих» игр. Я выкладывал костяшками, перепачканными песком, слово «аллигатор», когда услышал:

*Ах, не шумите? А разве ж мы шумели?
Ну Андрюха стучал еле-еле*

*Молотком по железной трубе.
Я тихонько играл на губе...*

Голос мне понравился — без фиги в кармане, без дурацкого мелкого прикола, с хорошей улыбкой, которая предназначалась Андрюхе, железной трубе и всем нам вокруг. По пляжу шел усато-бородатый парень в шортах цвета хаки и синей футболке, он классно подыгрывал себе на гитаре. За ним ковыляла обезьянка, волоча по песку соломенное сомбреро. Она по-приятельски подсаживалась к загорающим дяденькам и тетенькам, те поначалу шарахались от нее, а потом смеялись, иногда бросали в сомбреро бананы или деньги.

*А никто и не думал шуметь.
Вася пел, ведь нельзя же не петь.*

Парень направлялся прямо на нас с Анютой, но подмигнул, обходя, и запританцовывал дальше, вздымая шлепанцами фонтанчики песка, а обезьянка чихала и вытирала черной лапкой мордаху.

Сестра встала и пошла за ними следом, тоже вздымая фонтанчики.

Может, я бы тоже пошел. За певцом с обезьянкой. Но Ма говорила: нельзя оставлять вещи без присмотра. И я стал выкладывать за Анюту слово «троглодит». Когда глянул, куда они там утопали, то на Анютиной голове уже красовалось соломенное сомбреро, а обезьяна сидела на плече парня. Он и сестра были одинакового роста...

— Где наша старушка? — спросила Ма, вернувшись и промокая волосы полотенцем. — Уф, сегодня штормит.

— Да не потеряется, — я снял с уха штучки-дрючки, чтобы их не слизнула волна, уложил в специальную коробочку, отдал Ма и побежал к воде.

Море сердилось, с удовольствием не плаваешь.

Я быстро вернулся к нашей лежанке, а Ма уже похаживала взад-вперед, уперев руки в зарозовевшие бока, и не думала улыбаться, как это у нее здорово получалось все эти дни.

— Куда они пропали? — прочитал по губам Ма.

«Они»! Махватило времени выяснить о парне с обезьяной. Наверное, ей сообщили подробности поедатели бездонного арбуза.

— Макс, поищи эту девчонку! — в голосе Ма порывкивал тучный бизон. Это было ясно-

понятно и без моих ушных штучек-дрючек на ухе.

И я тоже вдруг разволновался. И сразу помчался, хотя по рыхлому песку с разложенными там и тут телами разной степени загорелости особенно не разгонишься. Бурчал про себя: «Подумаешь, Вася с обезьяной, подумаешь, песни поет! Зачем портить такой день, а может, и всю оставшуюся здесь неделю?»

Вдруг какая-то тетенька, мимо которой я мчал, вскочила со своего полотенца и что-то заверещала, показывая в море. Мне пришлось остановиться и внимательно заглянуть ей в лицо, чтобы прочитать по губам. Она кричала:

— Акулы!

Откуда им взяться здесь? Я повернулся к морю.

В барашках, неподалеку от «апельсина», мелькали три плавника — загнутые на конце, разумеется, загнутые, а не тупо треугольные, как у акул. Я посмотрел только секунду и бросился к ним с холодным животом.

Дельфины!

Бухнулся в воду — и во мне заработал моторчик. Это он выбрасывал мои руки вперед, молотил море моими ногами. Без всяких усилий я двигался к дельфинам строго по курсу. Я легко прошел волну и еще одну, и еще. Море поигрывало синими мускулами, перекачивало их, задиралось. Но тогда я был веселее и сильнее моря.

Прикоснусь к гладкой коже и посмотрю им в глаза. Голова и плечи крутились на отлично смазанных шарнирах. Я плыл «лягушкой», так удобнее было вытягивать шею и высматривать между волнами моих дельфинов. Плавники выныривали и исчезали, водили хоровод вокруг «апельсина». Один раз дельфины выпрыгнули сразу втроем. Темные упругие радуги поднялись над барашками и вонзились в кипящую синь, выбив высокие брызги. Моторчик чуть не захлебнулся от восторга, но, конечно, не захлебнулся. Гребни кружили, звали меня.

И вдруг, когда до дельфинов оставалось рукой подать, один из них высунул из воды голову, толкнул клювом «апельсин» и полетел в открытое море.

— Стой! — я закричал и как следует хлебнул воды. То один дельфин, то другой выпрыгивали из воды, удаляясь. Я же знал: они прыгают, чтобы прибавить скорость. Обычно дельфины плывут со скоростью 4–11 км/час,

а прыжками ее увеличивают. Но для меня и 4 км/час было слишком много.

Дельфины исчезли, исчезли, ни один плавник больше не взрезал колышающееся море, а я все равно плыл за ними.

Может, вернуться...

Наконец я сказал себе: не получилось, Макс, поворачивай-ка оглобли, Макс... Мне почему-то захотелось так сказать — будто во мне жил еще один человек, вроде ковбоя в штанах, которые ни за что не протрутятся до дыр.

Когда я повернул оглобли, «апельсин» качался на волнах яркой бусиной. Ничего себе, куда занесло... Я попробовал перевернуться на спину, чтобы перевести дух. Но волна рухнула на меня и запихнула в свое мутное брюхо. Я забарахтался, освобождаясь от облепившей духоты, крутанул, изо всех сил вытянулся вверх свечкой и — солнце залило лучами глаза. Я растерялся: где же он, берег? Пенная лапа снова огрела, выбив из груди кусочки воздуха. Вывернулся из-под нее, вздохнул кое-как. Слепой студень вокруг ходил ходунком, справа и слева, спереди и позади. Меня хватили серые желваки, перетирали, прятали в свое нутро и, придушив хорошенько, швыряли в новый водоворот. Немое море было беспощадным.

Моторчик один раз дернулся, руки и ноги сами собой замолотили воду. Но нет, моторчик сразу угас.

Может быть, я подумал тогда: похоже, Макс, пришло время вспомнить, кто тут у нас Спасатель. Может быть, я сказал себе не совсем эти слова и не так уж невозмутимо, но что-то такое сказал. И решил не думать паршиво о дельфиках, которые вроде бы бросили меня помирать. Они же чувствуют: ничего плохого со мной не случится...

Я распахнул рот широко, как только мог, чтобы успеть вытолкнуть воду, если она туда залетит, и сколько было сил втянул воздух. Так было написано в правилах для пловцов, оказавшихся в море во время шторма, я выучил их почти наизусть. Успел глотнуть воздуха побольше и сжать губы до волны, успел стиснуть зубы — это помогло пережить очередной водоворот. Потом дождался, пока волна толкнула в спину по направлению к берегу — да, вот он, я разглядел его, и сделал несколько сильных гребков. Когда волна пошла на откат, не стал ей противиться, чтобы не тратить силы, и лишь старался держать голову над водой. Плечи и шею как будто реза-

ли тонкие струны, но все равно я не опускал голову.

Плыви как ни в чем не бывало, как ни в чем не бывало, на волнах даже здорово покачаться, если уловить их ритм.

...Пластмассовый «апельсин» крутился, чтобы ударить большее. Но я смог за него зацепиться. Навалился на шар всей своею усталостью. У меня получилось почти всю ее скинуть на «апельсин».

А за буйком море потеплело, здесь я будто бы знал все волны в лицо, тут они все были прирученные...

Свалился на берег ничком, уткнулся в песок. Мой рот сам собой его жеванул. На зубах стеклянно и вязко хрустело. Я чувствовал каждую крупинку во рту и то, что они приторно-теплые и вкусные, самые вкусные...

Мимо проходили пляжные полуголые люди. Снизу они казались очень высокими, каких-то причудливых форм и такими же счастливыми, как и я. Лежал, улыбался как дурак, глядя на выпученные животы и длинные ноги. Лежал, улыбался, будто я только что спас всех этих людей.

А потом сел в песке и, уткнувшись в коленки, расплакался.

Анюту без толку было искать на пляже. Не знаю, бродили ли тут парень и обезьянка... Но сестра исчезла. Я услышал: пляж пустой — без нее.

Размазал по лицу сопли вместе с песком и побежал. Выспрашивал, куда делись певцы с обезьянкой? Я выговаривал слова медленно и монотонно, будто угрюмо, как всегда, когда не слышу себя. Может, поэтому меня долго рассматривали, перед тем как ответить. Продавщица мороженого сказала, что эти двое куда-то ушли. Другие просто пожимали плечами...

— Домой! — приказала Ма, когда я добрел до нашей лежанки. — Адрес знает, проголодается и придет.

Ма запихнула комом все наши вещи в пакет, пока я прилаживал штучки-дрючки на место и сворачивал старое покрывало, на котором мы еще недавно играли с сестрой в «Эрудит».

Дома я устроился с биноклем на подоконнике. Только где высматривать Анюту? Тяжелый бинокль несколько раз выпадал из рук, стучал по подоконнику.

В большой комнате тетя Тома ругала мастеров: те «раскурочили» балкон и ушли, и сколько же дней теперь запинаться об их инструменты и таскать грязь, если они, как

всегда, «загуляют». Тетя Тома ругала мастеров почему зря, будто хотела дать понять Ма, что те напортачили гораздо больше Анюты. А дядя Федор вздыхал: «Такой кандибобер!»

Этот самый дурацкий на свете балкон был длиной в три моих шага, а его ширина — в полшага, бордюр — редкие железные прутья с заложенными между ними бордовыми пластинами рифленой пластмассы. Вдруг он затрещал, отдираясь от дома, словно намеревался поплавать по воздуху. Балкон хрипел и брэнчал хранившимися на нем стеклянными банками. С визгом заработала какая-то ярая пила-машина, разгрызая что-то железное. И что-то тяжелое с обреченным «оух» заскользило вниз по жаркому воздуху, как по ватному одеялу, и раскололось об асфальт.

Когда я вбежал в большую комнату, Ма стояла на голом, без ограждения, козырьке балкона и смотрела вниз.

Перед ней носилась две ласточки, стригли крыльями воздух. Понятно, Ма слишком разволновалась и, как всегда в таких случаях, «впала в азарт». На этот раз ей подвернулся балкон, который мастера так и бросили, раскурочив. Ма повернулась ко мне, и бизоны прорычали:

— Вот только пусть она вернется...

Тетя Тома, не глядя на нас, взялась за веник.

Когда в бинокле просверлили дырочки три острых, тревожных огня — это где-то далеко в черной бездне стоял на рейде сторожевой корабль, — в дверь позвонили. Я метнулся, чтобы открыть. Но дядя Федор отстранил мою руку от замка и сам потянул за ручку дверь, осторожно, как будто она была тяжелобольной и могла упасть в обморок.

Анюта стояла, опустив голову, занавесившись от всего мира прядками волос. Два конца парео, накинутого на ее плечи, свисали, как промокшие крылья.

— Здравствуйте, дядя Федор, — проямлила она еще более дитяшеским, чем обычно, голосом.

Ма схватила ее за руку и втащила в квартиру, выпихнула на середину большой комнаты, под люстру с пятью рожками.

— Дядя Федор, тетя Тома! — радостно заголосили бизоны. Они могли провести кого угодно, но не нас с Анютой. — Посмотрите на эту девочку, девочку-сопелочку. — Ма постаралась раскрутить Анюту, как в танце, но сестра выдернула руку, и та громко хлопнулась о ее

бок, как снулая рыба. — Или, может быть, тут нет никакой девочки-сопелочки? Кто же это перед нами? — Бизоны входили в раж.

Дядя Федор и тетя Тома не привыкли к такой фауне на собственной жилплощади и сидели, поджав ноги, не зная, куда деться от прибывающих и прибывающих бизонов.

— В гробу я тебя видела со всеми твоими выкрутасами! — закричала Ма.

И я дернул за шнур выключателя — у дяди Федора и тети Тома по всей квартире были такие допотопные выключатели.

На самом деле это Спасатель дернул за шнур. Я бы сам ни за что не дернул. Но Спасатель вдруг стал гораздо больше меня, и он был намного смелее.

И мы провалились во мрак.

Это озадачило всех собравшихся. Даже бизонов.

Спасатель подумал: «То, что и требовалось!»

В полной тишине вздыхала по-прежнему сытая штора. Через нее рассеянно посмотрел на нас уличный фонарь.

Вдруг посреди комнаты зашевелилась еще одна штора. Она зашуршала и вылетела на балкон. Я опять услышал звук, как что-то тяжелое с обреченным «оух» заскользило вниз по воздуху, как по ватному одеялу.

Тссс... Надо молчать. Я никогда не стану вспоминать, что было потом. Никогда. Тем более — писать в сочинении. Мне кажется: вспомню — и все повторится, прямо сейчас. Никогда не напишу об этом ни в каком сочинении.

Буду молчать. Молчать и не думать. Не вспоминать...

—10—

Лучше так, с этого места: я вхожу в палату. На кровати у окна — Анюта. Голова ее лежит на подушке слишком торжественно, потому что подбородок туго подпирает желтоватый медицинский воротник. А может, это и не только воротник, а панцирь, который сковывает все ее тело. Наверное, панцирь. Но мне улыбаются жирафьи глаза, и сестра даже машет незагипсованной левой рукой. Анюта и правда живая. Но я не могу ей в ответ улыбнуться, для меня очень странно, но не могу.

В одной руке у Ма — ведро грязной воды, в другой — швабра. Из ведра, Ма почти волочет его по полу, выплескивается муть. Она взялась за работу нянечки. Чтобы ей разрешили

оставаться с Анютой круглые сутки, Ма упростила врачей. Сейчас она вымыла пол, и теперь ей надо было переходить в другие палаты.

— Совсем измоталась... — шепчутся пять женщин на койках. — Подмогли бы, да куда нам сейчас...

Я принес куриный бульон в литровой банке и помидоры с молодым чесноком в плоской коробочке. Тетя Тома приготовила. Она говорит, что не придет в больницу — не хочет видеть мать, которая «доводит ребенка до греха» ...

Мне ничего не понятно, стыдно и страшно.

И поэтому я едва смотрю на Анюту: жива ли она? Посмотреть очень хочется — во все глаза. Но после всего, что случилось, Анюта — почти не Анюта. Она совершила нечто такое, что никогда совершать нельзя. Анюта будто преступница. Все преступники — грязные, как дым, и непонятные, такие — не от мира сего, дотронься до них — перестанешь быть человеком. И еще Анюте, наверное, очень больно.

Осторожно сажусь на кровать, стараясь прилечь не на постель, а на железную перекладину, чтобы не качнуть сестру.

Женщины уходят, некоторые на костылях — позвали на обед. Можно поговорить, а я шепчу, потому что сестра сейчас — не совсем сестра.

— Ты как это? — выбуркиваю, отвернувшись. Потом все же смотрю на нее.

— Что? — Анюта облизывается, глядя на банку с бульоном.

— Ты правда хотела?

— Ну чего хотела? — Она пытается, не шевеля спину, дотянуться рукой до банки.

— Ты правда прыгнула с балкона, чтобы...

— Ты что — совсем, братец? — Анюта сердится, но тоже почему-то шепотом, не обидно нисколько. И вдруг Анюта улыбается, глядя в окно. — Я же влюбилась. Я влюбилась, Макс.

— Чего? — вытираю на нее глаза. — А как тогда все?

— Как-как! Испугалась я, до смерти всего испугалась! — в жирафьих глазах Анюты нет ничего того, чего так боюсь: не Анютино. — Ма сказала, что в гробу видала меня. Аха. Хе-хе, в гробу. Очень премило. И сразу свет померк. Я и подумала, что я уже натурально в гробу. У меня вообще голова плыла. После всего. И перед тем, что еще грянет...

«Великий Крик»... И вдруг мрак. И вдруг свет где-то. Вот я и побежала — к свету. Я же не подумала, что это фонарь. Чтобы в гробу

не оставаться, побежала. Света же в гробу не бывает... А на балконе ограды нет... — Помолчав, Анюта добавляет, взмахивая здоровой рукой: — Но пусть лучше все думают, что я сама... П-попрыгунья, дура такая. А то вдруг скажут: во всем виновата мать...

— Уже говорят.

— Кто? — пугается сестра.

— Тетя Тома.

— Она — пусть. Главное — чтобы не в больнице. Ма же со света сживут...

— А ты Ма про это сказала? Ну, что ничего такого с собой не хотела сделать... Просто так вышло.

Анюта вздыхает.

— Ага... А она: «Ты еще и пытаешься оправдаться? Вначале меня опозорила, а потом — оправдываешься?»

Я не уверен: врет Анюта, чтобы меня успокоить, или не врет. Нет, Анюта не врет. Это видно по ее голодным жирафьим глазам. Она не хотела прыгать с балкона.

Но тогда получается, что во всем виноват я. Это я — никакой не Спасатель! Не дернул бы за шнур, не погас бы свет — и ничего, ничего бы не случилось с Анютой. Или случилось бы?

Сестре все-таки удастся стащить банку с тумбочки, уволочь на кровать. Теперь она трудится над крышкой, старательно действуя здоровой рукой и подбородком. Я не могу ей помочь, потому что во мне ничего не шевелится, меня придавило: я во всем виноват.

«Бульк-бульк», — радуется в банке бульон.

Жмурясь, Анюта пьет его, с рыжинками тертой морковки. Полбанки как не бывало.

— А вообще здорово, Максик, было, — Анюта жмурится, дожидаясь расспросов.

Мне наконец-то становится по-настоящему жаль покалеченную сестру, с плоским горшком под кроватью, и совсем не страшно смотреть на нее. Но все равно язык ворочается еле-еле.

— Что было здорово? Куда вы с этим В-Васей пропали?

— Никакой он не Вася. Он Лерик, Валерий. А обезьянку Машкой зовут... Мы правда влюбились друг в друга.

— С обезьяной? — тогда я, помню, даже улыбнулся.

— Ага, с обезьяной, — Аня хохочет, но ей больно, морщится. — Мы шли с Лериком по пляжу, а он говорит: «Давай целоваться, буд-то мы влюбленная парочка. Граждане станут

щедрее, принцесса. Подумают, что мы — нищие музыканты и собираем на свадьбу».

— И ты целовалась с этим уродом?

— С уродом, грабителем и убийцей. Ма меня уже просветила, не переживай.

— Ладно, не обижайся. Прости.

— Угу. Нам правда, знаешь сколько набросали?! Три тысячи триста двадцать восемь рублей и кучу бананов — Машка объелась.

— А что потом?

— А потом Лерик говорит: «Давай я тебя по-настоящему поцелую, ты красивая».

— Ф-фу!

— Сам ты ф-фу! Это было по-настоящему.

— Ага. Полчаса прошло, как познакомились.

— Ну и что?! Бывает же такая любовь — солнечный удар. Я же красивая. Красивая? Говори!

Красивая Анюта? Я, конечно, кивнул.

— Лерик приехал сюда подзаработать, ну и отдохнуть, конечно, — сказала сестра. — У него своя группа в Казани, они рок поют.

— А чего ты потом сразу не вернулась?

— Понимаешь, море, солнце, такой обалденный Лерик. Все так здорово, так свободно. С меня будто камни какие-то свалились. В общем, здорово было. Я просто летела. Вообще ни о чем думать не могла.

— И про меня в том числе...

— Прости-прости! «Солнце мое, взгляни на меня!» Ну, давай уже, прощай меня!

— Угу... А куда вы с пляжа-то делись?

— Сели на автобус и поехали на другой пляж, в соседнем городке.

— Я искал тебя...

— Мне казалось, что мы всего-то пять минут бродили по пляжу. Лерик сказал, что мы быстро обернемся. И мы на другом пляже еще две тысячи заработали. А потом я есть захотела.

— Кто б сомневался... И?

— Лерик говорит: «Пошли в кабак. Как раз мои ребята должны подгрести». Мы и пошли в кафешку... По правде, это был ресторан, Макс. Прямо на пляже. Там такие фужеры, тарелочки, вилочки... И под белую скатерть ветер задувал... Сейчас все унесет, все развеет. Потом пришли ребята и еще одна девушка. Все музыканты, веселые и...

— ...и обкуренные.

— Нет! Просто веселые. Они столько всего пели. Лерик — не хуже Цоя. И про музыку говорили. Про Стинга твоего любимого, про

Башлачева. Тебе было бы интересно послушать!

— Что, например?

— Эээ... Не помню. Но это я не помню сейчас. Потом вспомню и тебе расскажу. Обязательно.

— Вы что... drink-drink?

— Там было пиво. Я ни глоточка не сделала. Один парень спрашивает: «А почему вы, Анна, не пьете?» А я говорю: «Не люблю». А девушка, ее Мэрилин все почему-то называли, говорит: «Ух ты, какая хорошая малышка!» Ну и кто-то спросил, сколько мне лет. Я говорю: «Пятнадцать». А Лерик удивился: «Зачем же ты такая длинная выросла?» Я говорю: «Я же не виновата». Лерик говорит: «Как бы мы тут все виноватыми не оказались. Наелась, принцесса? Теперь назад к маме! И больше никогда не подпевай взрослым дядькам. Запомнила, детка?»

— Детка, ты это запомнила?

— Макс, ты зануда, да?! Лерик договорился с каким-то местным, чтобы тот довез меня до нашего поселка, денег ему дал. И когда я уже была в машине, в нее залез еще один дядька, совсем не музыкант. Лерик — водителю: «Мы так не договаривались». А тот: «Да ты чего, парень, это мой племяш». А Лерик тогда сам сел в машину и сказал: «Поехали!»

— И что тот «племяш»?

— Да вылез он, вылез из машины, как только мы доехали до конца городка. А Лерик довез меня до нашего дома и потом — обратно... Но я еще долго на лавке сидела... А потом так есть захотелось...

— Обжора несчастная! Пей свой бульон. Тетя Тома спрашивает: на завтра приготовить тебе рулеты из баклажанов?

В палату входит Ма, держа поднос с обедом. Медленно семенит, старательно оттопырив локти, боясь расплескать суп. Пушистый одуван опал, кудряшки скатываются на глаза, она их боится хотя бы сдуть, терпит, нахмурившись. Я перехватываю у нее поднос, который вот-вот выпадет из поддрагивающих рук.

Сестра лопает больничный обед за милую душу, запивает котлету домашним бульоном, причмокивает. У нее умиротворенное настроение. А Ма хмурится и не очень-то с нами говорит. Она сидит, уткнувшись лбом в деревянную стенку кровати. Ей хочется спать — она уже две ночи не спала.

— Максим, вот рецепт, — Ма протягивает

мне бумажку и деньги. — В больнице одна зеленка...

Мы с ней вместе выходим из палаты, Ма надо мыть еще коридор. А мне надо ей помочь с этим делом, только потом в аптеку.

Почти натыкаемся на врача.

— Как Аня себя чувствует, Маргарита Петровна? — Ма сокрушенно качает головой.

— Это понятно в ее состоянии, — врач разводит руками, — к сожалению, у нас нет соответствующего специалиста. Извините, не столица. А ведь возможен рецидив. Вы меня понимаете? Вы говорите, частая смена настроения, слезы... Добавьте сюда проблемы пубертатного возраста, иногда непростые отношения с противоположным полом... Я думаю, при таком раскладе все может повториться. Вы понимаете, про что говорю...

— Я так устала от всех проблем, — почти стонет Ма.

— Попринимайте новопассит. До десяти таблеток в день можно. Если вы свалитесь, что будет с дочерью?

Ма кивает, она все понимает, что говорит врач. А я кое-что понимаю. Чужие слова стали будто бы прозрачнее, но мои мысли пока запаздывают. Мне не нравятся слова врача, он зря говорит о «рецидиве». Рецидив — повторение. Но повторение чего? Ничего ужасного же сестра не сделала и не собиралась. Это с ней произошло ужасное! Из-за меня... Я думаю, стоит ли Ма и врачу сейчас сказать, что, если бы я не выключил свет, Аня не помчалась бы на балкон. И если скажу, что потом будет? Бизоны ведь могут наброситься и на врача, заодно и на него, они ведь на всех набрасываются, кто подвернется. И тогда Ма выгонят из больницы... Что тогда будет с Аней?

— Надо позвонить Борису, — говорит Ма, когда врач уходит по своим делам. — Пусть приедет, полюбуется на дочь.

— Ма, — шепчу я, — она не хотела...

— Сговорились? Дурой меня выставляете? — отрубает Ма.

И толкает ногой ведро. Оно тоже кричит на меня, скатываясь по лестнице. Голова кружится, мелькает что-то в глазах, и будто меня ступеньки крутят и вертят.

На следующий день — странность такая — я насчитал на боках и животе четыре синяка.

Борис не приехал.

— А кто деньги будет зарабатывать? — умыл он по телефону Ма. — Вы там сосчитали, сколько денег понадобится на лечение пере-

ломанного позвоночника? Ты их заработаешь, что ли, Маргарита?

И через месяц он не встречал нас в аэропорту. На его простоквашном производстве как раз приключилась налоговая проверка.

Мы с Ма кое-как вытащили Анюту из самолета, санитар запаздывал. Он подкатил инвалидную коляску, когда мы втроем уже сползли по трапу. У нас руки дрожали, так мы боялись с Ма упустить все 180 сантиметров Анюты.

Ночью я долго не мог уснуть в своем «гнезде» из-за хныканья сестры, у нее разболелась спина. Когда я пошел за водичкой для Анюты, Ма за что-то выговаривала Борису по телефону. Я услышал, как Ма произнесла в трубку:

— Иногда путь из пункта Б в пункт А намного длиннее, чем из пункта А в пункт Б.

Я забрался в «гнездо» и полночи думал, при каких обстоятельствах такое бывает.

— 11 —

Начался учебный год, а я никак не мог сосредоточиться и нахватал троек. И по каждому предмету свой учитель... Только с Нинпальной однозначно повезло, хотя тройки по русскому и она для меня не жалела. Нинпална не только русский с литературой ведет, но и читательский клуб. Я просто дежурил, бумажки из парт вытряхивал, когда они как-то пришли в наш кабинет заседать, а потом насовсем в клубе остался.

Мы обсуждаем книжки и фильмы, иногда музыку — всякую: рок, джаз, даже классику. Будто спокойно так говорим, попивая чаек с сушками, а голова работает будь здоров. Нинпална скажет что-нибудь — и вся шерсть у меня дыбом. От удивления. Нинпална говорит и смотрит на нас желтыми глазами, они у нее всегда веселые и магнитные. И я сгущаюсь, концентрируюсь под этим ее взглядом. Будто какая-то стрелка, как в компасе, во мне подрагивать начинает. И почему эту стрелку так приятно в животе ощущать — даже не очень понятно почему, но зверски приятно.

Ее, эту стрелку, будто тянет куда-то, к чему-то необъятному и сияюще-снежному, как Антарктида.

Это еще мелочи, когда Нинпална, например, хитро спрашивает: какую энтомологическую ошибку допустил Крылов в своей басне «Стрекоза и Муравей»? Мишка, кстати, первый догадался: стрекоза-то настоящая не поет!

Но выяснилось, что Крылов все правильно написал. Потому что в его времена стрекозами называли несколько видов насекомых. В том числе и кузнечиков! Это кузнечиха «лето красное пропела».

Но это так, «приколы», хотя и от таких «приколов» потом начинаешь всякие произведения читать как под микроскопом. И мы под таким микроскопом — ха-ха три раза, как говорит Мишка, — «Курочку Рябу» читали. Поначалу никак не могли врубиться: мы что, дети малые, чтобы ее обсуждать? Но и двух слов ни у кого не нашлось, чтобы объяснить, что тут и к чему, какой смысл — бред какой-то, а не сказка. Нинпална предложила нам покумекать дома. Потом все, конечно, пришли вооруженные интернетовскими раскопками. А там много чего неожиданного про «Рябу» нашлось. Даже варианты сказки, где вся деревня чуть ли не погибает из-за горя, что золотое яичко объявилось. Мало того что ученые над сказкой головы ломали, народ до сих пор не успокоится, на разных форумах спорит, о чем тут речь. И все наши стали рассказывать, кто что вычитал. К примеру: яйцо — олицетворение жизни, а мышь — это посредник между миром живых и мертвых, поэтому все пугаются, не зная, чего ждать после того, как она яйцо раскокошила.

А Нинпална спросила:

— Может, у кого-то есть своя собственная трактовка сказки?

И, конечно, первым прикололся Мишка.

— Эта сказка о научно-техническом прогрессе, — солидно сказал. — Многие люди, особенно пожилые, вообще не умеют пользоваться гаджетами. Яйцо у деда с бабкой «не включалось», они разозлились и стали им дубасить об стол. А потом Ряба над ними сжалась и говорит: ладно, не мучайтесь, снесу я вам ваше любимое простое яйцо, живите в каменном веке, типа, пользуйтесь обычной мясорубкой, а не мультиваркой.

Все похихикали, а у Мишки на то и был расчет, он вообще веселый, мой друг Мишка.

— А еще я читал, — добавил он, — что яйцо — это символ ребенка, которого дед с бабкой воспитывают по-своему и бьют потому, что у этого упрямого яйца на все свое мнение... Конфликт, так сказать, поколений.

Я три дня ломал голову над сказкой. У меня Ряба просто замучилась высидывать золотые яйца, а дед с бабкой их дубасить. Я сто раз прокручивал сказку в голове, пытаюсь понять,

что тут к чему. Был в ней какой-то смысл, мой, собственный, точно был.

И вдруг все в моей голове встало на место от Мишкиного «яйца-ребенка». И еще Нинпална посмотрела на меня магнитным взглядом...

Я отхлебнул чайку, мы опять чаи гоняли, и сказал:

— Яйцо вовсе никакой не ребенок. Ясно же — у деда с бабушкой вообще нет родительского инстинкта. Они вообще не позаботились о том, чтобы дети у них родились. — Здесь все опять посмеялись, а я продолжал: — Поэтому их жизнь была убогой. Без перспектив. Если бы дед с бабушкой были расчетливыми родителями, они положили бы яйцо в банковскую ячейку и потом подарили его сыну или дочке на совершеннолетие или свадьбу. Жили бы все эти годы и радовались, что дитяtko будет обеспечено на всю оставшуюся жизнь. — Тут снова все наши радостно загоготали, но не сильно. — Если бы дед, например, был художником, а бабушка — писательницей, они бы сочинили сказочную книжку для детей про золотое яйцо и прославились бы на весь честной мир. Если бы они были просто хорошими родителями, то отдали бы это чудо-яйцо своим детям! Все лучшее детям! Ага! Еще и сами бы с ними поиграли. И дети всю жизнь вспоминали бы, как это здорово, и были бы счастливы. Но не оказалось у деда с бабушкой детей — и... завелась эта гадость, гадкая мышь. И не стало у них чуда — золотого яйца, а будет теперь только простое, которое быстро протухнет. Как и вся жизнь деда и бабушки. Хотя, конечно, мне их жаль... Не могут они ждать перемен от жизни. Не надеются на них. Вот поэтому мне их жаль.

Я говорил это, а сам думал про Анюту и Бориса, и Моего Дельфина с Ма тоже думал... Оказывается, можно думать про одно, а говорить про другое...

Вряд ли я повторил бы эти слова, если бы потребовалось. Вдохновение нашло — и я их произнес, каким-то особенным голосом.

И тогда Нинпална высоко, торжественно подняла руку с золотым яйцом.

— Кому мы подарим его за самый лучший рассказ, а?

И тут все на меня со значением посмотрели. А Мишка громко отхлебнул из чашки — он вообще-то за всех радуется, особенно за меня, такой у него характер.

Так у меня и появилось деревянное яйцо, покрашенное золотой краской, олицетворе-

ние жизни и символ великой любви. Дома я убрал его в свой ящик письменного стола, иногда чую, как оно там в темноте золотится. И начинаю концентрироваться, и будто во мне стрелка, на Антарктиду направленная, подрагивает, просто мистика какая-то. Хороший Нинпална человек, с ней хочется обо всем поговорить. Только зачем это дурацкое сочинение про семью задала?

Что писать-то?

Что у меня самая большая радость в этом году — золотое яйцо, а у Анюты всякие там «чеготы»? Ага, щаз!

Еще чего не хватало — про «чеготы»!

Анюта долго в этом учебном году со своей спиной мучилась. И в больнице лежала, и дома. Не выпуская айпада из рук. Вначале пыталась отыскать Лерика с его обезьяной в соцсетях и вообще хоть где-нибудь отыскать, но у нее ничегошеньки не получилось. Может, он не из Казани, а из Кемерово или другого какого-то города — Анюта легко могла перепутать. А может, у Лерика другое сценическое имя.

В общем, с января она уже его не искала, а с другими парнями в соцсетях переписывалась и болтала по скайпу.

С одним парнем, например, она в больнице познакомилась, он там, с челочкой до носа, от инфекции какой-то лечился. Анюта не говорит — от какой. В мозгах у него инфекция — слышал их «скайповую» ругань... Я бы не стал разговаривать с человеком, который тебя постоянно в предательстве подозревает. У этого с челочкой явно было чувство собственного «отстоинства». Он, по-моему, даже наслаждался этим своим отстоем. Однажды я услышал, как он гоготал с экрана компа: «А вот я какой крендель без тормозов — расходишь, задавлю!» Анюта потом мне сказала:

— Ладно, Максимка, надо же с чего-то начинать, — и добавила: — Чтобы различать, когда тебя по-настоящему поцеловали, а когда нет.

А я сказал:

— Вот именно — он «чегота» на «коготу» не тянет.

Ма не вовремя зашла в комнату...

— Хочешь, чтобы тебя целовали по-настоящему? Дождешься — попадешь куда следует, — предрекла Ма сестре. — Сама туда позвоню и вызову, чтобы забрали, до того, как с балкона выпрыгнешь.

(Продолжение смотрите на странице 41.)

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ | 6/2026

Большая перелетна

Сейчас или никогда

Что для вас значит бросить вызов судьбе? Просто быть оптимистом и верить в лучшее? Или, вопреки всему, бороться за свое успешное будущее? Вы когда-нибудь задумывались о том, как мы через страх и ошибки бросаем вызов судьбе?

«Я снова в деле! Ведь я бросаю вызов судьбе!» — эта фраза крутится в моей голове постоянно. Из этого и состоит моя активная творческая жизнь. В моем понимании бросить вызов судьбе — это значит преодолеть любой момент из своей жизни и верить в себя даже тогда, когда другие говорят: «Это невозможно. Даже не надейся ни на что». Думаю, что вся наша жизнь — это сплошной вызов судьбе.

Каждый раз, когда у меня что-то не получается и я на грани провала, возникает желание сразу же опустить руки. Но тут просыпается характер и я бросаю вызов судьбе.

Была у меня одна история... В 13 лет я очень хотела попасть в Образовательный центр «Сириус». Родители не отнеслись к моему желанию серьезно, потому что «Сириус» для нас всегда казался чем-то невозможным. Ведь туда берут очень талантливых и гениальных детей. Да, у меня было много публикаций и достижений, положительных рекомендаций, но все понимали, что попасть в Центр практически нереально. Однако я не отчаивалась, продолжала работать и верить в себя и свою мечту. И в результате три раза побывала в ВДЦ «Орленок», поступила в ШЮЖ и приняла участие во

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ «ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДЫ»!

Мы рады получать от вас послания, в которых вы пишете обо всем, что вас волнует, радует, вдохновляет! Страницы «Путеводки» всегда открыты для умных размышлений, поиска, желания сделать жизнь интересней и лучше.

**Идем ваших писем по адресу:
pzv@detfond.org**

**Я снова
в деле!
Ведь я
бросаю
вызов
судьбе!**

многих мероприятиях и конкурсах.

Иногда бросать вызов судьбе приходится и в школе — особенно в экзаменационные учебные годы. В 9 классе я перестала верить, что сдам все экзамены и без труда попаду в 10 класс. В тот момент практически каждый день приходилось сомневаться в своих возможностях. Для сдачи ОГЭ я выбрала историю и литературу. Больше всего энергии и сил я потратила на подготовку к истории.

Для любого начинающего журналиста важно хорошо разбираться в истории — я это понимала. Но как же запомнить такое огромное количество информации, если никогда не любила этот предмет? Я взяла себя в руки и стала готовиться так, чтобы не попасть на пересдачу. Я смогла справиться с этим тяжелым периодом своей жизни, все успешно сдала.

Мне очень нравятся фразы Андрея Штольца из произведения И. А. Гончарова «Обломов»: «Сейчас или никогда», «Если не попробую сейчас, то, возможно, потом пожалею», «Кто знает, может, это сейчас не получилось, а потом получится».

Пусть и со страхом, но я все равно бросаю вызов судьбе и иду дальше.

**Вера ЖЕГУЛЬСКАЯ, 16 лет,
г. Королев**

Лес, в который стоит сбежать

Если вы хотите на несколько часов отказаться от Интернета и телефона, сбежать в полесскую глушь и очутиться вдали от цивилизации, прочтите повесть А. И. Куприна «Олеся». Если вы убеждены, что настоящая магия существует, чувствуете себя не от мира сего и верите в искреннюю любовь, тогда эта книга для вас.

Сначала кажется, что это обычное классическое произведение про любовь: молодой барин приезжает по делам в глухую деревню и от скуки знакомится с девушкой, живущей в лесу. Олеся оказывается настоящей ведьмой, которую боится вся округа, но у Ивана Тимофеевича получается с первой встречи

разглядеть в ней удивительную красоту и природный ум. Однако за границей леса живет деревня со своими жестокими законами, убеждениями и людьми, больше похожими на кровожадных зверей. Они не прощают девушке ее необычные черты, непохожее на других мышление, незнакомые им взгляды. И пока между главными героями появляются теплые, нежные чувства, совсем рядом разгораются ненависть и злость.

Верите ли вы, что искренняя любовь сильнее любых предрассудков? Задавались ли вы когда-нибудь вопросом, что выбрать: рискованную любовь или спокойное существование? Если да, то вам стоит открыть эту книгу. Ведь запах полесского леса, спокойное чириканье птиц, чистая

любовь и вид одиноких красных бус точно смогут дать ответ.

Анастасия ШАЛЫГИНА, 17 лет,
Челябинская область

Штольц или Обломов?.. Штольц!

Недавно я прочитала роман И. А. Гончарова «Обломов» и задумалась: насколько актуальны в современном мире характеры его героев? А также я решила порассуждать о том, на кого же я больше похожа – на Илью Обломова или на Андрея Штольца.

Как известно, «обломовщина» – это апатия, бездействие, отсутствие интереса к жизни и общению, инфантильность. В современном мире таких людей довольно много, потому что сейчас родители слишком много делают для своих детей, буквально защищают их от жизни. Такие дети становятся инфантильными и ленивыми, они не способны к самостоятельному решению своих проблем, потому что за них всегда все делали другие.

Я думаю, родителям надо всегда держать в памяти образ Обломова, чтобы не навредить своим детям!

Ну а кого же во мне больше – Обломова или Штольца? Думаю, Андрея Штольца во мне больше, потому что я очень активный, деятельный и энергичный человек. Я люблю встречи, мероприятия, разнообразные дела, и смею надеяться, что не проживаю свою жизнь впустую.

Несмотря на то, что я больше похожа на Штольца, черты Ильи Обломова во мне тоже есть. Иногда мне бывает лень сделать что-то по-настоящему для меня

важное, и это важное дело откладывается на неопределенный срок...

Мария НОВОЖИЛОВА, 16 лет,
читательница библиотеки № 225
им. М. Н. Задорнова

Когда наступают выходные...

Выходные я люблю кататься на коньках. Раньше я ходила на каток, и мне там нравилось. Иногда я, конечно, падала, и не знала сначала, что делать. А теперь я знаю, как кататься! Мне нравится скользить по льду, как тюлень или как пингвин. Они ведь тоже любят лед!

А по утрам, когда нам не надо рано вставать, я люблю обнимать папу за живот. Когда он спит, его живот похож на мягкую подушечку! Еще можно немножко побить брата. Ну только, конечно, когда он сам мне это предлагает! И тогда мы устраиваем воскресный бой!

Еще в выходные я люблю спать и пропускать то завтрак, то обед. И люблю лопать японскую лапшу, только чтоб она была без острых посыпок, а потом смотреть по телевизору про Мику. Это девочка из японского мультфильма. Она очень популярная и у нее длинные голубые волосы. И мне очень нравится ее костюм и галстук. А если мне становится скучно, я почему-то начинаю жевать несъедобные предметы – или ручку, или резинку. Ну а вечером я люблю смотреть ужастики! Мне нравятся истории, которые там происходят!

Вера ЛИТВИНОВА, 10 лет,
ученица ГБОУ г. Москвы
«Школа № 1286»

Экзамен на прочность: как пережить ЕГЭ?

На вопросы наших читателей
отвечает журналист
Любовь КОЖЕВНИКОВА

Здравствуй, Артем! Конечно, тебя можно понять. ЕГЭ и последующее объявление результатов – это действительно очень важный рубеж. Не тебе одному кажется, что висящее в воздухе напряжение невозможно выдержать.

“

В этом году я сдал ЕГЭ и жду результатов. Я и моя семья не находим себе места. Ведь если я не наберу нужных баллов и не поступлю в тот вуз, в который хотел, моя жизнь разрушится. Я не знаю, что делать, если это случится. Как мне перестать паниковать и найти выход из ситуации?

Артем, 16 лет

Многие выпускники, как и ты, чувствуют ужас перед тем, что ожидания могут не оправдаться. И многим, так же, как и тебе, кажется, что если они не наберут нужных баллов, то жизнь разрушится.

Ты такой не один. Не ты первый, не ты последний, кто проходил через это ощущение «рухнувшего мира», и все в свой черед убедились, что на самом деле ничего не рухнуло. Успокоить себя и семью, разумеется, можно и нужно, но для этого нужен взрослый подход

к ситуации. Психологами доказано, что родители так сильно волнуются потому, что зачастую проецируют на детей свои страхи. Если ты покажешь, что ты взрослый человек и готов к любому исходу, то это значительно успокоит и тебя, и родителей. А для этого нужен план «Б». И вообще, как говорится, если план «А» не сработал, то у тебя есть еще тридцать две буквы.

Паника – это страх перед неизвестностью. Поэтому психологи рекомендуют составить список, что ты будешь делать, если баллов не хватит.

“ Паника – это страх перед неизвестностью. Поэтому психологи рекомендуют составить список, что ты будешь делать, если баллов не хватит ”

Поступление в другой вуз? Год для подготовки? Работа? Когда есть план, страх отступает. Жизнь не заканчивается 1 июля. Жизнь после ЕГЭ есть.

Попробуй найти компромисс с самим собой. Объясни себе (и родителям), что ты будешь действовать по ситуации. Познакомь семью с твоими планами на будущее, даже если они кажутся сейчас туманными. Пусть мама с папой убедятся, что у тебя есть голова на плечах и ты не собираешься опускать руки. Как знать, может быть, другой вариант окажется даже лучше?

Может быть, именно в другом вузе ты найдешь замечательных преподавателей и отличных друзей на всю жизнь, раскроешь в себе новые способности и окончательно убедишься в том, чем хотел бы заниматься? Ну а если нет, то кто тебе мешает как следует подготовиться и попробовать на следующий год?

Можно проложить дорогу к выбранной профессии через смежные специальности. Некоторые новые отрасли, к примеру, айти, развиваются настолько быстро, что образование просто не успевает за ними. Поэтому выпускникам приходится постоянно пере-квалифицироваться. Но существует хороший вари-

ант – пойти в математический, физический или инженерный вуз, где конкурс меньше, а бюджетных мест больше, и через этот трамплин проложить себе путь в сферу информационных технологий. Такой путь прошли многие успешные айтишники.

А иногда бывает и так, что выбранный вуз оказывается совсем не твоей мечтой. Что ж, никогда не поздно прислушаться к себе, ведь иногда якобы «провал» становится началом настоящего пути. Есть множество реальных примеров, когда студенты уходили аж с четвертого курса, чтобы поменять, к примеру, техническую специальность на актерскую!

Жизнь – это не только вуз и диплом. В жизни есть множество самых разнообразных способов, чтобы реализовать свои мечты. А результаты ЕГЭ – это не приговор, это лишь один из этапов большого пути.

Психологи отмечают, что подростки склонны к «катастрофизации»: мол, если не поступлю, то все пропало. Но жизнь доказывает, что это не так. В психологической практике сотни историй, когда те, чьи планы менялись в последний момент, становились весьма успешными людьми. Главное – помнить, что человеческая ценность не измеряется баллами, и никогда не ставить на себе крест.

“ Никогда не поздно прислушаться к себе, ведь иногда якобы «провал» становится началом настоящего пути. Есть множество реальных примеров, когда студенты уходили аж с четвертого курса, чтобы поменять, к примеру, техническую специальность на актерскую! ”

Если самому все-таки не получается справиться со стрессом, нет ничего зазорного в том, чтобы попросить о поддержке. Единый общероссийский телефон доверия для детей, подростков и их родителей 8 800 2000 122.

А ВЫ

это знали?

1 Смех уменьшает уровень гормонов стресса и укрепляет иммунную систему. Шестилетние дети **смеются в среднем 300 раз в день**. Взрослый человек от 15 до 100 раз в день.

2 За границей все уверены, что **Чебурашка – это ОНА**.

3 Во сне **дельфины закрывают только один глаз**. У них всегда работает одно полушарие мозга, отвечающее за то, чтобы они не утонули.

4 В **хвосте кошки** содержится почти 10 процентов от всех костей в ее теле.

5 Слово **«астронавт»** произошло от греческих слов, которые означают «звезда» и «моряк».

6 Колибри — **единственная птица**, которая может летать задом наперед.

7 Для **точного поддержания баланса** и аэродинамических свойств орел при выпадении пера из одного крыла теряет такое же перо из другого крыла.

8 Нильский **крокодил может задерживать дыхание** под водой до 2 часов в ожидании добычи.

9 Самый **распространенный язык** – китайский. А второй по распространенности – испанский. Английский – на третьем месте.

10 Чтобы **приготовить яичницу на тротуаре**, нужно, чтобы тротуар нагрелся до 70°C.

11 Группа медуз называется **не стаей**, не косяком и не стадом. Она называется **смаком**.

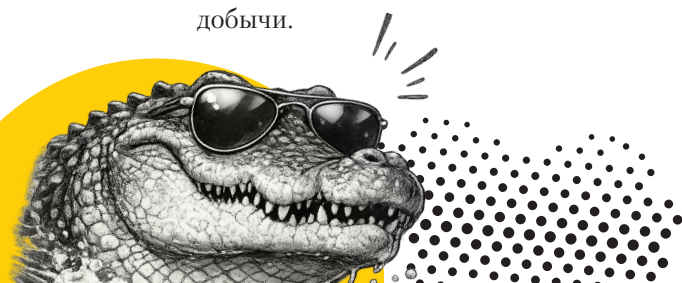
12 По данным Института Франклина **общая длина кровеносных сосудов человеческого тела** составляет около 100 тысяч километров, что более чем в два раза превышает длину экватора Земли.

13 **Петухи не смогут кукарекать**, если не смогут двигать своей шеей.

14 Золота Земли хватит, чтобы **покрыть всю поверхность планеты слоем в 33 сантиметра**. Однако большая часть драгоценного металла находится в геосфере, внутреннем жидком ядре Земли.

15 Кенгуру могут покрывать **более 12 метров в прыжке**.

16 По статистике, **немецкие овчарки кусали**, больше людей, чем все остальные собаки.

Сразу же с первых сцен зацепился за фразу «...ростом только в три вершка...». «Вершок? — подумал я. — Это что, как сантиметр?» Пришлось обратиться к справочникам.

Оказалось, вершок — старинная мера длины, примерно 4,4 см. Значит, Конек был совсем крошечным, чуть больше ладони! Это сразу сделало его для меня еще более трогательным и удивительным. Потом прозвучало: «...с аршинными ушами». Опять незнакомое слово! Аршин, выяснилось, — это около 71 см. Представил уши длиной с мою руку — и рассмеялся. Теперь понятно, почему Конек выглядел таким забавным и немного нелепым!

В сцене, где Иван идет караулить поле, он надевает «малахай». Я вообразил что-то вроде плаща или накидки, но когда нашел картинку, удивился: малахай — это просторная, длинная одежда без пояса, похожая на халат. В ней удобно работать, она греет

Вы внимательно смотрели фильм? Услышали слово «сусек»? Иван прячет в него зерно. Я представил темный угол в амбаре, отгороженный досками, где хранится самое ценное — хлеб. Сусек оказался не просто «ящиком», а символом достатка.

В другой сцене Иван говорит: «Смекнул». Звучит коротко, твердо. Я поискал значение: «понял», «догадался». Но «смекнул» — это

вы, конечно, уже познакомились с современной экранизацией сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунчик». Меня впечатлили яркие краски, динамика сюжета, спецэффекты! Но кое-что меня сильно удивило: герои то и дело произносили слова, которых я ни разу не слышал в обычной жизни. Они звучали странно, будто на другом языке, и я решил: мне их надо разгадать!

СМЕКАТЬ НАДО!

не просто понял. В этом слове есть что-то про смекалку, про житейскую мудрость, про умение быстро схватить суть.

Сначала эти слова казались мне помехой: я отвлекался, пытался угадать значение, иногда просил

маму объяснить. Но потом я понял: именно они делают сказку живой. ВПОДБОР следующее предложение! Через «малахай», «сусек», «аршин» я увидел не абстрактную деревню, а настоящий крестьянский быт. Некоторые слова передавали характер: «смекнул», «пенять». Так говорил герой, который привык думать быстро и говорить прямо. Услышал я и слова, которые связывали времена: я понял, что сказка написана давно, и каждое слово — как окошко в прошлое.

К концу фильма я уже не раздражался из-за «непоняток». Наоборот — радовался каждой новой загадке. Потому что эти слова — не «устаревшие», а волшебные. Они не мешают, а помогают. Они делают сказку не просто историей про чудоконьку, а рассказом о людях, которые жили, трудились, любили и говорили на своем особом, теплом, образном языке.

Теперь я знаю: чтобы по-настоящему понять «Конька-Горбунка», нужно не просто смотреть фильм, а вслушиваться в слова. Ведь каждое из них — как маленький клад. И когда ты его находишь, сказка становится еще чудеснее.

Артемий ШАДРИН, 8 лет,
Семейный центр досуга
и развития «АкадемГородок»,
г. Москва

МОРЕ, СОЛНЦЕ, КРУГ

Летом мы всей семьей поехали на море. Как я и мечтала, мне купили надувной круг для плавания. Он был похож на большой пончик. Мы надули круг и сразу же пошли купаться, а на следующий день круг был «прокушен» крышкой багажника: мой старший брат в самом прямом смысле понял слова кого-то из взрослых, что в багажник нужно все затолкать. Круг оказался последним из заталкиваемых предметов, не влез в него и был продырявлен при первой попытке закрыть машину.

В качестве компенсации сильнейшего морального ущерба мне срочно купили новый. Судьба этого круга была более длинная, но очень насыщенная. В первый день надувной жизни второго пончика мы пошли с ним плавать. На море

были волны и ветер. Как мы все не старались – круг от нас уплыл. Я тут же устремилась за ним. Но догнать его было очень сложно. Круг быстро добрался до берега. «Сейчас его вынесет на берег, и я там его схвачу», – подумала я, уже выбираясь из воды. Но как я ошибалась! От соприкосновения с сушей круг вдруг принял вертикальное положение и превратился в колесо! Он лихо помчался прочь от моря, прокатился через весь пляж, пересек автодорогу и пытался скрыться от меня за оградой домов. Я изо всех сил бежала за ним. А моя мама бежала с тапками за мной – ведь на берегу есть колючки!

Беглец остановился посередине небольшой холмистой поляны между отелем и красивой виллой. Несмотря на то, что возвышен-

ность, придержавшая круг, была покрыта колючими растениями, какими-то чудными кактусами и травой с шипами, круг не пострадал.

Прошла неделя. Каждый день мы купались с кругом, и все было хорошо. Мы уже стали думать, что круг стал ручной и больше не сбежит. Но снова на море был ветер, уже в другом направлении. Мы играли в воде вместе с друзьями, придумывая разные способы плавания с кругом, а он неожиданно схитрил, выскользнул от нас и устремился в синеву открытого моря. Мы не в силах были остановить его и только помахали вслед.

Возможно, он и сейчас плавает где-то...

Аня КРЫЛОВА, г. Москва

МОЙ ПЕРВЫЙ ХАРИУС

С раннего детства я любил посидеть с поплавочной удочкой на берегах Шилки, Киюшки, Котлованов, Кривой и, конечно, Торги. Улов был разнообразным. Попадались караси, пескари, голяны, чебаки, ротаны, сомы и ленки.

Вот только хариуса на Торге поймать все не получалось.

Эта хищная рыба всегда обманывала меня, какую бы приманку не использовал, как бы ее не подсекал. В качестве наживки у меня были мухи, оводы, изредка дождевые черви. Хариус хватал их практически налету, порой даже выпрыгивая из воды. По этой причине не использовалось грузило.

Леска с крючком спокойно плыла по кристально чистой глади, пока ее покой не нарушал очередной местный обитатель. На перекатах было, конечно, сложнее отследить, приходилось не выпускать удилице из рук, чтобы почувствовать клев.

И вот в один прекрасный день я снова оказался на камнях возле плеса и говорливого переката.

Тогда рыба срывалась или я опять не успевал подсечь. На крючке красовались лишь пескари да голяны. Но, не теряя надежды, я все закидывал и закидывал удочку, хотя родители и звали обедать. Вдруг началась очередная поклевка, рука потянула к берегу долгожданного хариуса. Наконец-то! Он извивался в полете

и в конечном итоге упал возле камней, держа в пасти часть овода. В этот миг я бросил леску и, схватив его голыми руками, побежал к маме с папой показывать красавца.

Брюшко у него было светлое, а сам темный, как ночь. Сантиметров пятнадцать в длину точно.

Улыбка не сходила с моего лица, родные меня хвалили, а мама все жалела рыбку, что она поймана, что не сорвалась.

Больше в тот летний день хариусы, к сожалению, не ловились.

Теперь наступил новый сезон. В Забайкалье пришло прохладное, но все-таки лето. Так что обязательно попытаю удачу снова.

Андрей ШУТОВ,

Тайна фиалок

Забайкальский край
Стояла ночь. В лесу, на поляне, виднелись два силуэта. Это были парень лет пятнадцати, одетый в легкий оранжевый свитер, и девочка того же возраста в синем платье, ее черные волосы были аккуратно уложены. Парень и девочка пели.

Повсюду цвели ночные фиалки. Все было спокойно. Только мелодичное пение подростков нарушало тишину.

Вдруг парень резко прервал свое пение. Девочка тоже замолчала. Они с удивлением смотрели на фиалки, которые вдруг засветились таинственным пурпурным сиянием. Их головки медленно покачивались, хотя ночь была безветренной и ни одна другая травинка не колыбалась.

– Получилось?! – воскликнула девочка.

– Подожди, еще рано радоваться, – остановил ее мальчик. – Тайна фиалок не так проста, как многим думается.

Фиалки начали медленно вращать свои распустившиеся бутоны по кругу. Вдруг, они замерли и смежили лепестки.

– Сегодня нам снова не удалось узнать тайну, – обиженно буркнула девочка.

– Леся, ты же знаешь, что раскрыть тайну фиалок очень сложно, – сказал Степа. – Это удастся только тому, кто станет настоящим мастером своего искусства. Мы и так сегодня приблизились к раскрытию тайны ближе, чем когда-либо. Ты поняла, да, ты поняла? Надо стремиться к тому, чтобы искусство завораживало

слушателя! Фиалки засветились, потому что нам удалось их заворожить. Мы на правильном пути.

– Эх, – вздохнула Леся. И обиженно пробурчала: – Ну почему нет учебника, в котором бы четко и ясно было написано: чтобы ваше искусство стало идеальным и выполняло свое истинное предназначение, делайте то-то и то-то.

– Ключ к духовному совершенству искусства, который могут дать только эти фиалки, так же, как и талант, уникален. У каждого свой, непохожий на других дар, и у каждого свой ключ, – напомнил Степа.

– А что, если мы никогда не узнаем тайну этих фиалок? Что, если наше искусство останется на уровне примитивного? – спросила девочка, пытаясь скрыть разочарование в голосе.

Степа улыбнулся, но в его глазах мелькнула тень сомнения. Он медленно подошел к одной из фиалок и провел рукой по ее лепесткам. Цветок вздрогнул, словно почувствовав прикосновение, и на мгновение распустил свои лепестки, но затем снова закрыл их.

– Леся, тайна фиалок – это не просто знание. Все об этом говорят, – продолжал Степа. – Это путь, который каждый должен пройти сам. Мы можем пытаться искать истину сколько угодно, но секрет откроется только тому, кто готов к этому, кто сам почти достиг высоты. Чтобы взобраться на вершину горы – нужно быть хорошо натренированным. В искусстве так же. Нужно достичь внутреннего определенного состояния души, соединиться с неосознаваемым

совершенством – лишь тогда наше искусство превратится во что-то стоящее.

– Но что мы делаем не так?! – возмутилась Леся.

– Искусство – это не ремесло, – напомнил Степа. – Его уникальность не в том, что оно соответствует определенным канонам, что нет ни одной фальшивой ноты, ни одного лексического повтора или стилистической неточности, не в том, что все краски гармонируют. Все это еще не искусство. Оно сложнее.

– И что же это значит? – спросила Леся, нахмурившись. – Что, мы должны просто ждать, пока однажды поймем все?

Степа задумчиво посмотрел на нее. Он некоторое время молчал.

– Нет, Леся. Мы должны продолжать искать, учиться и совершенствоваться. Только так мы сможем приблизиться к истине. Но главное – не терять себя в этом поиске.

– Хм, философ, – хмыкнула Леся, но все же задумалась над его словами.

Она понимала, что слова ее друга справедливы. Они со Степой действительно многому научились, пытаясь разгадать тайну фиалок. Но иногда ей казалось, что они просто топчутся на месте.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Продолжим наши поиски. Но на этот раз давай попробуем поодиночке.

– Пробуй, – нехотя согласился Степа.

Леся закрыла глаза и сосредоточилась на своих чувствах. Она ощущала, как ночная тишина об-

волакивает ее, освобождая сознание от повседневных суетных мыслей.

«Только через испытания можно найти свой истинный путь», — прошептала Леся и закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Она испытывала волнение перед неизвестностью и непреодолимое желание наконец-то разгадать тайну фиалок, которое усиливалось от ночной прохлады, пропитанной загадочным ароматом таинственных цветов. Страх перед очередной неудачей боролся с жаждой познания тайны, не позволяя Лесе наконец решиться на очередную попытку. Но тишина ночи постепенно наполняла сознание ясностью, помогая освободиться от сомнений и неуверенности и полностью войти в чистый поток творчества.

И вдруг Леся вспомнила родную деревню, родительский дом, где она жила до того, как ее вместе с другими одаренными детьми забрали в Край фиалок. Она тосковала по родным. Леся вспомнила о печальном известии, которое получила недавно. Ее словно кольнула в сердце невидимая иголка. Она потеряла своего дедушку, который так верил в ее талант, так поддерживал ее. Леся вспомнила моменты из детства, когда сидела на коленях у дедушки, обняв его, а острая борода щекотала ее щеки. Она ощутила тепло его рук, словно он снова стоял позади нее, обняв за плечи, услышала низкий голос, рассказывающий старинные сказки и легенды, полные невиданных чудес. Вспомнила, как дедушка впервые отвел ее в оперу. Музыка наполнила зал, проникая глубоко, в самую душу, заставляя трепетать каждую клеточку тела Леси. Она завороченно смотрела на сцену, пораженная красо-

той декораций, костюмов и голосов певцов. Их голоса звучали чисто и мощно, они были частью Красоты, которая вечно живет в этом мире. Леся вспомнила, как спросила у дедушки, что нужно, чтобы научиться завораживать людей музыкой, и услышала поразительно простой, как ей тогда показалось, ответ: «Нужно разгадать тайну фиалок».

Сейчас слезы тихо скатились по ее щекам, оставляя влажные следы, поблескивающие в свете луны. Но вместе с грустью пришло осознание, что именно дедушка научил ее верить в себя, несмотря ни на что.

Глубоко вдохнув, Леся запела «Un bel di vedremo»¹.

Когда она пела, то не думала ни о чем: ни про тайну фиалок, ни про Степу, ни про то, как она поет. Леся словно слилась воедино с музыкой, оставив все остальное позади себя, где-то далеко внизу. Ее голос свободно парил над лесом, наполняя воздух верой и надеждой. Внутри нее рождались новые ощущения — легкость, свобода, гармония. Леся почувствовала себя по-настоящему живой, и музыка была продолжением ее души...

Степа был заморожен необычайным пением Леси. Он не понимал и даже не хотел задумываться о этом, что именно происходит, но ее пение заморозило его. Степа чувствовал, как пение пронизывает его насквозь, словно очищая от невидимой ржавчины и возвращая в исходное состояние какого-то идеала.

Леся допела арию и почувствовала, что вокруг все изменилось. Все было каким-то другим. Открыв глаза, она увидела, что фиалки светятся мягким голубоватым светом. Цветы медленно раскрыли свои бутоны, из них вы-

рвались крошечные искорки и закружились, словно танцуя, вокруг Леси.

— Что это? — удивленно спросила она.

— Я не знаю, — прошептал Степа.

Искорки начали собираться в одно целое, образуя светящийся шар, который медленно поднимался в небо. Леся и Степа стояли, замороженные этим зрелищем. Шар поднимался все выше и выше, пока не растворился в ночном небе, оставив после себя в воздухе лишь легкий аромат фиалок.

— Это... это было невероятно, — прошептала Леся, все еще не веря в то, что только что произошло.

— Да, — согласился Степа. — Ты открыла для себя тайну фиалок. Теперь мы убедились, что она действительно существует, что это не вымыслы, которые укоренились в среде творческих людей.

«Так вот в чем, оказывается, была сокрыта тайна, — подумала Леся. — Истинное искусство рождается из глубокого единения души художника с природой и миром, проявляясь не столько в мастерстве, сколько в глубине переживания и искренней передаче чувств».

Леся еще раз взглянула на фиалки.

«Жаль, что Степа не смог открыть эту тайну, — подумала она. — Если бы он разгадал ее, — это порадовало бы меня даже больше».

Артем ОРЛОВ,
г. Москва

Примечания:

¹ «Un bel di vedremo» — «Однажды мы увидим прекрасный день», название арии из оперы «Мадам Баттерфляй» (1904) Джакомо

Как сказал Николай Карамзин

История в некотором смысле есть священная книга народов...

Высказывание из книги
Н. М. Карамзина «История
государства Российского»
(1803 – 1826)

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Метафора, представляющая историю как книгу, подчёркивает значение истории для нации.

О роли изучения жизни страны и народа.

И крестьянки любить умеют!

Фраза из повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»
(1792)

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вёл всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наёмника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаём, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти

Николай Михайлович
Карамзин
(1766–1826)

беспрестанно проливая слёзы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать.

Замечание Карамзина, вплетённое в ткань повествования, становится основной идеей произведения, утверждающей главенство чувств над социальным положением человека.

Используется в качестве характеристики человека, способного испытывать сильные чувства.

Сердце красной девушки есть удивительная вещь: чем оно довольно ныне, тем недовольно завтра...

Афоризм из повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792)

Но сердце красной девушки есть удивительная вещь: чем

оно довольно ныне, тем недовольно завтра — всё более и более, и желаниям конца нет. Таким образом, и Наталье показалось уже мало того, чтобы смотреть на прекрасного незнакомца и видеть нежность в глазах его; ей захотелось слышать его голос, взять его за руку, быть поближе к его сердцу и проч. Что делать? Как быть? Такие желания исполнить трудно, а когда они не исполняются, красавице бывает грустно, — Наталья опять принялась за слёзы.

Желание девушек непостоянно так же, как и настроение.

О женских капризах.

Всё народное ничто перед человеческим.

Суждение из «Писем русского путешественника»
Н. М. Карамзина (1790)

Все народное ничто перед человеческим. Главное дело — быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то моё, ибо я человек!

Человек не готов смириться со своими недостойными мыслями.

Используется в ситуации самобичевания.

Подготовил
Алексей ДУНЕВ,

Древний город на Ламе

Первое, что бросается в глаза, когда оказываешься здесь, — большая выложенная камнем надпись на крутом склоне холма: «Волоколамск 1135 г.». Местные жители явно гордятся тем, что их город впервые упоминается в летописях на двенадцать лет раньше Москвы.

Городок этот на северо-западной окраине Подмосковья живет тихой размеренной жизнью: аккуратные деревянные домики с заросшими садами, симпатичные соборы и церквушки, живописный кремль на древнем холме. Река, на которой стоит Волоколамск, похожа на ручей, среди густой травы ее не сразу разглядишь; трудно представить, что по ней могли плавать речные суда. Однако ж, как подтверждают исторические документы, когда-то успешно плавали: с этим связаны и возникновение города, и кровавые битвы на его рубежах.

Ось Восточной Европы

Первые люди (ученые именуют их представителями дьяковской культуры) поселились в этих местах задолго до новой эры. Примерно тысячу лет назад сюда пришли славяне — вятичи, кривичи и новгородские словене. В одиннадцатом веке тут уже вовсю кипела жизнь, что было связано с развитием судоходства и торговли. По волоку, участку суши между реками Ламой и Волошней, волокли с помощью катков и канатов ладьи, челны и ушкуи от одного водоема к другому. А дальше по Рузе, Шоше, Москве-реке, Оке и Волге можно было проплыть аж до Балтики и до Каспия. Маршрут этот был частью знаменитого пути «из варяг в греки», который в X–XIII веках стал осью, связывающей север и юг Восточной Европы.

Расплачиваться за удачное местоположение городу приходилось не раз. Сюда приводили войска монгольский полководец Батый (Батый) и крымский хан Мехмет-Герай, да и русские князья не раз дрались за право владения этим местом, опустошая и разоряя его. Зато в 1380 году на Куликовом поле волоцкая рать разделила триумф общерусской победы над Ордой. Через два года у стен Волока был разбит отряд хана Тохтамыша. А в 1370 году отсюда после безуспешной осады «удалился с досадою» литовский князь Ольгерд.

В 1462 году Волок Ламский унаследовал сын великого князя Василия Темного Борис, ставший князем Волоцким. При нем здесь построили пять монастырей, белокаменный Воскресенский собор и кремль, который не раз спасал жителей от внешних врагов. Постепенно город разросся. Однако к началу прошлого века бывший центр удельного княжества оказался на периферии больших исторических событий и выглядел обычным уездным городком.

Колокола Волоколамска

В ту пору предметом гордости здешних жителей были колокола. На семи холмах стоит город, и на всех раньше были храмы. Каждый имел свой голос. И ни один колокол не мог сравниться с большим колоколом Воскресенского собора.

— Весил он пятьсот пудов. Чтобы ударить в него, два каната толщиной в руку раскачивали! — рассказывала мне Елена Михайловна Троицкая, которая всю свою долгую жизнь прожила возле того собора. И в глубокой старости помнила она звук большого колокола: разгульный, полетный, он уходил за горизонт...

...Колокола сбросили в 1930-м, когда государство стало активно бороться с религией. Вскоре в записных книжках писателя Ильи Ильфа появилось словечко «Колоколамск»: «Колоколамск украшается статуями», «Это был такой город, что в нем стояла конная статуя профессора Тимирязева». «Культипоход в Колоколамске, или Как 1000 грамотных обучали одного неграмотного». Слово это, вероятно, воплощало для литератора идиотизм

провинциальной жизни. Но ни в одной из его книг оно все же не появилось. Видно, у него рука не поднялась унижать и без того униженный город. Храмы в ту пору обретали новых хозяев или разрушались. Переименовывались улицы. Теряли нарядный декор здания. Статуи, которые появились здесь в то время — бетонные символические фигуры, олицетворявшие оптимизм и целеустремленность строителей нового общества, —

имели мало общего с Волоколамском и его жителями. И город вроде бы остался тот же — однако ж и не тот: словно в тусклом кривом зеркале отраженный...

В поисках утраченного

К счастью, в последние полвека жизнь Волоколамска повернулась в иную сторону. Тому, кто приедет сюда сейчас, он откроется в образе города, множеством нитей связанного с историей Отечества.

На колокольню Воскресенского храма вновь подняли колокола. Кремль теперь имеет статус охраняемого памятника архитектуры. На кремлевском холме рядом с Воскресенским собором XV столетия стоит Никольский, построенный в XIX веке по проекту Константина Тона. Разные по времени строительства, они прекрасно смотрятся вместе и дополняют друг друга. И что немаловажно, оба собора тщательно отреставрированы. Здесь же краеведческий музей, трогательный и содержательный, проникнутый любовью к здешней земле.

В основе его экспозиции — находки Волоколамской археологической экспедиции МГУ имени М. В. Ломоносова. На территории кремлевского холма археологи раскопали улицы XI–XII веков и больше дюжины построек того времени. Между бревенчатыми уличными настилами нашли украшения, хрустальные вкладки для перстней, посуду, металлические изделия XI века и другие вещи. Их тоже можно увидеть в музее, как и коллекцию обуви XII–XIII веков, найденной в волоколамской земле. Есть тут, например, женские туфли, расписанные орнаментом и украшенные разноцветными нитями. Рассматривая их, туристы часто спрашивают: «Почему же Русь называли лапотной?» Экскурсоводы объясняют: лапти действительно были, но их носили в сельской местности. В городах же предпочитали кожаную обувь,

потому что на деревянных мостовых лыко приходило в негодность за десять дней.

Во время раскопок обнаружили и княжеский топор XIV века с чеканом. По мнению историков, он принадлежал Владимиру Храброму, герою Куликовской битвы, тому самому, который после сражения нашел раненого Дмитрия Донского и оказал ему помощь. Спустя два года после Куликовской битвы Владимир Храбрый защищал Волок Ламский от ордынского хана Тохтамыша. Теперь его боевой топор занимает почетное место в музейной витрине, среди средневековых доспехов и оружия, помогавшего волоколамцам в ратных подвигах.

Слово митрополита

Благодаря усилиям здешних музейщиков, краеведов, библиотекарей, учителей, которые стараются возродить культурную среду, в городе появилось несколько интересных монументов, разительно отличающихся от прежних. Один из них — памятник митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму (Нечаеву) — упомяну особо. Хотя он и не передает, с моей точки зрения, в полной мере очарования личности этого монаха с огненным взором и летящей походкой, тем не менее появление его здесь — факт, о многом говорящий.

С этим интереснейшим человеком, которому были присущи красота и строгость, простота и достоинство, меня связывали долгие годы дружеских отношений. Он возглавлял издательский отдел Московской патриархии, изучал старинные книги, заново открывал для читателей историю и искусство церкви, многое сделал для восстановления храмов. Много раз видел я митрополита здесь, в Волоколамске, в разных ситуациях — в повседневной черной рясе, в сверкающем праздничном облачении и даже в обычной гражданской одежде — скромном

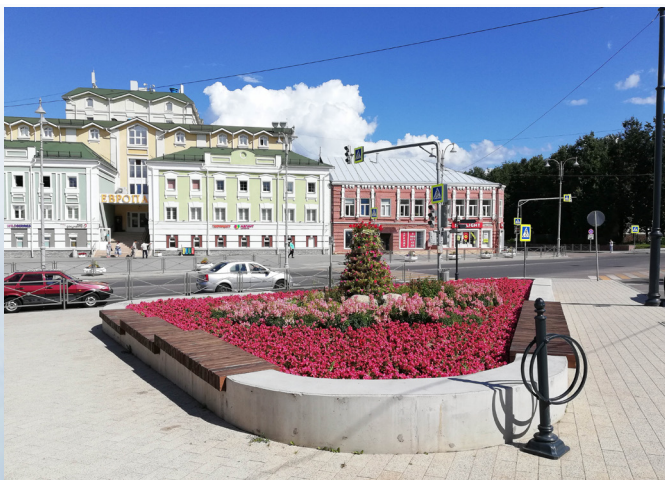

сером костюме. Именно в таком виде он как-то появился на заседании Совета депутатов здешнего муниципального округа. До сих пор вспоминаю его яркую речь.

«Волоколамск благодаря своему географическому положению появился, это обстоятельство может оказать ему хорошую услугу и сейчас, — напомнил Питирим. — Тут столько исторических памятников, что осмотреть их — едва ли хватит дня. Однако в окрестностях достопримечательностей куда больше. В семи километрах разъезд Дубосеково, где 28 воинов-панфиловцев остановили пятьдесят фашистских танков и два батальона пехоты. Недалеко деревня Кашино, где была пущена одна из первых в России электростанций. Рядом Ярополец, где расположены усадьба Гончаровых и дворец Чернышевых, который в XVIII веке называли русским Версалем. В шестнадцать километров — Иосифо-Волоцкий монастырь. Сам Бог велел тут быть первоклассному туристическому комплексу всероссийского масштаба!..»

Спустя несколько лет в Волоколамске открылся туристический центр «История места»: в нем можно получить массу интересной информации о прошлом города. Полагаю, недалек и тот день, когда появится туристический комплекс, о котором мечтал митрополит Питирим. Однако, замечу, целью своей программы он считал не бизнес, а развитие культуры и духовности. «Главная драгоценность — человек, которому надо помочь остаться человеком», — говорил Питирим. То, что происходило в Волоколамске при его участии, можно считать подтверждением этих слов. Не удивлюсь, если кто-то, оказавшись в Волоколамске и посмотрев на сегодняшние городские реалии, придет к этой мысли самостоятельно.

Илья МЕДОВОЙ
Фото автора

ЛАМПЕНКО И СОБАКА

– Где тетрадь, Лампенко? – строго спросила Валерия Вениаминовна.

– Собака съела! – вздохнул Саша.

Класс грохнул, кто-то даже со стула упал.

– Цирк не надо устраивать! Двойку поставить? – учительница стукнула по парте ладонью.

– Это правда, – удрученно сказал Саша.

– Ну-ка, ну-ка поведай нам эту печальную историю! – ехидно попросила учительница.

Саша встал и, приняв героическую позу, начал рассказывать:

– Темным, зимним утром я отправился в школу. Холодный ветер бил в лицо, как бы показывая, что мне нужно назад, в теплую постель.

– Лампочкин, ты доклевываешься! К сути!

– Ну ладно, ладно. Ввообще-то я Лампенко! – обиженно проговорил Саша. – К сути, так к сути. Я шел вопреки пурге, из-за бури ничего вокруг не видел. Казалось, я остался один в целом мире. И вдруг из вихря снега на меня выдвинулось что-то живое, огромное и мохнатое. Оно хищно облизывалось, и я подумал, что это медведь. А каждому образованному человеку ясно, что, если увидел медведя, надо прикинуться мертвым. И вот я, будучи образованным, – Саша кивнул учительнице, – упал в снег и затих. Медведь подошел ко

мне – и оказался большим бродячим псом. Он тыкал носом в мою куртку, обнюхивая. Приоткрыв глаза, я понял, что это овчарка. «Ууу, – думаю, – пропал – у овчарок нюх отличный, сразу учует, что я жив». Но почему-то вначале она набросилась на мой портфель. Она грызла его и рычала. Я так удивился, что не побоялся отобрать у нее портфель! Раскрыл его и показал содержимое собаке: «Там нет ничего интересного, видишь?» Но она не поверила и засунула свою башку в недра портфеля. Некоторое время оттуда доносилось довольное урчание, и наконец она вынырнула с добычей. Она достала... – тут Саша выдержал паузу, – тетрадь! «Это тетрадь по алгебре, понимаешь? Отдай!» – ласково сказал я псине. А она будто с ума сошла!

Саша встал на четвереньки и запрыгал по классу, изображая овчарку в ярости.

– Пес рвал, грыз, царапал и кусал тетрадку. Я отполз от взбесившейся псины подальше, и, вскочив на ноги, затопал и замахал руками, – Лампенко вскочил и, показывая, как он это делал, взревел: – «Пшла вон, скотина неразумная!»

– Лампенко, хватит! – закричала Валерия Вениаминовна и стукнула по столу так, что он треснул.

Но Сашу было не остановить.

– Вдруг псина опомнилась и, заскулив, скрылась в метели. Она исчезла так же внезапно, как и

появилась. На снегу валялись обрывки тетради, на них были видны цифры и мои плохие оценки! – трагическим голосом продолжал Саша. – Я упал на колени и возвел очи к небу: «О, небо, небо, за что же такая напасть?»

Саша стоял на коленях посреди класса и кричал, обращаясь к потолку.

– Так, всё, Лампенко! Отправляйся к директору! – скомандовала Валерия Вениаминовна.

Валерия Вениаминовна шла домой из школы, вспоминая события минувшего дня. Ах, как непросто с этим Лампенко! Недавно он всему классу рассказывал, что пил чай с инопланетянами, а две недели тому назад заявил, что летал к первобытным людям на машине времени и даже остался у них ночевать...

И вдруг на Валерию Вениаминовну надвинулось что-то большое и мохнатое. Она тут же вспомнила рассказ Лампенко, закричала от страха, бросила сумку с тетрадями в это нечто страхолюдинское и побежала прочь.

Бродячий пес по кличке Шарик озадаченно посмотрел ей вслед и принялся обнюхивать брошенную сумку. Эх! Среди тетрадей не нашлось вкусных бутербродов с колбасой, которыми сегодня утром ему удалось полакомиться.

**Иван ВАРАКИН, 13 лет,
школа «Рождество»,
Московская область**

*(Продолжение. Начало смотрите
на странице 24.)*

И тут же стала комод двигать, чтобы балкон забаррикадировать. Я еще раз попытался объяснить суть про тот самый дурацкий на свете балкон, ведь Анюта из-за меня с него свалилась... Но Ма двигала и двигала комод. Теперь в жару — хоть задохнись.

Анюта сидела сгорбившись, молчала все 32 минуты, которые и надо молчать. Ма ушла на работу, а мы продолжали с сестрой рядом сидеть, плечом к плечу.

— У несчастливых родителей разве могут быть счастливые дети? — вдруг спросила Анюта.

Я помолчал и сказал:

— Авантюрин между драконьей зеленью и болкатам.

— Надо тест ввести на «счастливость» для тех, кто собирается стать родителями, — сказала Анюта. — Если «счастливости» не обнаружили...

А я ее перебил:

— Авантюрин между драконьей зеленью и болкатам.

Сестра долго сидела не шевелясь, а потом все-таки поднялась и стала бродить по комнате, прищурившись, оглядывать все предметы.

И нашла темно-красный томик Стендаля между томом, густо-зеленым, Пушкина и черным томом Хемингуэя. У нас многие тома из «Всемирной библиотеки» без суперобложек, их еще давно Ма зачитала, суперобложки порвались, я несколько лет назад их собрал и убрал с глаз долой — так красивее. Сестра достала Стендаля, Пушкина и Хемингуэя и уже со смехом их мне вручила.

— А ты как думаешь: несчастливый человек может со временем стать счастливым? — спросил я.

А сестра улыбнулась:

— Аврора и жандарм. Теперь твоя очередь искать.

— 12 —

Если встать лицом к светильнику-блину, который висит у двери в нашей прихожке, вокруг зрачков вспыхивали электрические облучи. Глаза будто оскаливаются, делаются глазами бизона. В тот день, в мае, Ма ждала Анюту ужас-ужас сколько, и у Ма были именно такие глаза.

Ма не разрешает нам задерживаться и на

полчаса без предупреждения. Особенно Анюте. Ма специально прошла с секундомером весь путь от школы до нашей квартиры, и выяснилось, что на это требуется 26 минут и 38 секунд. «Это для вашей же безопасности», — заявила Ма, выключая секундомер в смартфоне.

В тот день, ну, в мае, Анюта опоздала на два часа.

Позвонила бы сестра нашей Ма, передала телефон учительнице, чтобы та сказала: «Весь класс задержала — готовимся к годовой контрольной», — и эта каша не заварилась бы. Но у Анюты разрядился телефон, а попросить позвонить у кого-нибудь из девочек сестра постеснялась. Они сразу бы вспомнили, что Ма закатывает «Великие Крики», об этом ведь все уже знают. Даже уборщицы в нашей школе — они прозвали Ма «артисткой-террористкой». Ведь Ма не может удержаться, чтобы не закатить скандал мне или Анюте, сразу как выйдет из учительской... Нам с Анютой легче умереть, чем кому-нибудь напомнить о «Великих Криках».

Вот, Анюта стояла в коридоре, согнувшись в три погибели. Когда Ма кричит, Анюта всегда сгибается в три погибели, сминается, как в кулаке бумажка. Будто совсем без позвоночника. Даже трудно понять, как это происходит.

— Где была, дрянь?

Бизоны выскакивали из Ма один за другим, наша квартирка уже разламывалась от их туш, они били во все стены копытами и рогами и при этом рычали без остановки.

В тот раз я не выгреб из-под лохм штучки-дрючки. Должен был все слышать, чтобы помочь сестре как-нибудь, если потребуется. Я чувствовал: может потребоваться.

— Звонила в учительскую — никто не ответил! — скрежетали бизоны.

Анюта не выдержала и пропищала своим дитяшеским голосом, что учительница была с ними в кабинете, разбирали самостоятельную. И тогда Ма схватила ее, втащила в нашу комнату и ткнула в листочек — нашла на столе, — весь исчерканный красным.

— Эта контрольная? Эта? И зачем я надрываюсь, плачу репетиторам? Я устала от тебя! Устала от вас от всех!

И в лицо Анюте — листочком. Потом Ма постаралась запихнуть его Анюте за шиворот, но это трудно сделать при Анютином росте.

— Мама, не надо, пожалуйста! Я есть хочу,

понимаешь, есть! Умираю от голода! — запричитала сестра. Конечно, она была голодной, после восьми-то уроков. И еще сестра прошептала со слезами: — Это уже дурдом какой-то!

И Ма стала поднимать телефонную трубку. С улыбкой. И медленно пальцем нажала на кнопку «0». И Анюта, конечно, испугалась. Она больше всего этого боялась... Ма сто раз ее предупреждала...

Анюта вырвала трубку у Ма и нажала на клавишу «3». И в трубке сразу ответили, и Аня вдруг закричала:

— Приезжайте! Срочно! Срочно!

Сестра ртом как-то странно начала делать, точно хотела откусить от воздуха. И жирафы глаза ее блестели и метались на белом лице. А потом она в меня взглядом уткнулась... и вдруг отчетливо сказала в трубку:

— Больная?

И смотрит на меня, смотрит.

Не было никакой Анюты, никакой комнаты не было, даже Ма не было. Только одни глаза сестры — белые, с ледяными слезами.

Тут я и подумал, что Анюта назовет имя Ма.

Даже Ма это поняла и стала смотреть на нее как заколдованная.

Я подумал, что, если сестра скажет, что больная — наша Ма, приезжайте за ней, заберите ее, все вокруг тут же сгорит и рассыплется.

Но Анюта спокойно так говорит:

— Анна Конечная, — говорит, — шестнадцать лет. — И четко, совсем спокойно продиктовала наш адрес.

А потом Анюта легла на кровать прямо в школьной юбке в клеточку и как уснула...

Я забрался в «гнездо» и стал бояться, что сейчас к нам придут врачи и примутся напирать на Анюту черную смиренную рубашку с длинными рукавами, какая была на Шурике в фильме «Кавказская пленница». Забинтуют мумией и унесут. Но у них с собой был пластмассовый чемоданчик, громоыхивающий, ничего другого, кроме банок-склянок, там быть не могло.

Врач наклонился и потряс Аню за плечо, чтобы она очнулась. На круглой лысине врача проступали капельки пота.

— Девочка, девочка-а-а! — он говорил не строго, как с маленькой.

Но впился в плечо сестры белыми, медицински чистыми пальцами. Аня потом сказала: «С такими не поспоришь». Он оторвал свои стерильные пиявки от Анюты, толь-

ко когда заполнял какие-то бланки. А Ма кивала ему, подсказывала:

— Перепады настроения... Навязчивые разговоры про смерть... Прямо через каждое слово... И не только ведь у нас разговоры...

И Ма повела глазами на стенку, на то место, где я комара угрохал — огромного. Розовое пятно до сих пор осталось и присохла его сломанная лапка. Только полный дурак мог поверить, что это след от порезанной, например, руки. Врач взглянул на комариную полинялую кровь и продолжил строчить. Ему, похоже, на все было плевать: что говорят — то и пишет, добрый такой.

Я вдруг подумал: ведь Ма могла отменить вызов. Позвонила бы и отменила, извинилась... И про комара Ма все помнила. Она очень испугалась этого комара. Огромного. Называла малярийным... Анюта никогда не думала резать себе палец или что-нибудь там еще...

Но пока я набирался сил разинуть рот, чтобы внести ясность про комара, врач начал выводить Анюту из комнаты. И тогда я заквакал в своем «гнезде», защелкал и зажужжал... Дельфины передают информацию друг другу свистом, а иногда щебечут, жужжат, пищат и даже квакают. Они могут говорить целыми предложениями, предложение за предложением. И я давно для нас с Аней разработал систему сигналов, она нам иногда просто позарез как нужна. Кваканье означает: «Потерпи 32 минуты! Да потерпи же!» Шмелиный «жжжжж-уу»: «Я тебе верю!»

Человеку никогда не повторить звук дельфина, но я постарался, как смог, разрабатывая систему «дельфиньих сигналов».

В тот дурацкий майский день я заквакал из своего «гнезда», защелкал, а потом зажужжал. Но это было не то, что требовалось, совсем не то.

И я свистнул: «Нюрка! Ты самая лучшая сестра на свете!»

Такого не было в нашем «дельфиньем словарице». Я на ходу придумал этот свист. Как-то особенно пронзительно получилось. Я от отчаянья свистнул — громко, как мог.

Анюта задрала голову вверх. Больше всего сестра походила на вареную сосиску в напряженном парике. Но все равно она поняла, поняла, что означал этот свист. Это было ясно по ее жирафьим глазам. Они улыбались мне, ее глаза всегда улыбаются.

Врач сморщился и посочувствовал Ма, ей все поначалу сочувствуют:

— Сложная у вас тут обстановка, — и его пальцы еще крепче присосались к Анюте. — Девочка, ну, пойдем, пойдем!

Ма сунула Анюте в руку трех «Коровок». Но сестра не стала сжимать свою гигантскую ладонь, и конфеты упали. Двое дядек, которые вместе с врачом приехали, ставили ноги враскоряку, чтобы обойти, не наступить на них своими здоровущими ботинками.

Когда дверь закрылась за ними, я выпрыгнул из «гнезда» и еще свистнул: «Нюрка, ты самая лучшая сестра на свете!»

Ма стояла в коридоре и смотрела на закрытую дверь. Странная улыбка плавала на ее лице. Бесцветная. Как не улыбка вовсе, а просто гримаса.

И тогда во мне заворочался бизон, он колол изнутри живота рогами и елозил копытами, он готовился разрычаться на Ма. Она, не глядя на меня, сволокла радиотрубку с базы и пошла с ней на кухню, продолжая странно улыбаться. Я вздохнул несколько раз, глубоко, с остановкой, перекрывая дыхание своему бизону, и толкнул входную дверь, выпнул валявшиеся конфеты за порог. Одну за другой растоптал в лепешку. И закрыл дверь.

А потом забрался в «гнездо».

Ма долго разговаривала по телефону со своей Аллочкой, как будто бы отчитывалась перед ней... И снова: «устала», «устала»... И еще: «Пусть кто-то с ней постарается нянчиться».

Я отвернулся от дельфина с горячим солнцем под розовым животом. Тогда плакат еще был на своем привычном месте.

Лежал и чувствовал, что во мне хрюкает и ворочается бурый бизон. Не сейчас, но скоро он точно проснется.

И я вмазал себе по животу, где он дышал, и еще раз вмазал.

— 13 —

— Фууу, опять эти рыбные котлеты! — сказал я Мишке, когда мы всем классом топали в столовую после третьего урока. Это было на следующий день после того, как сестру увезли в больницу.

У меня нос сам собой гармошкой сморщивается, если оказываюсь в десяти метрах от рыбной котлеты. В таких случаях я посылаю эсэмэску Анюте — она прибегает в столовую, если не очень занята, и лопает то, что мне неохота. Мишка тоже иногда ей свою рыбную котлету пытается всучить. Иногда полкласса

выстраивается возле Анюты... Но, хотя все ее 180 сантиметров очень прожорливые, она съедает только мою котлету. И поэтому мне в классе все завидуют.

Тогда не то что котлета мне не понравилась, а будто я сам оказался ей неприятен — такой, совсем без аппетита и без Анюты, которая была бы рада слопать ее за милую душу. Вот мне и пришло в голову: сестра-то сидит в этой своей больнице жутко голодная. Анюта так ничего дома и не поела, и еще неизвестно, что в больнице дают на завтрак — может, это ей на один укус, какая-нибудь пшенная кашка...

Давали бы нам на обед свиные сардельки, мне эта мысль пришла бы в голову? Все-таки я ужасный тупица, в этом беда. И не только для меня.

У меня просто живот скрутило от Анютино голода, пока я облизывал пустую вилку.

Еще оставались два урока — русский и литература. Я не стал ничего объяснять Нинпалне, просто сказал, что мне надо уйти, понимаете, очень надо. И она сказала без дурацких распросов:

— Надо так надо, Максим! Хорошо, что предупредил!

Никто бы из учителей так не сказал. Они все закидали бы меня вопросами: «Тебе мама велела уйти? А мама в курсе? А что потом твоя мама скажет?»

Никто из учителей не хочет связываться с Ма. Они уже все ученые. Помнят, что Ма может устроить в учительской, если не в духе...

Нинпална продиктовала задание на дом, я сбегал в класс, схватил рюкзак и помчал в гастроном за яблоками. Анюта без них жить не может. На бегу нашел по инету адрес этого несчастного психоневрологического диспансера. До него, выяснилось, несколько остановок на метро...

Если нормально разговаривать с людьми, не особо сложно разобраться, куда двигать. Я быстро выяснил, в каком корпусе — они все оказались с решетками-«намордниками» на окнах — искать сестру.

— Парень, это чего у тебя такое? — спросил охранник, указав пальцем на мое правое ухо. Бдительный, надо же. — Ты что — глухой?

От скуки спросишь и не такое.

У него было лицо как припорошенное пылью, без «особых примет».

— Компьютер нового поколения, — говорю спокойно, типа крутого не включаю, хотя зубы

у меня постукивали. — Можно давать команду мыслью, а изображение сразу интерполируется на сетчатку глаз. Только ученые пока не выяснили до конца, как это влияет на умственные способности. Может, и стану... ку-ку.

И охранник мне улыбнулся. Я хоть когда узнаю его по улыбке — в 100 блестящих зубов. Он кивнул мне и нажал на кнопку, чтобы я мог крутануть «рога» турникета и пройти.

— Бахилы возьми в корзине. Тебе на второй этаж, — охранник все еще улыбался, наверное, в этом холодрыжном вестибюле с ним до меня никто никогда не шутил.

На втором этаже была железная дверь, покрашенная в едко-белый, аналгинный цвет. Даже во рту загорчило. Я постучал, потом догадался нажать на кнопку звонка. Дверь приоткрылась. На меня посмотрела медсестра — тоже вся аналгинная, озабоченная. «Кого тебе, мальчик?» Я сказал.

Она покачала головой:

— Аня в наблюдательной палате. — Мне понравилось, как она сказала «Аня», с пониманием, о ком говорит. И совсем не понравилась «наблюдательная палата». — Думаю, еще три дня Аня там пробудет. К ней нельзя. И вообще тебя нет в списке посетителей.

— А у вас как, нормально кормят?

Медсестра даже вышла в коридор и рассмеялась. Она кое-что понимала, эта озабоченная своими проблемами медсестра.

— Ну да, Аня — рослая девочка, аппетит у нее хороший, — покивала мне.

— Просто ребятам с таким ростом, например, в спортивных лагерях дают двойную порцию, — пояснил я.

Оригинальное, конечно, сравнение спортивного лагеря и больницы, но главное было продлить разговор, чтобы, пока медсестра не развернулась, успеть попросить:

— Передайте ей яблоки, пожалуйста.

— Не положено, мальчик. Все продукты наши девочки съедают в присутствии посетителей.

— Хотя бы одно, самое маленькое.

Тут важно было действительно выбрать самое маленькое, без вранья. Я вытащил из рюкзака прозрачный пакет с зелеными яблоками и наглядно для медсестры выбрал самое маленькое.

— Она его в две секунды схомячит, — я специально сказал «схомячит», чтобы медсестре сложнее было отказать при такой юморной задушевности.

— Ладно, давай, — она развздыхалась так, будто я нагрузил ее жареным поросенком с кетчупом и маринованным луком в отдельной коробочке, но опустила яблоко в карман. — А где мама, папа? Когда придут на беседу с врачом, мальчик? — озабоченно спросила невероятно озабоченная всем на свете медсестра. — Мальчик, родители сегодня придут?

— Спасибо! — И я дернул вниз по лестнице, потому что врать медсестре с моим яблоком в кармане совсем не хотелось.

Ага, прилетят родители на голубом вертолете...

На улице все же натыкал на мобильнике номер Бориса. Не Ма. Не мог я натекать номер Ма. Борис нахмурился, нехорошо так нахмурился, я почувствовал это, когда ему рассказывал про Анюту.

Меня эта медсестра просто зомби сделала своим вопросом: где родители? Борис мог узнать про диспансер, когда Анюту из него уже выписали. Он же по два месяца ей не звонит — и ничего.

А Борис сразу очень разозлился, очень, как будто не я ему звонил, а Ма. Он вообще в последнее время стал нервным — бизнес же грохнулся.

Миллион раз Борис переспросил, как доехать до диспансера, будто у него в машине нет навигатора, потом попросил завтра быть возле больницы в 18:00, сегодня у него были какие-то дела. И еще попросил, чтобы я провел его к врачу, ну, раз уж я там околачиваюсь, то знаю, на какой этаж подниматься. Ага, кабинет врача в навигатор не забьешь... Ну, как же найти это засекреченное место?

Когда мы с Борисом уже сказали «до встречи», он вдруг проскрипел:

— Ладно, жди меня, через полчаса буду. Мимо поеду и заверну.

«Мимо поеду»... Станный он человек. Семь пятниц и три четверга на неделе.

— 14 —

Мои кроссовки уже чихали от пыли — я обпинал все ступеньки на крыльце больницы. Борис, как всегда, опаздывал. Я волновался — вдруг врач уйдет. И что Ма подумает, когда позвонит домой, а меня — тью-тью...

Наконец, его серебристая «тойота» притахтела, но еще сто часов ушло на парковку — Борис отъезжал-подъезжал, чтобы ровнехонько притереться к бордюру. «Господи,

да придвинься к машине уже сам!» — молил я этот бордюр.

Когда Борис вылез из машины, я сцапал его за потную ладонь (прямо как у его родной дочери перед контрольной по физике) и бегом потащил к той двери со звонком.

Врачом оказалась Нинпална — ну точь-в-точь как она. Глаза желтые, хотя, может, и голубые, или карие, но все равно они кажутся желтыми, потому что веселые и при этом сосредоточенные, как у вратаря при пенальти. Но главное — люди, как они обе, никогда не станут, заходя в бассейн, говорить: «Какая водичка сегодня хорошая» — и при этом писать. Такие люди даже в океане, наверное, не писают. Не могут нарушать чистоту природы — не по их это принципам. Это сразу же ясно, при первом же взгляде.

С такими людьми никогда нельзя начинать с места в карьер, не подумав как следует. Но Борис взял и ляпнул каким-то капризным голосом:

— Вы должны отпустить мою дочь, потому что она абсолютно здорова. Это ее мамашу надо давно запереть под три замка, чтобы она никому не отравляла жизнь.

Я рухнул от счастья, услышав такое сложно-сочиненное предложение... «Браво, Бориска! Повторите на бис!»

Он явно давно не общался с людьми, как наша Нинпална, он только со своей простоквашей находит общий язык. И заработал штрафное очко, я понял это по взгляду Регины Петровны — имя было пропечатано на ее бейджике. Шансов на нормальный разговор оставалось ноль. Ноль — большой и красный.

Регина Петровна что-то в ответ проворчала, я не расслышал, но Борис, похоже, расслышал.

— И сколько вы будете наблюдать? А что, сразу не видно, нормальный перед вами ребенок или нет? — рычал Борис, потирая потные ладони. — Вы понимаете, что мать не может, вернее, не хочет решать ОБЫЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ с подростком? Вот и делает из нее дурочку!

— Обычные проблемы, — повторила Регина Петровна, задумчиво сканируя Бориса. — Знаете, в каждой семье может возникнуть... недопонимание. Но не каждый ребенок потом выходит на балкон... — Ух ты, она уже знала и про этот дурацкий, самый дурацкий на свете балкон. — Вы что, собираетесь это все обсуждать при ребенке?

А я сказал очень спокойно, что должно было внушить ей доверие хотя бы к одному из нас:

— Я не ребенок, а брат. Ане я брат.

Но после выходки Бориса это прозвучало глуповато.

— Пожалуйста, выйди, погуляй в садике, — Регина Петровна попросила без всякого пафоса.

Она не поленилась сама проводить меня до железной двери и выставила как миленького.

Сколько они там проговорят? И о чем? Что там Борис наколбасит про Ма и Анюту?

Я жутко расстроился.

Вначале решил прогуляться вдоль больничного корпуса со стороны улицы. Шел и свистел, поглядывая на решетки. Тот самый пронзительный свист выдавал, который недавно придумал.

Анюта, ну выгляни же!

Ни одна форточка даже не скрипнула. Ага, попробуй пересвистеть гул от проезжей дороги... А может, окна Анютиной палаты выходят на другую сторону?

Я свернул за угол.

И меня обняла густая зеленая тишина. Ее надышал старый парк из высоченных тополей и берез. Раскидистые ветви их давно перепутались.

Я люблю задрать голову и смотреть на высоченные деревья, и чтобы через листву солнце постреливало лучами, не больно покусывало глаза. Мы вместе с Анютой это любим. А самое лучшее — гулять под высоченными деревьями в дождь. Пускай даже немаленький дождь — через шуршащую крышу только капля за шиворот и упадет.

Бормочут листочки с дождевиками, они их долго ждали. Или недолго, но все равно, хочется же узнать, как там дела на небе. Сразу спокойнее становится от такого шур-шур.

И словно кто-то невидимый, но самый мудрый и добрый на тебя сверху смотрит, смотрит и слушает тебя. Думает: что за человек? Он хорошо думает про тебя. И ты можешь спокойно подумать.

И мне правда чуть спокойнее стало, хотя никакого дождя еще не было.

Может, сестра все-таки видит меня...

И грызет зеленое яблоко. Что я, Анюту не знаю? Она так ему обрадуется, и, как минимум, улыбнется, и, может быть, стих сочинит, хотя давно ничего не сочиняла.

И у меня сам собой стих сочинился:

Съешь яблоко зеленое, Анюта!

*Оно чудесней меда и халвы,
Им насладились даже бы волхвы!
Съешь яблоко — язык не проглотит!*

И я представил: вот Анюта догрызла яблоко, семечки стряхнула в ладонь, тоже склевала, как любит — по одному, только хвостик остался. И тихонько «затарактела»: так «спасибо» мне посылает по-дельфиньи — для этого надо упереть язык в небо, чуть раздвинуть губы и дунуть из самой груди. Так тарактелет Анюта меня научила, давным-давно, когда у меня еще никакие штучки-дрючки не сидели за ухом. Тррррррррыыыы!

Я вскочил со скамейки и замахал руками всем окнам в железных «намордниках». Где-то за ними бегали оранжевые жирафята...

А потом включил третью скорость и помчал домой, Ма, наверное, уже паникует...

— 15 —

— Макс!

«Молчи, Мишка, молчи!»

— Макс! Жми к нам!

«Нет, Мишка, нет!»

Мишка вопил мне, а сам дергался, как на ниточках, в хоккейных воротах. Нет в нашем дворе футбольного поля, только хоккейная коробка. Но и она годится, чего там.

Я, когда проходил под аркой, уже слышал, как бьют по мячу — Мишкиному же, специально купленному его отцом под сегодняшнюю игру. Новенькие кожаные удары лупили мне прямо в сердце — сладостно и горько до невозможности. Мяч охал: «Макс!» И опять: «Макс! Макс!» Я застонал даже. Как мог забыть про сегодняшний матч? Мы так его ждали... Семь на семь. С одной стороны — пацаны, мы, то есть с Мишкой, другие из нашего дома, одного с нами возраста, Витек, самый младший — запасной. А куда же его деть?.. Противники — отцы, «отцы-командиры», и Мишкин отец, конечно, с ними, плюс три парня из десятого класса. Уговор был такой: если сложится этот матч, понравится всем, будем выходить каждую пятницу, в 20:00, — лето же скоро, свобода...

Во сне Мишка просто летает по небу, сам по себе. А я — только когда мне снится, что бью по мячу в белую и черную «шашечку». Лупану — и лечу. Черные шашечки кувыркаются голубыми. Я раскидываю руки, воздушная волна стелется под животом, несет выше в небо — блаженство. А мяч все летит. Ловлю в

охапку кувыркающихся голубей уже на траве, потому что во сне я и вратарь тоже. И тогда просыпаюсь...

Даже Ма разрешила мне погонять в футбол. Вначале Ма сказала конкретно: нет! Но я упростил ее позвонить врачу, Михаилу Борисовичу, который меня после кохлеарной имплантации ведет, что он скажет. Он тоже вначале — нет. Ма, держа телефонную трубку у уха, покачала мне головой: дескать, и не мечтай. И тогда я заорал, что надену шлем и поиграю всего полчаса — так можно? Михаил Борисович мой ор услышал, рассмеялся и сказал, что поиграть полчаса в шлеме можно. Но всего полчаса. И в шлеме! А в каком именно? И Ма недовольно спросила:

— Откуда у тебя шлем?

— Не у меня, а у Мишки. Ему подарили. Он такой — мотоциклетный, с ветрозащитным экраном. Называется интеграл.

— Объясняй сам! — и Ма толкнула мне трубку.

— По размеру точно тебе подходит? — спросил Михаил Борисович. — Если хлябает, смысла в нем немного.

Но я сказал, что сто раз примерял, что у Мишки голова точь-в-точь как моя, мы вообще с ним как однояйцовые близнецы. И Михаил Борисович предупредил, чтобы я на ворота не становился и позвонил ему, если забью гол, лучше — пару.

И я, конечно, тут же помчался к Мишке. И он, конечно, сказал, что на, держи шлем, ты будешь супергероем матча. Зря, что ли, такой шлем, под Человека-паука расписанный!.. И отец его сам надел мне этот шлем на голову и обрадовался, что наконец-то от него хоть какая-то польза, потому что купить мотоцикл — это его розовая мечта, а жена не разрешает.

И я полетел домой — вжии, как настоящий Человек-паук.

Всю неделю, стоило только представить, как мы будем биться с «отцами-командирами», в моих коленках начинало чесаться, будто там крылышки прорезались. Мне очень-преочень надо было высоко-высоко отправлять черно-белый мяч в небо и чувствовать, как взлетаю за ним, ведь это не только во сне можно почувствовать.

«Забью гол — и все лето будет классным» — я так загадал. И я знал, что забью: разве зря, что ли, шлем — голова Человека-паука? Я всю неделю чувствовал, как во мне

тихонько возвращается мяч. И даже для Ма пион ее любимый купил. На один цветок денег наскреб. Во мне уже стучался этот мяч, а она обожает свежий запах пионов... У каждого своя радость.

«Отмечусь перед Ма — и в коробку», — подумал я, распахивая дверь в подъезде. Но ничего не стал кричать в ответ Мишке.

Никакой паники у Ма не наблюдалось. Ма устроила концерт на кухне. Сковородки — скорее всего, сковородки — грохали друг о друга, гремели чугунно, тарелочки целыми стопками отзвывивали чечетку, а в раковине рычала струя и железно скрежетал дырчатый дуршлаг. Но весь этот кухонный трам-тарарам не перекрывал залпы Ма:

— Да, Аллочка, да! Потребовал отпустить Анну немедленно! Позвонила мне сама Регина эта Петровна! Папаше — что? Плевать ему на дочуру! А я одна не могу! Не могу с ней!

В груди как спичка чиркнула — пыхнуло. Потопал на кухню — уже унылый, голодный медведь в клетке.

Ма сотней рук жонглировала сковородками, кастрюлями и чем-то еще по мелочи, чистила-драила. На нее находит такой азарт, когда разволнуется. Сто первой рукой Ма прижимала телефон к уху. Она увидела меня и махнула сто второй — садись ешь, вот бутерброды со шпротами. У Ма всегда сердитый вид, когда у нас на ужин бутерброды со шпротами. Это случалось, если Анюта у репетитора засиделась.

Я мотнул головой, дескать, есть не хочу. Выложил на стол четыре яблока из рюкзака и пошел за гитарой...

Сиди на цепи, пока Ма закончит говорить с Аллочкой и мне что-нибудь в итоге объявит. Иначе станет кричать из окна на весь двор: «Макс, быстро домой! Домой, я сказала!»

В комнату Ма вбежала, когда я шептал:

*В наших глазах звездная ночь
В наших глазах потерянный рай...*

Ма прижимала к груди мои несчастные яблоки. Они тут же выпрыгнули из ее рук и раскатились по полу. Не знаю почему, но они напоминали упавшего вниз лицом человека.

Я все равно бормотал:

*В наших глазах закрытая дверь.
Что тебе нужно? Выбирай!*

— Это ты?! Я поняла!!! — бизоны аж сипе-

ли. — Это ты донес Бориске, что твоя сестрица в больнице!!! Откуда бы он еще узнал?

Я повесил гитару на гвоздик, забрался в «гнездо» и свернулся кулаком — крепко-прекрепко сжатым. Уставился на плакат. Надо вытерпеть 32 минуты...

Упругой волной я перекатывался в синем море, и теплое солнце прыгало мне на спину. Зарывался клювом в плотную синеву. Где-то на дне лежал мяч и нетерпеливо подрагивал. Долго плыл, чувствуя его звонкую дрожь. Иногда высовывал голову на поверхность, чтобы вдохнуть — воздух солнечный, но более черствый, чем легкие волны, — и тогда видел вдалеке, как между барашками взвивается большой дельфин с круто загнутым гребнем...

Ма бросила: «О футболе теперь даже не думай», — сдернула шлем со стола, и дверь за ней хлопнула. А я все еще плыл.

Но мяч уже не сиял в глубине.

Ну, подумаешь, невидаль, ну, подумаешь... Эка невидаль — не погоняю в футбол, ерунда... Я и во сне пофутболить могу, даже еще лучше, без этого шлема... Просто не будет, подумаешь, матча сегодня, и классного лета, подумаешь, не будет уже никогда... И не стать мне супергероем...

Я, как ошпаренный, выпрыгнул из «гнезда». Выдохнул и стал откреплять плакат от стены, согнул его вчетверо и подсунул под матрас. Еще год назад я бы просто расплакался... А сейчас подумал: надо спасти хотя бы дельфина... Эти самые когда-нибудь сожрут и его.

«Гадость какая!» — подумал я, но все равно засунул плакат под матрас.

Правда, гадость я делал, было такое чувство... Как воровал... Откуда такое ощущение?

Снова осторожно улегся в «гнезде», так, чтобы плакат не помять, и старался не думать про шлем и про Мишку с «отцами-командирами» в хоккейной коробке... Да они, наверное, уже ушли. И плевать мне, кто выиграл, плевать. Чтобы несчастный этот вечер быстрее закончился, я взял тогда и уснул мертвецким сном, отвернулся к стене и уснул. Навсегда хотелось уснуть.

Только подумал: а ведь Анюте еще хуже.

— 16 —

— Смотри, что Анюта мне подарила, — сказала Ма и достала из сумки круглую коробочку — фиолетовую, с розовой крышечкой. На крышечке сиял голубыми и синими бисерин-

ками дельфин. Явно косатка! Самый крупный вид дельфинов, размер достигает шести метров.

Дельфин переливался всем своим телом.

— ТРРРРРРРРР! — Я упер язык в небо и дунул: — ТР-РРРРРРРР!

И подумал: «Великое спасибо! Просто ВЕЛИКОЕ СПАСИБО, СЕСТРА!»

А еще я подумал: «Может, они помирились?»

Сестра три раза отказывалась выходить из палаты к Ма, а посетителей в диспансере пускали не дальше столовой. Вот они с Ма и не виделись. «Все вокруг клеили эти коробочки, — потом, после Индии, объяснила мне Анюта. — Глупо же делать красивые коробочки просто так, ни для кого».

Ну да, так и есть. Иногда сердиться на кого-то, злишься, и вдруг — бац! — хорошее дело какое-нибудь тебе подвернулось, и почему-то сразу же вспоминаешь того, на кого сердился, и посвящаешь это хорошее дело ему, делишься с ним прежде всего, будто виноват перед ним. Я знаю, у меня так бывает. «А потом я и тебе захотела послать привет», — улыбнулась вчера Анюта. А я сразу это просек, без дополнительных объяснений.

Красивая получилась косатка.

Ма обиженно разглядывала ее.

— У всех коробочки как коробочки. С цветочками. Я же видела, там и другие девчонки дарили их родителям — с ними специально воспитатели занимаются, приносят бумагу, клей... Надо же их чем-то занять! А твоя сестра и тут рыбу слепила. — Ма почему-то не очень умеет радоваться. Прямо как маленькая, не может различить, что хорошо, а что плохо. — Возьми это себе, если хочешь. Ты же их любишь, — и Ма углом сумки пододвинула ко мне коробочку.

Дельфин настороженно приподнял свой игривый хвост.

— Не-а, — я улыбнулся во весь рот и даже руки за спину спрятал. — Анюта еще мне делает. Это ж она для тебя старалась...

Ма махнула рукой, но унесла коробочку в свою комнату, поставила на тумбочку с иконками. Может, все-таки и порадуетесь... Когда-нибудь.

Ма как будто совсем разучилась чему-то радоваться... Не верит, что вообще-то на свете радости случаются. Были и будут. Я даже боюсь ей показать свою таблицу разных цветов и оттенков. А сестра так и не

пощеголяла перед Ма в новом комбезе, который полгода шила, — темно-вишневом, постаринному — альмандиновом... И стих ни один свой Ма не показала... Вот когда-нибудь та удивится... Может быть...

Если Ма чему нашему с сестрой не порадует, то это навсегда становится серым и глупым для меня с Анютой — сколько раз так получалось. Поэтому мы боимся с сестрой что-нибудь Ма показывать.

Ма вообще мало что знает про нас с Анютой, если это к урокам не относится.

Посмотрел тогда на коробочку с косаткой возле иконок и подумал: «Ну когда же они помириятся?» И еще я подумал: у кого есть любовь, есть и надежда на лучшее. А может, и так: у кого есть надежда на лучшее, есть и любовь?..

А если ни того, ни другого?..

И об этом писать в сочинении?

— 17 —

У нас в классе многие запросто выкрутятся из темы «Моя семья»: напишут сочинение про своих дедушек-бабушек — и привет. Дедушка — герой с орденами или на рыбалке однажды во-от такую щуку поймал... А у всех бабушек пирожки самые вкусные, в их шкапулках всяких древних писем и пуговиц «с историей» — завались... Я бы тоже написал про Ба-Веру. Она ведь Анютина бабушка — значит, немного и моя. Но все-таки не моя. Про свою родную бабушку я немного могу написать. Про дедушку Ма вообще не рассказывает, он давно умер, кажется, пчел разводил...

Ма каждое лето говорит:

— Макс, кто-то же должен помочь бабушке. Ну, Макс же, Макс...

И везет меня, надутого, за пятьдесят км от города по Пятницкому шоссе, чтобы я тупо дергал сорняки, собирал крыжовник. Я соглашаюсь ехать как последний дурак. Не думаю, что бабушке особенно здорово становится от моих приездов, мы ведь с ней больше помалкиваем, чтобы не ругаться. Она или у кур чистит, или заводится, что Ма опять у нее денег «клянчила, попрошайка». А я огрызаюсь, что мы и так на всем экономим и вовсе Ма не попрошайка...

Что утешает — в деревне можно сидеть в интернете хоть до утра.

Начались каникулы, и Ма сказала: «Надо помочь бабушке». Куда денешься?

Как-то, отбатрачив на грядках клубники,

я включил ай-пад, зашел на свою страницу «ВКонтакте» — и глазам не поверил. Сообщение от Анюты:

«Операция "Конспирация" завершена успешно. Мы на месте. Завтра Иван Иванович и Светлана Началова приступят к тренировкам на берегу океана. Да здравствует Гоа!!!»

Какая операция «Конспирация»? Совсем не блестящее начало... детектива, что ли? Другой вопрос — откуда у сестры доступ к интернету? Ведь в больнице никому не разрешают пользоваться даже мобильным телефоном.

Я написал:

«Первый, первый, я второй. Ваше сообщение принято. Жду новых донесений».

Анюта откликнулась на следующий день, ближе к вечеру.

«Когда я увидела наш отель, подумала, что мы попали в подмосковный лагерь труда и отдыха — там такие же зеленые домики. Но в номере на кроватях лежали лебеди из полотенца. Это был все-таки настоящий отель, а не лагерь отдыха. Пришел индеец с ресепшен, показал на тумбочку и сказал по-английски: «Это сейф». Показал на бак в ванной: «Это вода» — и ушел. Я открываю сейф, а это холодильник, а в баке никакой воды. Борис снова привел индийца. Тогда тот покрутил ключ в шкафу и говорит по-английски: «Это пусть будет сейф». «А вода где?» — спрашивает Борис. «Вода вечером». Вечером верчу кран, и он остается у меня в руке. Мы с Борисом пошли на ресепшен. Там уже сидела русская девушка. «Милости просим в Гоа, — улыбается. — Здесь боги на каждом шагу. Верное средство: вы помолитесь — и с краном все будет о'кей».

Макс, под окнами нашего номера гудит и хлещет океан! Волны длинные и тяжелые, идут одна за другой. В океане нельзя плавать с заходом солнца и до рассвета, потому что в это время близко к берегу подплывают страховочные морские з-з-змеи.

Но самое главное: не знаю как местные боги, но океан исполняет желания. У него можно попросить все что захочешь, и это обязательно сбудется. Я попросила. И пусть местные боги помогут океану... Океану и мне».

Это уже не походило ни на какой детектив. Это вообще ни на что не походило. Я не стал ничего комментировать, только послал Анюте привет от Ма. Я же тогда ничего не знал, ни о чем не догадывался, вот и послал только привет, а не кучу вопросов. Потому что Анюте

всегда важно, как Ма к ней относится в данный конкретный момент... Она ничему радоваться не может, если не уверена точно, что бизоны не раздувают ноздри. А сейчас сестра очень хотела порадоваться, это сразу было понятно. И я постарался ее успокоить — послал привет от Ма, хотя та его и не передавала. Но, по логике, могла же послать...

На следующее утро от Анюты пришло другое послание.

«Мы с Борисом прокатились на байке по Ашвему. Представь, нам удалось не сбить ни одного пешехода. Здесь нет тротуаров, люди топают прямо по дороге! А еще здесь много почерневших домов, в которых никто не живет. Вначале я думала: они черные от пожаров. А это оказался грибок от проливных дождей, которые льют здесь полгода, — представляешь, какая тоска? В таких домах жить опасно. Из них люди уходят. Эти черные дома — самые одинокие на всем белом свете. Люди в них никогда не вернутся. Дома тоскуют, и на их скулах проступают горькие черные слезы.

Но знаешь, мое первое желание океан уже выполнил: вместо ливней светит солнышко. Значит, исполнятся и другие.

Мне так хочется зайти в один самый черный дом и в каждом окне зажечь свечу. Пусть дом оживет».

В тот день от нее еще капнуло:

«Борис по-прежнему не отвечает на телефонные звонки и говорит, что я не должна выходить в инет. Но мне так надо тебе все-все рассказать! Я пишу, когда Борис спит носом к стенке».

Похоже, Анюта и правда была в Гоа, я уточнил в Википедии: это штат в Индии... Но почему меня об этом никто не предупредил? Сослали в деревню — и радуйся жизни... Но главное, что я уразумел: Анюте там было совсем неплохо. Очень здорово было там Анюте.

Я позвонил Ма, чтобы рассказать ей, что у Анюты все хорошо, мне так хотелось порадовать Ма, вместе с нею порадоваться. Вот это да — Индия! Гоа! Байки! Океан! И посреди всего этого — наша Анюта!

Ма не откликнулась на мой звонок, летом ей, как правило, некогда отвлекаться на телефонные разговоры: ее контора развозит воду жаждущим гражданам. На следующий день Ма позвонила бабушке, и та опять на нее накричала... Я решил не набирать ее второй раз.

Она сама позвонила.

— Как дела? — голос был, может, еще более

усталый, чем обычно. И напряженный.

— Нормально, Ма, — заорал я. — А знаешь...

— Так, мне сейчас не до разговоров, — может, Ма заплакала, по крайней мере мне так показалось. Через всхлипы или какие-то скрипы Ма еще спросила: — Тебе Борис не звонил? Или Анюта?

— Да, конечно, никто не звонил! Ведь Анюта...

— Если вдруг позвонит, тут же дай мне знать.

— Ма! Ма!..

Обрыв разговора. Ну и ладно, раз так, я подумал. Ну и ладно. Я решил не выходить на связь, пока жара не спадет и работы у Ма не станет поменьше.

Анюта продолжала строчить...

«Самое красивое здесь — это собаки. Они изящны и деликатны, прямо барышни под зонтиками. Когда мы завтракаем на веранде отельского ресторанчика, ко мне подходит Белянка — мы с Борисом ее так называли из-за ослепительно-снежной спины (мордочка и бока у нее абрикосовые) — и будто случайно кладет на мою танкетку лапу с поджатыми коготками. При этом щурится в сторону, намекая, что ни на чем не настаивает, но, если вдруг с тарелки соскользнет кусочек сосиски, будет премного благодарна. Как же не соскользнет? Мы с Борисом набираем на шведском столе всякой мясндин в расчете на троих. Но знаешь, здесь эти хвостатые барышни особо не голодают. Обычно официанты выносят для них широкие алюминиевые миски, полные белого риса, сбрызнутого оливковым маслом. Облака на серебре».

«Мы с Борисом встречаем каждый рассвет. С неба — розовое сияние. Спускаемся по каменной лестнице к океану, умиротворенному после сна. Только откатил свои волны от берега — ночью океан любит хорошенько развалиться на пляже — и неспешно разминает свои водяные мышцы где-то там, вдалеке. Берег пропитан влагой океаньей спины, продавлен ею до зеркальной гладкости, и поэтому с каменной ступеньки я ступаю босиком на розовые облака (я знаю, ты назвал бы их точный цвет и все было бы еще прекраснее). А Белянка с щенками забегает в пенный прибой, и сразу несется назад, оставляя на земном небе когтистые "кавычки"... Что написано между ними?»

Мы с Борисом идем по берегу три киломе-

тра, потом возвращаемся. И вокруг — облака, океан, ангелы и собаки.

Мне кажется, я рассказала Борису все, что произошло за мою жизнь. И про птенца, и про дурацкий балкон, и про тебя, и про Ма, какая она усталая. И плохое на этом закончилось. Оказывается, надо только рассказать...»

«Знаешь, он правда смешной — мой папа Борис. Ему ничего нельзя рассказывать все-р-ез. Он боится этого, как какой-нибудь малышонок страшилок про черную руку. Ему все надо говорить полусхута — и тогда ничего, он понимает.

...Знаешь, он даже попросил у меня прощения за свое кряканье из-за того бедолагиптенца, помнишь? И за изгнание Дюймовочки. Мне кажется, мы впервые в жизни с ним так говорим, по душам».

«Он чудный, чудесный мой Па, наш Борис, он правда чудесный.

Знаешь, что он мне рассказал? Как познакомился с Ма и что хотел такой семьи, как у Марии и Пьера Кюри, у этих великих химиков и великих влюбленных. Представляешь? Борис еще мальчиком был, еще в школе учился, а уже обмирал над фразой Пьера будущей жене: «А все-таки как было бы прекрасно то, чему я не решаюсь верить, а именно: провести нашу жизнь друг подле друга, замороженными нашими мечтами...» Друг подле друга, замороженными нашими мечтами... Всю жизнь... Прямо дырка в животе от этих слов. Макс, так мне хорошо! И лишь чуточку грустно. Если была между ними любовь, то вдруг еще будет. Не прежняя, но другая. Вдруг что-нибудь хорошее когда-нибудь между ними все же случится? А знаешь, как Борис называл нашу Ма? Мотылек».

Ничего не отвечал Анюте. По-моему, ей не требовались мои ответы. Ей просто надо было выговориться. И потом, над всем этим мне тоже требовалось подумать. Пьер и Мария Кюри... Мотылек...

«Макс, ты не поверишь в то, что сейчас прочитаешь! Сегодня Борис сказал, что у него есть сын! Семьи нет, то есть с матерью этого мальчика он не живет и никогда не жил, а сын есть!!! И Борис решил, что нам всем надо наконец-то познакомиться! С ума сойти можно! Мне кажется, Борис будто стыдился, что у него есть сын, а семьи нет. Он как-то так туманно сказал: «В семью меня не взяли». Как это странно. И представляешь, жил-жил парень... И думал, что у него есть отец, ну пол-

отца. А про нас с тобой ничего не знал! И вдруг он узнает!.. А мы с тобой есть друг у друга. А у него ни сестры, ни брата! И вдруг мы объявимся! Представляешь? Борис про него мало что рассказал. Мне кажется, наш брат совсем малыш. И очень-преочень хороший — как ты, когда был маленьким.))) А! Каково? Только не обижайся на меня».

Каково! Сын Бориса! Анютин брат! А мне — кто?..

Да хоть кто! Вот жил-жил себе парень, и вдруг — здравствуйте вам, оказывается, имеется у него сестрица, да еще и с братом в придачу!

На следующий день позвонила Аллочка. До этого она никогда мне не звонила.

— Максим... ээээ... — голос Аллочки был встревоженным и каким-то заискивающим. Бурнастого цвета, то есть бурого, то есть не очень понятно, какого цвета был ее голос. — Ты не знаешь, где может быть Анюта?

Я хотел уже сказать где. Но — стоп, что за вопрос? Ма бы сама ей рассказала — в первую очередь, про Гоа-то...

— А чего такое стряслось? — бормотнул якобы равнодушно.

Я не люблю эту Аллочку. Она дает дурацкие советы Ма, как нас воспитывать, хотя своих детей у нее нет, по крайней мере я ничего о них не слышал. Особенно раздражает, когда она даст совет и потом добавляет: «Маргарита, ты просто сошла с ума из-за своих ненаглядных детей. Хватит трястись над ними! Подумай о себе! Наконец-то подумай!» Аллочка говорит это так, как будто мы с Анютой настоящие монстры...

— Да пропала твоя Анюта, пропала, — раздраженно затараторила Аллочка. — Прямо из больницы пропала. Маргарита, ну ваша Ма, с ума просто сходит. Да тут все с ума посходили. Это ж ЧП! Из БОЛЬНИЦЫ пропал РЕБЕНОК. Понятно, что без Бориски вашего не обошлось. Ты понимаешь, чем это обернется? Твою сестру из школы выгонят!

Чем больше Аллочка тараторила, тем больше мне становилось понятно: врет! И не врет!

— Ну? Куда они подевались?! — Я промолчал.

— Говори, Макс, а то хуже будет для всех! — верещала она.

Я выключил телефон. «Хватит врать!» — крикнуть хотел. Но я просто на кнопку нажал.

Пнул батарею — и она, чугунная, будто ногу отодрала, так заболело. Я и другой ногой, левой, тоже пнул. Чтобы хоть немного в себя

прийти. Ерунда какая-то получается.

Ходил, наверное, час, бубнил одно слово: е р у н д а.

А потом Аллочка вновь позвонила. Скорбная.

— Макс, с твоей матерью плохо. Лежит и молчит на нервной почве. Ты же не хочешь ее в гроб свести? Вот и говори, где Анюта с Борисом.

— А вы дайте трубку Ма, — прохрипел.

В ответ Аллочка завелась:

— Да она ее не возьмет! Не может! На нервной почве у нее коматозное состояние.

И я вновь телефон вырубил.

Позвонил Ма на мобильник. Результат нулевой. Еще и еще — то же самое...

И тогда стал уговаривать бабушку, чтобы она отпустила меня на электричке в Москву. Я наврал, что звонила Нинпална, просила срочно приехать для подготовки к олимпиаде по русскому. Про Нинпалну даже бабушка знала. А олимпиада ее хоть как-то должна была утешить. Она принялась обзванивать соседей — не едет ли кто в город, у нее самой было высокое давление, ее «качало». Мне повезло, в город ехала многодетная семья соседей Безруковых. Они согласились: «Будет, Матвеевна, твой Максимка пятым ребенком». И бабушка впервые перекрестилась при мне. Сказала: «Ну, милые, с Богом!» Она будто что-то предчувствовала. А те, кто ничего никогда не предчувствуют, я подумал, вряд ли любят кого-то.

Маленькие безручата все время знакомились с кем-нибудь из пассажиров электрички и куда-нибудь лезли. Мне пришлось в три ноги носиться за ними, белоголовиками, по вагону. Только поэтому и разум не потерял от переживаний за Ма.

А от вокзала до нашего дома, если на метро, только одна пересадка. Сердце завывало не хуже поезда, когда он набирает скорость.

И совсем остановилось, когда я повернул ключ в замке, вошел в нашу квартиру.

Ма явно находилась в квартире, но ее словно и не было.

Ма лежала на диване. В джинсах и синей рубашке, в которых обычно ходит на работу, лежала поверх пледа, отвернувшись к стене. Она не пошевелилась, когда я вошел. Она не пошевелилась, когда я сказал:

— Привет, Ма!

Нет, Ма не пошевелилась.

Я решил: вот сейчас зарычат бизоны. Ма

ждет, когда в ней побольше их накопится, и тогда она повернется ко мне...

Ма не пошевелилась, когда я собирал и развешивал на плечики раскиданные по всей квартире вещи, расставлял на ее тумбочке повалившиеся иконки. Каждая вещь повизгивала от страха и плохо шла в руки, норовила выпрыгнуть из них и забиться в угол.

Я наводил порядок и ждал, что сейчас на меня как нахлынут рогатые...

Я ничего другого не мог ждать. Сейчас они заревут-зарычат.

Все вокруг скукожится и повянет. А я вдребезги разобьюсь.

Ма лежала не шевелясь. Ее ухо тихо высовывалось из кудряшек, как крошечный хомяк.

В Ма не было никакой обиды. Я убедился в этом, когда перегнулся через неподвижную Ма, заглянул в ее полуприкрытые глаза.

И мне стало плевать на всех бизонов вместе взятых, где бы они ни водились.

Я прилег к Ма, но она не пошевелилась.

Мы лежали, скрючившись, как две креветки, только я еще обнял Ма.

Я чувствовал себя слишком мясным и длинным, очень сильным по сравнению с Ма. Может, за неделю у бабушки я успел вырасти на несколько сантиметров и потолстеть. А может, мы давно так с ней не лежали, креветками, тесно-тесно прижавшись, и я давно уже вырос.

— С бабушкой все в порядке, только от давления ее немного качает, — прошептал я. Помолчал немного и произнес: — Анята передает тебе привет. У нее все хорошо.

Я грел Ма своим животом и осторожно дышал в ее ухо. Мне казалось, я согрею Ма. Я надеялся: Ма оттаит и повернется ко мне, тоже обнимет и улыбнется, и мы наконец-то пошепчемся о чем-нибудь смешном.

Но Ма не поворачивалась.

Я встал легко, чтобы не скрипнул диван, почему-то казалось, что я могу напугать Ма, разыскал в нашем огромном шкафу с книгами «Тома Сойера» и стал читать вслух. Ма всегда читает эту книгу, когда гриппую с температурой.

Я грел Ма плечом и боком, я смеялся за нас обоих в любимых местах, хотя мне не хотелось смеяться. Я правда очень старался, как обычно старалась Ма, читая мне эту книжку, переделывая голос под Тома и Гекльберри Финна, под тетю Полли и Бекки...

Наверное, я три главы прочитал.

Но Ма было все равно. Все равно. Ма была маленькой, пустой и нездешней, в ней ничего не помещалось, ни одного слова, ни звука, даже для мысли в ней не находилось места.

Я вывернул руку назад, к тумбочке, и нащупал иконку. Квадратная, самая маленькая. На листочке, наклеенном на дощечку, была изображена Богоматерь с младенцем. Своей ручкой он пытался прикрыть ей уста, но она ее отнимала. Я не знаю, какие слова Богоматерь хотела произнести. Что хотела она сказать, хотя даже маленький Иисус был с ней не согласен. Наверное, она хотела кого-то пожалеть, сказать что-то доброе, самое доброе... Выходит, мать может быть добрее своего сына, лучше Бога... Потому что она его родила и страдала за Него?

Я смотрел и смотрел в ее страдающие глаза. Ее глаза были страдающими. Как будто она уже тогда, с маленьким Иисусом на коленях, знала, что сын умрет на кресте. И все равно она была доброй и нежной. Самой доброй. Я сказал себе: «Похоже, другого выхода нет. Наверное, это будет не совсем честно, я же в Нее не верил. Но Она же должна понять. Если у тебя есть родной человек, за которого ты беспокоишься, все равно когда-нибудь поговоришь с Богом».

— Послушайте, — вздохнув, зашептал я, — послушайте меня внимательно, Богоматерь. Вам... Тебе Ма молится, наверное, каждый день. Уже год молится, до этого не молилась. Целый год она просит Тебя о чем-то. У каждого же свои силы. У кого-то их больше, у кого-то меньше. А у кого-то их вообще было мало, и они уже все вышли. Это же надо понимать. Я, может, сейчас только это понял. Матерь Бога, Ты посмотри, какая Ма наша маленькая, даже ухо ее похоже на хомяка-детеныша. Борис когда-то называл ее Мотыльком... Я слышал, как она молится Тебе: «Вложи в меня дух смирения, терпения и любви». Помнишь? Дух смирения, терпения и любви. Я запомнил, и Ты должна помнить. У нее самой не хватает на это сил, понимаешь? Не хватает, но в этом, наверное, нельзя упрекать человека, у каждого же свои силы. Да?

Божья Матерь, Ма сильная все равно. Ты, наверное, не знаешь, поэтому скажу: первый раз я пошел в первый класс только второго сентября. Потому что первого сентября Ма слишком хотела спать. Но это был последний день, когда от нее пахло вином, хотя до этого — очень часто. Но потом — никогда. И она

справилась с этим сама, потому что Ма очень любит нас с Анютой... Я знаю: любит. Хотя, может, ей и самой кажется, что это не так. И нам это тоже иногда кажется с Анютой.

Помоги Ма, пожалуйста. Она на Тебя так надеялась... А теперь я на Тебя надеюсь. Потому что сама Ма не может. Наверное, надо просить, чтобы Ты сотворила чудо. Но я не чуда прошу. Мне для себя ничего не надо. Пусть я никогда не стану певцом. Если бы я стал певцом — вот это было бы чудо, после этой моей кохлеарной имплантации. Не помогай мне дотронуться до Моего Дельфина. Я сам. И пусть пропадет моя таблица цветов, пусть сожрет ее какой-нибудь компьютерный вирус. Но Тебе же нравится, как Ма молится. Просто сделай так, чтобы Ма снова сказала Тебе: «Вложи в меня дух смирения, терпения и любви». Матерь Бога, пожалуйста. Пожалуйста, оживи сейчас Ма. Оживи, пусть она опять Тебе помолится. Ты же хочешь этого, наверное. И еще — прости меня, Матерь Бога, что я не верил в Тебя. Теперь обязательно...

Окно взорвалось звоном, и диван подо мной взбесился, зазвенел, и тумбочка рядом. Меня оглушил этот вибрирующий гром, подкинул. Я не сразу сообразил, что звонит смартфон Ма, да еще и под окном, возле батареи. «Анин врач» — высветилось на экране, когда его нашарил и подобрал.

— Маргарита Петровна! — рывкнуло в ухе. — Узнали? Это Регина Петровна! Ну что, есть какие-нибудь новости?

— От кого? — спросил я.

— Ой, извините, ошиблась...

— Это Макс. Макс, брат Ани! — закричал я. — От кого какие новости?

— Максим, успокойся, — Регина Петровна сразу сменила тон. — Пожалуйста, передай трубку маме.

— Она ее не возьмет, — прошептал я.

— Почему?

— Я не знаю...

— Ничего не понимаю... А ты знаешь, где Аня? Что с ней?

— Аня с Борисом. Они далеко. Все хорошо.

— А мама знает об этом?

— Я не понял. Кажется, она меня не услышала.

— Почему?

В ответ я пожал плечами, не зная, что говорить.

— Ты можешь передать Ане, что мы все волнуемся, где она и что с ней. Полиция ищет...

Пусть возвращаются как можно быстрее.

— Могу, — просипел я. — Могу передать Ане.

— Вот и хорошо. Будут новости — звони мне сразу.

Я настучал сообщение Анюте в диалогах на странице «ВКонтакте»:

«Ма заболела. Сильно заболела. Она не знала, что ты в Гоа. Вас все ищут. Возвращайтесь. Быстрее».

Чуть клавиши не вылетели из ячеек, так дубасил по ним подламывающимися пальцами.

А потом повернулся к Ма.

Она сидела на диване, закрыв руками лицо, и ее плечи мелко-мелко подрагивали.

Руки Ма упали на тоже подрагивающие колени, и я увидел ее лицо, мокрое от слез, в пунцовых пятнах. Я впервые увидел такими ее глаза. Страдающими. Как на иконе у Богородицы. Я смотрел на них, а вокруг что-то визжало, скрипело... Но это скрипело в моей голове.

— Вложи в меня дух смирения, терпения и любви, — едва выговорила Ма через слезы. — Слышишь? Я сказала! Слышишь?.. Господи, ну почему я такая...

Ма потянулась ко мне, сгребла в охапку и прижала к себе.

— Я не думала... я никогда не ожидала, что ты, Макс... такой хороший... сыночек... Аллочка сказала, что ты так просто никогда не скажешь, где Анюта... Что мне надо заболеть... И только тогда ты скажешь, где они. Но я же правда схожу с ума... Максим... Я же не только хочу отомстить Борису... Я правда с ума схожу... Я люблю...

Ма прижимала и прижимала меня к себе, будто я выдирался из ее рук. А я куда уже не выдирался.

Залез двумя пальцами под свои лохмы и стащил штучки-дрючки. Я не стал изображать, что в ухе чешу... Просто снял штучки-дрючки и держал их в кулаке. Мне было не страшно это сделать. Мне все уже по барабану.

Ма вдруг обхватила двумя мокрыми ладошками мой кулак, принялась его целовать.

Стыд красным теплом пополз из живота к растопыренным ушам. Они были растопыренными — до уровня плеч. Не знаю, перед кем мне было стыдно. Стыдно за то, что Ма слышала, как я молился, и за то, что молился, и что Анюта там, в Гоа, наверное, уже поседела, прочитав мое сообщение... За то, что купил тот несчастный пион, а потом снял плакат, засу-

нул его под матрас, воображая, что Ма когда-нибудь угробит Моего Дельфина. Потому что это же подлость. Это как наговариваешь на человека зря. Это все равно что воруешь... И все плохое потом сбывается, еще хуже выходит...

Уже 32 минуты прошли, а Ма не выпускала моего кулака из своих ладоней, сложенных лодочкой, говорила, замолкала, плакала и начинала вновь говорить...

Чтобы вообще ни о чем не думать, я стал перебирать в голове свою таблицу цветов, проверяя, все ли помню названия.

Порфирный — пурпурный.

Влюбленный жираф — сочетание светло-коричневого и желтого с рыжеватым оттенком.

Танго — оранжевый с коричневым оттенком.

Серо-буро-козявчатый.

— 18 —

Утром я рано смотался из дома, Ма еще не поднялась. Нацарапал записку на какой-то квитанции, валяющейся на кухонном столе: «Пошел в бассейн». Придавил мобильным телефоном — дескать, сама же предупреждала: в бассейн ценные вещи не брать...

А сам потрусил к школе.

Вдруг Нинпална там?.. К примеру, пишет какие-нибудь отчеты или готовит свой кабинет к новому учебному году.

Вот только увижу ее — и перестану распадаться на запчасти... А я распадался на запчасти.

Ворота, обычно прочно завинченные замком, оказались широко распахнуты — только что въехала «газель», ее прытко разгружали рабочие. Банки с краской, какие-то коробки... Понятно, ремонт.

На крыльце замдиректора по хозяйству Богданов объяснял двум грузчикам, куда что таскать, и для наглядности махал перед их носами дымящейся сигаретой. Ничего себе, весь педколлектив в нашей распрекрасной школе изображает из себя ангелов. Можно сто лет проучиться и не узнать, где туалет для учителей, даже его упрятали... Размахивает Богданов, в распушенном галстуке, сигаретой — значит, вряд ли еще кто-то из учителей в школе с утра.

Он меня, по сути, прогнал, даже без всяких приветствий.

— Чего тебе, Максим? Забыл о каникулах?

— Книжку принес, — ответил. Не стал уточнять — кому и какую.

— Зря, — хмыкнул ошарашенный ремонтом Богданов, — не вовремя. Нет никого и сегодня точно не будет. Понимаешь, проблема возникла в одной плоскости, а решить ее можно только в другой. — Похоже, недавно услышал такой силлогизм и тот ему чем-то понравился, вот и шпарил к месту его и не к месту.

Богданов торжественно развел руками:

— Сиречь — книгу принес сегодня — это одна плоскость, но только завтра придет библиотечка Наталья Семеновна. Это другая плоскость.

Я был не очень уверен, что Богданов с плоскостями разобрался, но развернул оглобли.

Еле ноги тащил, но все равно достаточно быстро вернулся к дому. Ма, наверное, еще не ушла... Поэтому засел в беседку, из которой можно было наблюдать за входной дверью нашего подъезда, не особо привлекая к себе внимание.

Через час, как цуцик, продрог, хотя день уже наливался жаром. Еще через час Ма выбежала из подъезда, на ходу проверяя что-то в сумочке. Опаздывает. И только после этого поднялся в нашу квартиру и забрался в «гнездо».

Долго лежал, разглядывая пупырчатую обои, отошедшую в углу потолка. Если проблема родилась в одной плоскости, то решить ее можно только в другой. Станный этот Богданов. Мне удалось даже похвалить себя за дурацкую привычку «затопыриваться» над словами, которые не пойму с ходу. Ни о ком другом, кроме Богданова, мозг не хотел вспоминать.

А еще ждал Анюту.

Анюта и Борис появились вечером, поздно, но Ма еще не вернулась из своей конторы.

Они вонзились в меня взглядами, пытаюсь сразу понять, что и как с Ма. Анюта без слов уразумела: все не так уж и плохо с ее здоровьем — и молча скрылась в нашей комнате. Два раза замок повернула.

— Где Маргарита? — осторожно спросил Борис. Джинсы и рубашка на нем выглядели помято. Мускулы на руках, облитых загаром, казались чрезмерно надутыми.

— На работе.

Борис еще глубже протиснул в меня зондирующий взгляд, но почему-то не решился спрашивать.

— Я позвоню ей, — полусказал-полуспросил. Но, посмотрев на меня, Борис засунул мо-

бильник в карман джинсов. Потоптался, пожимая широкими плечами свои мысли.

— Ладно, — промямлил, вновь доставая мобильник и направляясь к двери, — я сейчас за продуктами, а потом совсем уйду.

— Не обязательно, — мои слова относились, конечно, к продуктам. Но Борис вначале подумал, к тому, что он «совсем уйдет». Обернувшись, поглядел на меня, но, поняв, что к чему, засопел и закрыл за собой дверь.

Тогда я стукнул в нашу комнату. Аня не открывала, а потом все-таки провернула замок, толкнула дверь. Бухнулась на свою кровать, ссутулившись, большой лохматой горой. Я опустился рядом.

Аня сидела, уставившись в одну точку на полу. От нее незнакомо пахло, какими-то специями, и прядки волос кое-где посветлели под индийским солнцем.

Аня искоса на меня взглянула.

— С Ма точно все в порядке?

Я кивнул и не поднял головы.

— А что вообще было?

— Вас все искали. Все с ума посходили.

Сестра внятно сказала:

— Я не хочу видеть Бориску. Эту жеваную формулу, этого Конченого. Он предатель. Он просто предатель и больше никто. — И через паузу, злобно: — И я тоже предательница. Мы предали Ма, понимаешь?

— Ты расскажи, как в Гоа тебя угораздило очутиться, — буркнул. — Вообще, глупость какая-то. Кандибобер.

— Я ничего не хочу говорить, — прошипела Аня, брызнув слезинками, вдруг накопившимися над верхней губой. Но потом она все-таки начала говорить через стиснутые зубы. — У Бориски был ключ от железной двери. Может, он его стащил или дал ему кто-то — не знаю. Мы пошли гулять, с ним меня отпускали, и он мне ключ передал, навесив на уши всякой длинной лапши. «Ты выйди во время тихого часа — тебя будет ждать сюрприз». Я и вышла, когда в коридоре никого не было. Вышла на улицу, а там он ждет в своей «тойоте». Какая же я дура!

Аня ударила кулаком по подушке...

В общем, когда их «тойота» отъехала от больницы, Борис надел черные очки, брякнул игриво:

— Дочура! — Он никогда не называл ее дочурой, а тогда огорошил. — Мы с тобой полетим в Индию, точнее, в штат под названием Гоа. Но чтобы было еще интереснее, давай по-

играем: будто бы мы от всех скрываемся. Такой смешной квест у нас получится. Ну, вроде того. Ты же любишь все эти квесты?

Аня, разумеется, вытаращила на Бориса свои жирафьи глаза.

— В Гоа сейчас, конечно, дожди — из тридцати дней солнечных три, но, может, нам улыбнется удача — авось и солнышко выглянет. Ты как считаешь?

На поддержку «дочуры», несомненно, он мог рассчитывать больше, чем на милость природы. И Аня всем самым счастливым на свете лицом просигнализировала: она считает только так, как пожелает он.

— Тогда я тебе не папа и ты мне не дочь. Я... тренер баскетбольной команды, предположим, Иван Иванович, а ты — подающая надежды баскетболистка, и зовут тебя... Света Началова. Мы летим на тренировки, лады? — И Борис нацепил на нос Ани черные очки, как у него самого. Они были на пол-лица, пахли химией, но фирма стояла крутая. И дурацкая в таком виде Аня поверила всем дурацкостям родного отца. В домашних тапочках и вонючих очках, наверное, можно было верить — проще простого.

— И Ма согласилась на это? — все же спросила сестра.

— Для подающих надежды спортсменов не существуют ни ма и ни па, а только победы, — со смешком проскрипел Борис.

— Аха, аха и аха! — закивала Аня.

— На заднем сиденье — шорты-футболки. Кто бы что ни спросил, ты — Светлана Началова.

— Ань, а как вы прошли через таможенный контроль? Как Борис купил билеты без твоего паспорта? У тебя есть иностранный паспорт?

Сестра задержала плечами:

— Ты меня спрашиваешь, меня? Я же дурочка, дитяшеская дурочка, я не знаю, как оно должно быть! Мы даже в здание аэропорта не заходили. Нас встретил возле какой-то ограды Агалаков, помнишь, Борис как-то говорил: «Это мой лучший друг». Какая-то форма на нем была, синяя. Может, он летчик? Он прямо до самолета нас довел. Самолет был не такой уж большой. Пассажиров немного. Все друг друга знали, болтали и ели, клубничкой пахло на весь салон. А мы сидели отдельно, в отсеке каком-то, голодные. Хорошо, что хоть Агалаков принес два куска торта. Наверное, самолет частный, специальный какой-нибудь? Не знаю, не понимаю я ничего! И сегодня нас

Агалаков так же встретил, ну, когда вылетали из Даболима, это аэропорт в Гоа. Борис же все мне наврал, понимаешь? Я же ничего не знала, мне в голову не приходило, что про все это мама не знает! — Анюта замолкла. И едва прошептала: — А может, и приходило в голову! Только я...

Анютинио лицо скрючила гримаса.

— Я не знал, как я тебя люблю. Ах! Ох! — заговорила, кривляясь. — А сам все это придумал, чтобы показать Ма, что он все может и только он знает, как распоряжаться мной, он самый умный, а она без него — ноль без палочки. Да ему и на Ма наплевать. Я это сегодня все поняла. Борис себе хотел доказать, что он вообще что-то может — крутое. Крутейшее! То, чего никогда не может быть! Сам перед собой выпендривался. Потому что бизнес его грохнулся, вообще вся жизнь грохнулась: ни семьи, ни дела — а ему ж сорок два, кризис среднего возраста. Вот он и решил самоутвердиться. За мой счет. А я — ноль для него. Не любит меня и никогда не любил!

— Да ладно, Ань, сама же недавно писала совсем другое. Любит он тебя, — я бурчал то, что и правда считал, особенно после этих ее гоашных посланий, и нисколько не врал. И еще подумал: «И ты его любишь, даже когда ненавидишь».

— Он любит?! Он?! — гневно прошептала Анюта. — Теперь я все поняла. Он не захотел жить с бизонами, а меня им оставил, прямо под морды подсунул. Ты, доченька, живи в этом стаде, а я отойду в сторонку... Знаешь, с чего ругань у них с Ма началась? Теперь и я знаю — просветил! С пыли! Борис же маньяк чистоты, и аллергия у него на пыль, а Ма не успевала ее каждый день вытирать, потому что училась на вечернем, Борису с бухгалтерией помогала и еще я — маленькая! А он с платочком каждый день квартиру обходил и ей потом этот платочек предъявлял — перепачканный. Вот и начались эти крики! Любовь разбилась о пыль! Ты только подумай! Из-за пыли разбилась любовь! — Анюта замолкла надолго. А потом прошептала: — Было бы по-другому, и не было бы никаких бизонов. Ничего плохого бы не было.

— И меня бы не было, — тоже прошептал я.

Я так хотел, чтобы Анюта сказала: «Как хорошо, что ты есть, Макс, мой большой маленький брат!» Может, для этого я только и сказал, что сказал.

У Анюты были глаза, в которых будто мо-

гут бегать не оранжевые жирафята, а лишь двухметровые крокодилы. И еще дитяшеский голос у нее пропал, наконец до меня дошло. Будто там, в Гоа, голос ее просолился и высох на солнце.

— Знаешь, что я решила? — прохрипела она из своих чуть посветлевших прядок, как из шалаша. — Я уеду в Питер, поступлю там в какой-нибудь швейный или дизайнерский колледж. Мне же дадут общежитие как иногородней. Я видеть его вообще не хочу. Никогда. Предателя этого. Бориску. И Ма не хочу больше бояться. Я не могу больше ее бояться. И вообще никогда не хочу никакого мужа, никакой семьи.

Потому что это всегда — предательство. И ты вырастешь, женишься — и тоже... бросишь меня. А я этого не хочу. Не могу! Лучше сразу — вот так... сгинуть.

Я встал и пошел на кухню — пить очень хотелось. Распахнул дверь в темный коридор, шагнул и чуть не растянулся, наткнувшись на что-то шуршащее и большое... На корточках сидел Борис. Мы с Анютой не слышали, как он вошел. А он, наверное, многое слышал из нашего с сестрой разговора. Борис сидел, прислонившись к стене спиной и запрокинув голову. Рот его был открыт, как будто он хотел крикнуть, но жгучая боль залепила его глотку. В руках его шуршал набитый продуктами пакет, из которого высывался лоток с пахлавой. Я прошел мимо, а он все продолжал сидеть. Шея у него торчала, как согнутое колено. А ночью мне пришла мысль: «Путь из пункта Б в пункт А — это как раз про Бориса. Про Бориса и Анюту. Про Анюту, Бориса, Ма и меня. И этот путь в сто раз длиннее, чем из пункта А в пункт Б».

— 19 —

Проснулся в «гнезде» и свесился вниз: Анюта на месте? Еще не уехала в свой колледж?

Кровать не расправлена. Рюкзак как кинула вчера вечером на подушку, так он на ней и сидит, оттопырив лямки-уши.

Правда уехала?

Они с Ма как начали вчера разговаривать... Я не дождался сестры, заснул. Так и говорят? До утра? Спрыгнул, заглянул в комнату Ма.

Она стояла спиной ко мне, опершись на подоконник. Через длинную, «спальную» футболку проступали худые лопатки. Анюта лежала в постели Ма, укрывшись простыней, и,

задрал голову вверх и чуть в сторону, смотрела на Ма. Наверное, я подумал, она видит Ма перевернутой. А какое выражение лица было у сестры — не разглядеть.

Тихо — уже хорошо?

Но о чем молчат? Помирились или нет? Не понять.

Я вновь запорхнул в свое «гнездо», открыл в айпаде файл «Моя семья».

Стал тыкать пальцем бредятину...

«Мы души не чаем в наших домашних питомцах. Среди них таракан Вася с семейством, моль Крошка и ее сестры, а также пес...» Аж скулы свело... Выделил текст черным и нажал на удаление.

А потом на домашний телефон позвонила Нинпална.

— Здравствуй, Максим!

От неожиданности я раскашлялся. Но она сделала вид, будто слышала вполне человеческое приветствие.

— Ты можешь со мной поговорить? — И, дождавшись, пока прокашляюсь во второй раз, спросила: — Ты не против, если мы встретимся?

У меня голос сразу прорезался:

— Конечно, нет. То есть, встретимся!

Но тут я подумал, что, наверное, в школу уже сообщили о пропаже сестры, вот Нинпална и дипломатично выведывает, что да как. Поэтому выдал из себя:

— Анята нашлась...

— Знаю, вчера мне позвонила директор школы. Слава Богу, — сказала Нинпална ровным, очень ровным голосом, будто хотела меня загипнотизировать своим спокойствием. — Теперь вы все вместе?

Наверное, и так можно было сказать.

— Да.

— Ничем сейчас не занят?

— Нет вроде.

— Тогда, может, выручишь меня? — Она заговорила с извиняющимися интонациями. — Я ногу повредила — так, ерунда. По квартире прыгаю. Но на улицу пока выходить рано. Дочка в лагере. А муж, видите ли, уехал в командировку и оставил меня, инвалида, один на один с Булавкой. Живого веса в ней — полтора килограмма, помесь шпица с кактусом. Ты не сможешь ее сегодня разок выгулять? Муж к вечеру вернется...

— Адрес диктуйте.

— Ваш дом напротив моего, через дорогу, тот, где аптека. Не знал, что мы соседи? Пер-

вый подъезд слева. Квартира 45. Наберешь код — и открою.

Нинпална оказалась в майке с застиранными васильками и закатанных спортивных штанах. На костылях. И светлые волосы длиннее обычного, не очень и причесанные. Но все равно Нинпална была красивая. Я как дурак разулыбался, чувствуя, как покалывает меня ее желтый взгляд.

Нинпална пушкой выставила левую ногу, схваченную выше щиколотки лангетой с оранжевыми липучками, а ее правая нога стояла босая на кафеле, служа подставкой для Булавки. Та жалобно притулилась к хозяйке. И окрас соответствующий — нежно-серый: испуганная мышь. Из гривы «а-ля царь зверей» вылупились две ошалелые пуговицы. При этом Булавка выносила мозг волкодавским лаем. Недоразумение на ножках.

— Она не укусит, вообще этого не умеет, — оправдывалась Нинпална. — Если честно, всех дел на пятнадцать минут... Вот поводок.

И мы погуляли с Булавкой в парке. Она семенила впереди, озираясь на меня. Я старательно успокаивал:

— Красава! Красава!

Слева от дорожки лохматился шиповник, обвешанный мятыми пахучими цветками, мне особенно нравится, что они мятые — будто совсем изнемогшие от пахучести и сладости. Справа на площадке уже наяривали в баскетбол незнакомые парни. По траве тут и там вприпрыжку носились и тявкали, как чихали, обстриженные собачонки, у некоторых из них позвякивали на ошейниках бубенцы.

Есть все-таки нормальная жизнь у кого-то, спокойная и нормальная жизнь, с бубенцами...

И Нинпалну вновь скоро увижу, и, может, поговорим. Даже ее Булавка забавная...

Антарктида где-то разрасталась снегами... Где-то и совсем рядом.

Я изо всех сил заставил себя вернуться с Булавкой к Нинпалне не через пятнадцать, а двадцать семь минут.

— Только лапы Булавке вымою, и сядем пить чай, — сообщила Нинпална, подгоняя костылем собаченцию в ванную. — Проходи в комнату, вот сюда.

Это был «кабинет». Светлый письменный стол, буквой «Г», на два «посадочных» места. На нем предел моих мечтаний — большой «макинтошевский» монитор, исписанные вдоль и поперек бумажки, разложенные веером,

и открытая папка с пухлой стопкой отпечатанных на принтере листов. «Метаморфозы космистов» — ухватил взглядом крупный заголовок. От пола до потолка книжный шкаф (ага, классика, кое-что из фантастики, еще толстые потертые книги с незнакомыми именами), рядом — две пирамиды разнокалиберных книг и журналов, мне до коленки. Возле дивана — столик, уставленный чашками и тарелками с горками нарезки. Запах огурца и вареной колбасы... Сразу проголодался, как дракон. А из картин на стенах особенно понравилась одна, гравюра. Пасечник в длинном балахоне держит красиво изогнутыми руками соты — так иногда музыканты поднимают инструмент на последней, самой пронзительной ноте. Из улья, на который присела пчуга, вылетает рой пчел. К пасечнику летят и пожухивают. Будто весь мир — навстречу ему, ему откликается... Гравюра. А я будто флейту услышал, ее солнечно-зеленое сияние. Тихое, как светляки сияют в крошечной ночи. Спокойная картина, естественная — все как в жизни и... словно волшебная.

В этой комнате вообще все было каким-то волшебным. По крайней мере, для меня. Еще золотисто-смуглые шторы, процеживая через себя пасмурный день, добавляли в комнату тепла и солнца.

— Давай почаевничаем, — Нинпална уложила больную ногу на маленький пуфик и разлила чай. — Мастери бутерброд. Я люблю, чтобы начинка была в несколько слоев, и обязательно с горчицей и помидором.

Я только вначале стеснялся жевать при Нинпалне. А когда проглотил первый бутер с горчицей и помидором, сыром и колбасой, постепенно стал размораживаться.

— Анята, значит, вернулась. Как мама? Как она это все пережила? — спросила Нинпална.

— Пережила, — я вздохнул, тупя взгляд в чашку.

— Да где ж они были?! ...Так понимаю: отец Ани...

— Да, с Борисом... — торопливо промывчал.

— Все живы-здоровы? — уточнила Нинпална, намазывая горчицу на хлеб.

«Ну, ты ведь мечтал поговорить с ней, Нинпальной, — шипел я про себя. — Вот и говори!»

А мне вдруг расплакаться захотелось.

Но я старательно, в два приема, сглотнул слезы. Чайком запил застрявшие в горле осколки рыда.

— Живы-здоровы, — выдавил. Кивнул на папку с листами: — Это вы что-то пишете?

Нинпална поразглядывала меня не впрямую, а повернув лицо вполборота, только ресничинами, как антенками, улавливая мой настрой, чутко.

И вздохнула насмешливо:

— Да, диссертацию. Не поверишь — по философии. Может быть, когда-нибудь защищу...

— О чем диссертация?

— Ой, я безалаберная в науке... То одна тему ветку выбросит, то другая. Сплошные разветвления. Никакой умственной дисциплины.

Я улыбнулся.

— Вы же все-таки учительница...

К столу прицокала Булавка и выставила на меня подозрительные пуговицы. Утробно зарычала. Красава.

Нинпална виновато покосилась на меня и протянула собаченции, задабривая, на пальце кусочек паштета. Та с аппетитом вымыла языком всю ее руку.

— Ох, ну и журулька ты, Булава!

— Нет, ну вы скажите, о чем пишете. По философии... Интересно.

Мне правда интересно стало. Вот удивительно: Нинпална всегда говорит о чем-то главном для меня. В ту минуту главным. Хотя мы, например, просто фильм обсуждаем или сказку какую-нибудь... Так всегда получается почему-то. Или то, что она скажет, вдруг главным становится?

Нинпална задумчиво постукала краем чашечки по губам.

— Давай для начала расскажу историю. Она мне нравится, очень... Однажды один ученый антрополог оказался в африканском племени зулусов — детей неба, как они называют себя, и решил провести эксперимент. В корзину он положил фрукты, поставил ее рядом с деревом и сказал окружившим его негритятам, что тот, кто первым добежит до корзины, в награду получит все фрукты. И знаешь, что они сделали?

Я просто так пошутил:

— Побежали все вместе, чтобы никто не отстал.

— Ты это знал? — обрадовалась Нинпална. — Или догадался?

Чтобы она зря не обольщалась насчет моей гениальности, скрючил физиономию: думайте как хотите.

— Да, негритята взялись за руки и вместе побежали к корзине, — продолжала Нинпал-

на. — А потом поровну поделили фрукты и дружно их слопали. Антрополог спросил у детей, почему они поступили именно так, и кто-то ответил — я так и представляю самого крупного пацаненка с крутым замесом кудряшек над лбом: «Убунту!»

— Как-как? Убунту?

— Да. Убунту. Это слово можно перевести так: «Как один из нас может быть счастлив, если все остальные грустят?»

— Это же было простое соревнование. Пустяк. А тут целая философия, — хмыкнул я.

— Да, вроде бы пустяк, — удовлетворенно кивнула Нинпална. — Но даже в пустяке негритята не могли предать самое важное для себя. Суть убунту, насколько я понимаю, такова: всех людей, все человечество связывают узы единой общей жизни. Если ты это принял душой, то не будешь завидовать, что кто-то сильнее, талантливее тебя, потому что этот кто-то и тебя делает сильнее и талантливее. А если кто-то страдает, то и ты принимаешь его боль как свою.

— Классная, конечно, история. Красивая, да. Побежали, взявшись за руки. Только... Принять чужую боль как свою... Таких людей все меньше. Всяких там эгоистов сейчас — пруд пруди. — Все же не хотелось огорчать Нинпалну несогласием. Вдохнул: — Ладно, есть, допустим, дети неба. Конечно, есть. — Но вдруг почему-то грубо захотелось сказать, что-то там такое полезло наружу. Вот и брякнул: — А есть... не люди, а просто какие-то... навозные жуки. По телевизору каждые полчаса про десяток таких талдычат.

Нинпална, ойкнув, переставила ногу в лангете с пуфика на пол. Начала с удовольствием возводить бутерброд, цепляя с тарелок разные ломтики. И я тем же занялся.

— Жуки, говоришь? А я очень нежно к этим жукам отношусь! — сообщила Нинпална. — Представь: они находят дорогу в свою норку, ориентируясь по Млечному Пути! Ползут себе и на звезды поглядывают... Крошечный жук и далекие, далекие звезды... И между ними такая чудесная связь. Удивительно, правда? Земная и чудесная связь... Ее открыли не так уж давно. Никто и не подозревал. Иногда трудно представить, как одно связано с другим.

Нинпална крепенько откусила от бутера, с набитым ртом помурчала, дескать, вкус выше похвал. Я тоже в ответ помурчал, соглашаясь. Сосредоточенно прожевала, и она продолжила:

— Иногда трудно представить и то, как один человек связан с другим. Ни один человек — это не человек сам по себе. Так считают зулусы. И не только они. Мы не поодиночке. Мы вбираем в себя тех, кто рядом. И даже тех, кто далеко. Мы — все вместе. И порой даже представить не можем, какая у нас связь с человеком, про которого мы, может быть, ничего и не знаем. Сложно сказала? Или понятно?

Я кивнул. Я по привычке кивнул, на автомате, потому что мне нравится соглашаться с Нинпалной, даже когда я не совсем понимаю, о чем она говорит. Но после того, как кивнул, мне как-то особенно захотелось все быстрее понять, что она наговорила. Вот разве я могу жить без Анюты или она без меня? Наверное, жили бы как миленькие, куда бы делись. Но мы вместе, и у нас с ней жизнь в формате Десять Дэ и в два раза длиннее, чем могла бы быть... А если бы Ма не сказала мне, что я замечательный и, значит, мой отец замечательный... И не было бы у меня друга Мишки...

Что было бы? Какой бы я был?

Вдруг я не захотел бы стать Спасателем, не догадался бы? Тогда не выучил бы правила пловца при шторме и не выплыл бы из моря? То есть отец спас меня? Или Ма? Или только один я, сам себя спас? А если...

Запутаться можно...

— «Жить надо не для себя и не для других только, а со всеми и для всех» — так сказал Николай Федоров, которого считают отцом русского космизма, — произнесла Нинпална каким-то таинственным голосом, с блаженной улыбкой. — Великий утопист или великий фантазер — называли его по-разному.

— Ничего про космизм не знаю, — вздохнул. — И как это — жить вместе со всеми? Нет, слова понятные, но вот как это — реально? Нет, вот, правда, как это все — почесноку?

По-чесноку — именно так сказал. Нарочито. Во мне еще много было того, что хотелось выбулькать, выпузырить из себя.

— Давай вначале про Николая Федорова расскажу, — предложила Нинпална. Ее глаза разжелтелись — хоть зажмуривайся. И я приготовился: сейчас, как всегда, шерсть у меня встанет дыбом. — Есть уникальные, особенные люди... И Федоров был таким же человеком. Ни на кого не похожий. Мыслитель, живущий своей идеей... И невероятно добрый. Добрый — до детской наивности. Деньги раз-

давал, знал все книги в библиотеке — библиотекарем работал, и когда читатель подавал список, что требуется, приносил из фондов много больше указанного в нем... Не мог не помочь. Книжку дополнительную принести — пустяк тоже? Нет! — Нинпална выдохнула и усмехнулась над своим «воодушевлением».

— А идея-то какая у него была?

— Идея общего всечеловеческого дела. Из этой его идеи родились две задачи, которые космисты определили главными для человечества. Во-первых, победа над пространством. Это освоение Вселенной, можно сказать и так: обживание планет. Ведь в них будет большая нужда. Потому что другая задача — победа над временем. Федоров мечтал воскресить всех людей, когда-либо живших на Земле. Он мечтал о воскрешении каждого человека. О вечной жизни для каждого.

Я представил такую лучезарную картинку.

— Ничего себе, зомби такие расхаживают по улицам городов и поселков... Иван Грозный, Гитлер, террористы-бомбисты... Не протолкнуться...

— Нет-нет, все по-другому, — Нинпална испуганно замахала руками. Я чуть чаем не подавился от собственной примитивности. — Ничего жуткого такого не будет!!! Воскреснет не кровавый царь Иван Грозный! Воскреснет человек Иван Васильевич, старший сын родителей по имени Василий и Елена, отец пятерых сыновей: двух Дмитриев, Ивана, Федора и Василия. — Она посмотрела на меня испытующе. А я хлопал ресницами. Я бы никогда в жизни не запомнил, как звали родителей Ивана Грозного и его сыновей... — Воскрешение, по Федорову, не означает «простое копирование» человека. Воскрешение не будет механическим процессом. А нравственным, духовным воссозданием. Душа человека восстанет без зла и греха. Осознай! Это не клонирование. Воскреснет родитель в лучах любви сына. Родителя воскресит сын, по-новому познавший его личность. Даже точнее так — идеальную душу. Воскрешение — это прежде всего будет семейное дело.

— И вы верите в этот... бред? — буркнул.

— А Долли, овечка? — парировала Нинпална. — Это, наверное, можно считать определенным этапом... Первой нотой. При всей фантастичности у Федорова есть рациональное зерно...

«А про сына — верите?» — тоже хотелось

спросить. Ну, что объяснять, что не все сыновья так уж хорошо знают своих отцов... Как их, этих отцов, извините, узнать, если...

— На многие вопросы, законно возникающие, например, как именно будет происходить воскрешение, в каком возрасте человек воскреснет — младенцем, зрелым человеком или стариком, Федоров отвечал: это покажет только практика, опыт, — задумчиво пробормотала Нинпална, мне кажется, не без опаски поглядывая на меня. Может, догадывалась, о чем я могу сейчас думать, догадывалась без особой радости. — И, знаешь, он считал, что не только «отец», но и «сын» преобразится в этом процессе воскрешения. Это будет процесс одухотворяющий для обоих...

Я молча жевал колбасу.

— Чтобы иногда понять сложное, непривычное, я иногда к себе прислушиваюсь, — мне показалось, Нинпална это произнесла даже с сочувствием, ясно, к кому из нас двоих. — Во мне самой что-то похожее есть? И вдруг видишь — есть. Вот я в церковь хожу и подаю записочки с поминовением своих прадедушек. Только и знаю, как их зовут, их имена в отчествах сохранились. А вот напишу имена в записочке и чувствую: правильно сделала, душевно правильно... В нас это где-то глубоко заложено: не забывать своих, держать их и за них держаться... Почему же наука никогда не сможет это воплотить в реальность?

Я перебил ее:

— А вдруг все-таки выйдет злобная Долли? Ну, не Долли... А просто человек жил гадом, наделал кучу зла. И он такой вновь объявится...

— Федоров был уверен в обратном: человек будет иметь другую материальную природу — высшую. Его тело станет подчиняться одухотворенному сознанию. И тогда человек сможет принимать разные формы, быть гостем во всех временах, жить во всех мирах. Интересно, а? — Нинпална дзынькнула своей чашкой о мою. — Но все свершится, когда человек научится управлять всеми молекулами, всеми атомами... — Она сделала многозначительную паузу. — И главное — когда человечество станет братством сынов для дела воскрешения отцов.

В таких объемах — космических — я еще никогда ни о чем не думал. Будто мозг стал резиновым и растягивался.

— Ага, всемирная любовь... Сейчас одна война за другой... СССР даже развалился, а там была хоть и не любовь, но дружба наро-

дов. — Специально перебил Нинпалну, чтобы сделать перерыв в потоке информации, которую едва успевал переваривать.

— СССР... Дружба народов... — проворчала она. Сказала запальчиво: — А ты любишь маму-папу?

И лицо ее сразу же покраснело. И мое тоже вспыхнуло.

Я люблю маму-папу, а?

А сестра теперь любит Борису?

Нинпална коротко, остро, взглянула на меня.

Она взглянула на меня как на умного человека.

С надеждой.

А потом вдруг успокоилась.

— Все малые дети любят маму и папу. Все. И еще старики остро чувствуют свое единство с родителями, — медленно проговорила она. — Федоров считал, что всемирная любовь должна родиться из детской чистой и искренней любви к родителям. Она выше любой другой. Он полагал, это то, что уподобляет человека Святой Троице... Помнишь о ней?

— Мы же с вами однажды говорили... на заседании клуба... об иконе Андрея Рублева... Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух.

— Молодец, — как на уроке, сказала она. Нинпална и на уроках говорила «молодец» не так, как другие учителя. Азартно, прищелкивая от удовольствия языком. Сейчас тоже прищелкнула. — Помнишь, в Троице три равно единице?

— Эээ...

— Троица — это общность, да? Объединенная любовью. Троицу невозможно разделить, потому ее и называют Троицей. При том каждая ее Божественная Личность не растворяется в другой, она существует самостоятельно, но вобрав в себя свет двух других совершенных и вечных Божественных Личностей. Это в высшем смысле семья. Семья. Троицу и нужно принять для организации жизни людей, считал Федоров.

Мы с Нинпалной помолчали. Она — многозначительно.

— Забавный можно было бы написать фантастический роман, — я наконец ухмыльнулся, стараясь быть хотя бы вежливым.

— Захотелось — твори, — Нинпална одним глотком допила чай. — Знаешь, иногда фантазия бывает реальнее куска колбасы.

— Вы диссертацию по учению космистов пишете. Зачем? Просто интересно? Или вы

смерти боитесь, а здесь хоть какая-то надежда... — Что-то я разговорился, вряд ли по делу...

— Знаешь, чем меня эти «наивные» космисты заворожили? Порывом души. Федоров будто к себе прислушался, почувствовал, от чего человеческой душе хорошо становится, — и отсюда идею свою вывел. От самого корня души. Когда узнаешь, что за человек был Николай Федоров, читаешь его статьи, легче становится, — сказала Нинпална, вновь укладывая, наверное, подстывающую от боли ногу на пуфик. — Физически легче. Думаешь о нем и чувствуешь: зло убывает. Во мне меньше зла хотя бы. И в людей начинаешь больше верить. Если один уверовал в человека, так радостно уверовал, а Федоров не один такой был, то, может, и правда, в нас стоит верить? И потом, из этих утопических идей знаешь, сколько всего нового и прекрасного еще появится? Новое небо поднимется.

— Вы говорите как они, эти утописты...

— Ладно, Макс... — отмахнулась Нинпална. — В общем, тебе не понравилось. Я — наивная фантазерка. — Она вновь улыбнулась. Легко, без обиды. — Муж то же самое мне говорит. Но я все равно уверена: человек — это всегда бездна возможностей. Любый человек. Иначе я не работала бы учительницей. Соскучилась бы давно.

А я достал из кармана яйцо, золотое, с облупленным носом. Я его с собой взял неизвестно для чего. А теперь оно пригодилось. Вытащил его из кармана, улыбаясь по-идиотски, как маленький. Захотелось вытащить.

— А у меня вот что есть...

Нинпална улыбнулась мне от уха до уха.

— А еще вы на пасечника походите.

— На какого пасечника? На гравюре? Ничего себе комплимент... Вот уж никогда не задумывалась об этом! — удивилась Нинпална и внимательно воззрилась на гравюру.

Булавка прыгнула ко мне на колени, принялась старательно облизывать правую щеку.

— Фу, Булава, фу! Не хватало еще, чтобы ты слопала Максима. Ой, Максим, ты же знаешь все цвета и оттенки! — вдруг всполошилась Нинпална. — Скажи, как называется ее окрас!

— Ну, для домашнего пользования ее окрас может называться «испуганная мышь». Мда, тут уж ничего не попишешь. А для гостей... — я глубокомысленно поперебирал в памяти свою таблицу. — Для гостей пусть бу-

дет блед-д'амур. Это голубовато-серый цвет. Вечером шерсть Булавки приобретает именно такой окрас. Уверен. Не замечали?

— Подожди, — Нинпална прытко поднялась и попрыгала к столу, стучая костылями. — Сейчас запишу. Максим, ты пвыходи ко пфе, когда захочешь, — зажав колпачок от ручки во рту, проговорила она. И еще повторила, вынув колпачок: — Пожалуйста, приходи, дорогой.

А я и так уже, без приглашения, чувствовал себя суперсконцертированным и как на вершине айсберга... Уже на пороге спросил:

— Нинпална, а каким был отец у Николая Федорова? Каким-нибудь суперхорошим или... наоборот?

— Он бросил своих детей и жену... Это было тяжелейшим потряс... А почему ты спросил?

— Ага, — сказал я. — Так и подумал.

— 20 —

Они странно сидели за кухонным столом, будто их опрыскали лаком с крепкой фиксацией — с усилием шевелили руками и едва поворачивали головы.

Ма, Анюта, Борис и какой-то пацан. Пацан длинный, но помладше меня. И жирафьи глаза у него улыбались, хотя улыбаться ему, по всему было видно, совсем не хотелось.

«Парадный» сервиз раздувал на белой скатерти бока с красными и золотыми цветами. На тарелках — треугольники шоколадного торта, чуть отколупнутые нашими тоже «парадными» крохотными ложечками.

— А мы тебя ждем, — Ма неуверенно потянулась за чашкой для меня. Ее веки чуть припухли пельмешками. Плакала или от недосыпа?

О чем они без меня говорили? Или просто молчали, колупали ложечками шоколадный торт? Анюта ловила взглядом за окном ворон, пропустив мое вопрошающее шевеление бровями.

Борис ждал, покашлявая, пока усядусь и Ма нальет мне чай.

— Максим, я хочу вас познакомить, — сказал он и положил одну ладонь на мое плечо, а другую — на плечо незнакомого пацана. — Игорек. Игорь — мой сын, — Борис старался говорить спокойно и, может быть, уверенно. И это ему неплохо удалось. — Я думаю, нам надо чаще так собираться, — Борис досадливо сморщился от своих слов. Усмех-

нулся издевательски — над собой. Справился с какой-то там своей мыслью. Широко развел руками, будто всех нас старался обнять...

Красноречивый вы наш... Непривычный он сидел, в белой рубашке с длинными рукавами и дурацком кривом галстукке, который, наверное, надел первый раз за сто лет. Но совсем не выглядел пафосным, как обычно. Вообще, я не помню, чтобы мы все вот так вместе сидели за кухонным столом. Да плюс этот чудик — стесняющийся Игорек. Только бабушки с ее гусями еще не хватало...

И я только сейчас заметил зажигательную подробность: Ма и Анюта порыжели. Клоками. Кудельки разной степени рыжести, тугие от свежей краски, торчали у них, как маленькие рожки.

Я посигналил глазами Анюте: зрелище фантастической красоты. Она успела прыснуть улыбкой, означающей, может быть, «ну уж как получилось, в первый же раз».

Потом я наконец-то протянул Игорьку лапу: — Здорово!

Он посмотрел на меня диковато, из-под густых ресниц, в ответ сунул ладонь. Игорь не улыбнулся, но когда у человека жирафьи глаза, все равно кажется, что он улыбается.

А я, сжав руку Игорька, вдруг испытал разочарование.

Если такие удивительные встречи происходят, почему руку мне жмет не отец? Я всю дорогу от Нинпалны до дома чувствовал его в себе. Даже не знаю, почему так получилось. Я в нем, как в скафандре, только что шлепал по лужам, и они расступались перед моими кроссовками, почти и не брызгались. Я чувствовал: ничего плохого со мной не случится...

Борис торопливо, глоток за глотком отхлебывал из чашки, что-то собираясь, наверное, произнести. Но непросто же вот так гладко все говорить, если обычно имеешь дело преимущественно с простоквашей.

Чтобы разрядить обстановку, я выпалил:

— Убунту! — И кивнул Борису. И Ма. И Анюте. Игорю тоже кивнул.

И Борис мне кивнул, хотя, ясный пень, это слово было ему незнакомо.

Мы сидели и кивали друг другу. Вот только все были неуклюжие и побрызганные лаком с особо сильной фиксацией — и вдруг закивали, запереспрашивали: «Убунту?» — «Убунту!» Со стороны это, наверное, выглядело очень смешно. Мы все были гораздо глупее, чем эти негрятята, дети неба, это как пить дать.

Я засвистел и зацокал. Зацокал и засвистел. Пусть Игорек и подумает: «Ну и дурак». А что конкретно означает этот свист и цоканье, я потом ему расскажу, всем расскажу... Потом, когда сам догадаюсь.

Вместо эпилога

*Сочинение
Приглашение
(мыслеграмма)
Действительно вечно
Планета ЗемеРа,
5017 год, август 30.*

Милостивая государыня, любезнейшая и почтеннейшая Нина свет-Павловна!

В сей мыслеграмме спешу изъяснить Вам чувствительную благодарность мою за все знаки Вашей ко мне приязни, кои Вы щедро даровали мне на протяжении моих школьных лет жизни.

Сообщаю Вам, что я воскрешен волею милых детей моих, о возможности чего Вы с присутствующей Вам мудростью и убеждали меня на заре моей Первой Жизни.

Мельчайшие частицы моего тела, разума, воли и эмоций прошли очистительные процедуры любви моих драгоценных потомков и великолепно слились в мой духотел в «капсуле life», расположенной в Доме рождения № 678 города Miting. Из «капсулы life» я поднялся в полном владении всеми физическими и духовными возможностями самого совершенного духотела. Но не собственное совершенство преисполняет меня восторгом, а то, что отныне каждому духотелу даровано полное упокоение друг в друге. Полное упокоение друг в друге и истинная любовь.

Одно только меня смущает — побочным эффектом личного моего процесса Реабилитации стала возможность изъясняться сугубо на языке XVIII—XIX столетий. Между тем врачекиборги заверяют меня, что судьба ко мне милостива, поскольку иные духотелы претерпевают и другие неожиданности. Одни возвращаются в жизнь, шелестя ветвями дуба или клена, другие в облике мифологических героев, к примеру Геракла или Единорога, а иные

осознают себя своим собственным папенькой. Однако же все эти курьезы, изредка происходящие при Реабилитации, со временем поддаются исправлению.

По своем воскрешении я принял в объятия ангела моего, сестрицу Анюту, а также возлюбленную супругу мою и милых своих деток и деток любимой моей сестрицы. Я сразу же вспомнил не только имена деток, но и озорные прозвища, даваемые им мною по характеру, заслугам или шалостям: Воробей, Закаляка, Муху-не-трогай, Шумахер, Бегемот Троглодитыч, Ангина Гриппозовна Температуркина, Смехсмехыч, Ковбой. Только затем я перешел к лобзаниям правнуков и прапра-правнуков (заняло это немного — недели четыре).

И сразу затем с преогромным волнением я припал к Реестру Прошедших Реабилитацию, желая отыскать среди них Ваши незабвенные имя, отчество и фамилию, а также и друга моего Михаила. И как же возликовало мое сердце, когда обнаружил искомые драгоценности.

А посему имею честь пригласить Вас вместе со всем Вашим семейством в субботу, полудни, на Большую Поляну возле Корявой Березы, что пустила свои корни рядом с городом Miting на планете ЗемеРа. Мои милые дети и дети моей дражайшей сестрицы Анюты с необыкновенной тщательностью изучили все 1.683.734 открытые ныне планеты, дабы найти дерево, хоть отдаленно напоминающее то, под которым однажды Вы приветили участников нашего школьного клуба, а потом и мое семейство стало проводить там едва ли не каждую субботу в летнее время. Обнаружение Корявой Березы требовало основательного рассудка. Но мои милые потомки справились с таким трудом и порадовали меня, что, смею надеяться, я верой и правдой заслужил перед ними.

Нетерпеливо желаю дожидаться приятного свидания с Вами, любезнейшая и почтеннейшая Нина свет-Павловна!

С чувством душевного к Вам почтения имею честь быть, милостивая государыня Нина свет Павловна, Вашим покорнейшим слугою

Максим Иванов.

УЧИТЕЛЮ И УЧЕНИКУ

Вопросы к обсуждению повести Ирины Краевой «Дети неба, или Во всем виноваты бизоны»

В конце практически каждого номера «Путеводной звезды» редакция предлагает вопросы для обсуждения прочитанного произведения — в классе, библиотеке или в кругу семьи. В журнале «Путеводная звезда. Школьное чтение» № 6 за 2026 год опубликована повесть «Дети неба, или Во всем виноваты бизоны» — современной российской писательницы Ирины Краевой. Это произведение поднимает проблемы сложных взаимоотношений в семье, в которой в общем-то любящие друг друга люди не могут найти общего языка. Порой кажется, что и дети — Макс и Анюта — уже не смогут построить в дальнейшем счастливую семейную жизнь. Но все же автор оставляет надежду читателям...

Надеемся, эти вопросы помогут вам составить интересный разговор о повести «Дети неба, или Во всем виноваты бизоны».

1

Кого в повести действительно можно назвать «детьми неба»?

2

Расскажите о Максе, от имени которого и ведется повествование. Вы хотели бы иметь такого друга? Почему Максим так любит бабушку Анюты, которую никогда не знал? Чего ему не хватает в жизни?

3

Почему так близки брат и сестра — Макс и Анюта? Почему они делятся своими мыслями и сокровенными мечтами только друг с другом?

4

Как к внутреннему миру Макса и Анюты относятся их мама? В чем причина такого отношения?

5

Какие поступки Ани вы не одобряете? Чем они продиктованы? Как бы вы поступили на ее месте?

6

Вы согласны, что автор подсказывает юным читателям мысль: надо уметь прощать своих родителей — и тогда будут счастливы и родители, и дети?

7

Расскажите об учительнице Нине Павловне. Вам бы хотелось, чтобы она была учителем в вашем классе? Почему? Как вы поняли учение Николая Федорова?

8

Автор оставляет финал открытым: взрослые и дети собрались за столом, но неизвестно, получится ли у них восстановить добрые отношения. А по вашему мнению, что они должны для этого сделать?

9

Как вы думаете, почему автор заканчивает повесть необычной «мыслеграммой» Максима?

10

На чем держится любовь внутри семьи?

Журналы Российского детского фонда

Став инициатором создания и учредителем нескольких журналов, Российский детский фонд считает их своей нравственной программой защиты детей, программой помощи взрослым — учителям, врачам, родителям, вообще — защитникам детства. Поэтому, привлекая внимание взрослых к этому своему

проекту, прежде всего губернаторов, глав территорий, руководителей органов образования, здравоохранения, социальной защиты, иных госструктур, в полномочия и задачи которых, безусловно, входит духовная защита детства, Российский детский фонд надеется на партнерство и сотрудничество.

Наши координаты для связи:

101990, Москва, Армянский пер., 11/2а.

Тел. (495) 625 82 00, факс (495) 624 24 90. E-mail: izdatelstvo@defond.org

Журнал «Путеводная звезда. Школьное чтение» (с 1996 по 2000 год — «Школьная роман-газета») рекомендован Министерством образования РФ для программного и внеклассного чтения всех средних учебных заведений. «Путеводная звезда» — это еще и помощь учителю литературы, истории и иных гуманитарных дисциплин. В конце каждого номера публикуется конспект учительских вопросов ученикам, которые позволяют провести содержательный диалог по обсуждению каждого опубликованного произведения. Внутри номера — журнал в журнале «Большая перемена», постоянно публикующий письма, стихи и прозу детей, публицистику, обращенную к ним, юмор, а также другие материалы.

Подписной индекс журнала «Путеводная звезда. Школьное чтение»: в каталоге «Почта России» — П 1953, П 5924 (годовой).

Ярко иллюстрированный журнал для детей и юношества. Издается по благословию Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Его цель — православное воспитание и просвещение. В увлекательной форме журнал рассказывает о тысячелетней истории Русской Православной Церкви, о нашем Отечестве — его духовной основе, культуре и искусстве. Материалы «Божьего мира» могут быть использованы на занятиях в православных гимназиях, в школах — воскресных и общеобразовательных, для чтения в семейном кругу. Выходит 6 раз в год.

Подписной индекс журнала «Божий мир»: в каталоге «Почта России» — П 5266.

«Дитя человеческое» — это журнал для родителей, учителей, врачей — всех, кому дороги дети и детство. А еще у него есть подзаголовок: взрослым о детях. Журнал публикует законы Российской Федерации, а также наиболее значимые законы регионов на тему детства. Публикует материалы об образовании и здоровье детей, постоянно специальные свои номера он посвящает положению детей в России — как независимые доклады общественной организации взрослых в защиту детства — Российского детского фонда. Публикуются репортажи и иные материалы о работе общественных организаций страны, Российского детского фонда, Международной ассоциации детских фондов. Цветное иллюстрированное издание. Выходит 6 раз в год.

Подписной индекс журнала «Дитя человеческое»: в каталоге «Почта России» — П 5192.

Общероссийский общественный благотворительный фонд «**РОССИЙСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОНД**»

QR-код
для финансовой
поддержки

Российский детский фонд – это организация взрослых в защиту детства. Является правопреемником Советского детского фонда им. В. И. Ленина, учредительное собрание которого состоялось 14 октября 1987 года в Колонном зале Дома Союзов.

Российский детский фонд – это первая и самая крупная в стране благотворительная организация.

Отделения Фонда работают в 67 регионах.

Почти 40 лет помощь получают страждущие дети – сироты, инвалиды, ребята из многодетных семей, те, чьи родители погибли, выполняя служебный долг... Все те, кто остро нуждается в поддержке.

Работа активно ведется по 30 программам, среди которых «1 июня – Международный день защиты детей», «Дети Донбасса», «Панда», «Начеку!», «Духовная защита», «Детский туберкулёз», «Детский диабет», «За решёткой – детские глаза», проекты «Мили доброты» и «Звуки жизни»...

Девиз Фонда:

«Ни дня без доброго дела!»

Главный принцип:

**«Дети вне политики, вне
национальности»**

Во времена трудных испытаний Детский фонд всегда был вместе со страной. И всегда – на переднем крае.

Вы можете стать Волонтером
Российского детского фонда!
Присоединяйтесь к нам!

Российский детский фонд

Адрес:

101990 Москва, Армянский пер. 11/2а

Телефоны:

+7 (495) 625-82-00 (приёмная Председателя Фонда)

+7 (495) 623-10-95 (секретариат)

Электронная почта:

info@detfond.org